

**ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
БЕЛОРУССКАЯ ВЕТВЬ АССОЦИАЦИИ
“ИСТОРИЯ И КОМПЬЮТЕР”**

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Учебное пособие для студентов вузов

Бібліотека Тернопільського
національного педагогічного
університету ім. В. Гнатюка

751669

**МИНСК
“ТетраСистемс”
1996**

ББК 63.2я73

М 54

~~УДК 930.001(075.8)~~

Авторский коллектив:

О.В.Горбачева, С.Б.Каун, Н.И.Миницкий,
доктор истор. наук, проф. А.Н.Нечухрин,
доктор истор. наук, проф. В.Н.Сидорцов, О.М.Шутова

Редакционная коллегия:

проф. А.Н.Алпеев,
доктор истор. наук, проф. В.Н.Сидорцов,
кандидат истор. наук, доцент В.Ф.Кушнер

Рекомендовано к изданию

Ученым Советом

**Гуманитарно-экономического
негосударственного института**

Методология истории: Учебное пособие для
М 54 **студентов вузов / Гуманитар.-экономич.**
негос. ин-т Респ. Беларусь; Белорус. ветвь Ассоц.
“История и компьютер”; А.Н.Нечухрин, В.Н.Си-
дорцов, О.М.Шутова и др./ Под ред. А.Н.Алпеева и
др.-Мн.: НТООО “ТетраСистемс”, 1996. - 240 с.
ISBN 985-6317-13-4

В пособии на основе современных теории истории и историографии рассматриваются специфика исторического познания, структура, принципы и методы исторического анализа. Соответствует типовой программе по методологии истории для вузов. Адресуется специалистам в области истории и философии, аспирантам и студентам, всем, кто интересуется историей как наукой.

М9300000000

ББК 63.2я73

ISBN 985-6317-13-4

**© Гуманитарно-экономический
негосударственный институт,
1996**

ЕТУ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	26
ГЛАВА 2. СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	41
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	61
1. Функция социальной памяти.....	62
2. Научно-познавательная функция.....	67
3. Воспитательная функция.....	72
4. Политико-идеологическая функция.....	75
ГЛАВА 4. СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	80
1. Исторический источник.....	80
2. Исторический факт.....	88
3. Эмпирический и теоретический уровни познания в историческом исследовании.....	100
4. Организация и представление исторического знания.....	109
5. Категории исторической науки.....	122
6. Описание в исторической науке.....	137
ГЛАВА 5. ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ.....	142
1. Принцип историзма.....	143
2. Принцип объективности.....	148
3. Ценностный подход в истории.....	152
ГЛАВА 6. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ.....	160
1. Общенаучные методы и их место в историческом исследовании.....	160
2. Традиционные специально-исторические методы.....	169
3. Социально-психологический подход.....	185
4. Количественные методы.....	194
5. Историческая информатика.....	209
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ.....	221
ЛИТЕРАТУРА.....	237

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный этап в развитии отечественной историографии характеризуется переосмыслением ее исходных теоретико-методологических установок, поиском новых концепций интерпретации истории. Этот поиск, как обычно, сопровождается кризисом в науке. Происходит переоценка составных элементов системы научного знания и совершается преобразование ее структуры. По словам американского философа Т.Куна, кризис является «соответствующей прелюдией к возникновению новых теорий»¹.

Теоретическое обновление науки означает широкую работу по осмыслению причин кризисной ситуации, выявление тех элементов научного знания, которые не выдержали проверки практикой, внедрение новых методов исследования и т.д. Все это невозможно без глубокого понимания историками сущности и задач своей науки, особенностей ее познавательного процесса, овладения ее методологическим арсеналом.

Конечно, дальнейшее развитие отечественной историографии в немалой степени будет определяться системой подготовки кадров, материальной и источниковой базой науки, ее организацией и другими факторами, но решающее значение принадлежит здесь уровню теоретической и методологической вооруженности исследователя. Поэтому требуется не только всесторонняя проработка теоретико-методологических вопросов исторической науки, но и включение соответствующих курсов в систему профессиональной подготовки историков, таких, как теория (философия) истории, или историософия, методология истории, история мировой исторической мысли, историческая информатика и др.

Данная работа является первой попыткой создания учебного пособия по методологии истории. Поскольку одновременное издание в настоящее время по-

¹ Кун Т. Структура научных революций /Пер.с англ.- М.: Прогресс, 1975. С.116.

собий по всем вышеназванным курсам затруднительно, хотя потребность в них очень большая, авторы сочли необходимым несколько расширить предметно-содержательную часть пособия, показать различные подходы к изучению истории.

Пособие подготовлено в соответствии с учебной программой курса «Методология истории», одобренной Министерством образования и науки Республики Беларусь. Оно поможет студентам глубже овладеть основами профессиональных знаний, будет способствовать повышению качества их исследований, выработке навыков самостоятельной работы с источниками, адекватной оценки научных концепций и фактов.

Данное пособие окажет существенную помощь в освоении таких дисциплин, как историография и источниковедение, архивоведение, музеология и др.

Будущему учителю знания по методологии необходимы для преподавания в школе в соответствии с современными требованиями, для формирования творческого отношения учеников к изучению истории.

Основа пособия была заложена на кафедре всеобщей истории Гродненского государственного университета, ее заведующим доктором исторических наук профессором А.Н.Нечухриным. Существенный вклад, особенно в раздел о методах исторического познания, внесла кафедра источниковедения и музееведения Белорусского государственного университета и Совет БАГІК-АИК (Беларускай Асацыяцыі «Гісторыя і камп'ютэр» - ветви Ассоциации «История и компьютер») во главе с доктором исторических наук профессором В.Н.Сидорцовым. Необходимую поддержку авторскому коллективу, осуществившему подготовку издания под руководством В.Н.Сидорцова, оказал Гуманитарно-экономический негосударственный институт во главе с профессором А.Н.Алпеевым.

Авторами пособия являются:

А.Н.Алпеев	-	предисловие;
О.В.Горбачева	-	гл. 1, словарь терминов;
С.Б.Каун	-	гл. 6, п. 2;

- Н.И.Миницкий** - гл. 4, п. 4;
А.Н.Нечухрин - введение, гл. 2-3; гл. 4, пп. 1-3,6; гл. 5;
А.В.Сидорцов - компьютерная обработка;
В.Н.Сидорцов - введение, гл. 4, пп. 1,5; гл. 6, пп. 1,4,5;
О.М.Шутова - гл. 6, п. 3.

Коллектив авторов выражает благодарность **А.Н.Фурсу, С.Н.Ходину, В.А.Савицкому** за подборку ряда материалов для пособия, а также **И.К.Германовичу, О.Ф.Зирко и Н.П.Казакевич** за оформление рукописи.

Авторы и редакторы учебного пособия будут благодарны за все отклики и пожелания, которые непременно учтут при подготовке следующего издания.

ВВЕДЕНИЕ

Предмет и задачи курса. За более чем вековой период своего развития методология истории сформировалась в самостоятельную дисциплину и заняла определенное место в системе научного знания. Исходя из значения термина «методология» как «пути исследования» можно заключить, что целью дисциплины является изучение практических проблем исторического познания.

Имеется множество подходов к определению предмета методологии истории. На наш взгляд, наиболее точное определение дано российским методологом истории Б.Г.Могильницким: «Методология истории изучает природу, принципы и методы исторического познания»². Однако это определение нуждается в расшифровке.

Проблема природы исторического познания включает в себя широкий круг вопросов. Важнейшие из них связаны с определением специфики исторического познания в отличие от естественно-научного или художественного, а также самого предмета исторической науки, взаимосвязи истории и современности и социальных функций исторической науки. Сюда же относятся проблемы, характеризующие структуру исторического исследования и, прежде всего, своеобразие исторических источников и их познавательные возможности, а также принципы и методы исторического познания.

Исключительно важное значение имеют научные понятия. Они составляют логический фундамент науки, аккумулируют исторические знания, организуют и систематизируют материал. Методология истории раскрывает основные понятия науки и показывает их роль в процессе познания. К этим основным понятиям относятся категории и принципы.

Категориями называются наиболее общие поня-

² Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. - М.: Высш. шк., 1989. С.4.

тия, концентрирующие знания о важнейших отношениях, свойствах и связях окружающего мира (историческое время, исторический факт, локально-исторический и т.д.).

В качестве принципов выступают исходные понятия науки, определяющие основные способы решения научной проблемы. Содержание того или иного принципа выражается в определенных требованиях, которыми должен руководствоваться каждый исследователь в своей области науки. Сущностную сторону исторического познания определяют принципы историзма, объективности и ценностный подход. От соблюдения требований, вытекающих из данных принципов, зависит успешное применение историком соответствующего метода, который выступает в качестве средства познавательной деятельности.

Научные методы представляют совокупность специальных приемов, норм, правил, процедур, регулирующих деятельность историка и обеспечивающих решение исследовательской задачи. Они могут быть самыми разнообразными — от традиционных до психофизиологических и количественных (компьютерных).

Основой для выработки методов является научная теория. В свою очередь, методы обеспечивают получение нового знания, развивают и обогащают теорию. Нередко установление каких-то фактов или внедрение новых методов исследования является причиной отказа от старой теории.

Перед методологией истории стоит важная задача по дальнейшему совершенствованию понятийного аппарата. От степени его разработанности и дифференцированности зависит уровень развития науки. Категории и принципы историографии, как справедливо отмечает Б.Г.Могильницкий, «совершенствуются и обогащаются вместе с развитием науки и всего общества»³.

В процессе развития понятий одни из них отми-

³ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. - М.: Высш. шк., 1989. С.4.

рают и появляются новые, другие изменяют свое содержание. В современной историографии нет, например, категории «божественное предопределение», на которой базировалась средневековая наука. Анахронизмом звучит понятие «развитой социализм», столь популярное у нас в недавнем прошлом. Вместе с тем утвердились такие понятия, как «идеальный тип», «менталитет», «цивилизация» и др., расширили свое содержание понятия «полис», «диктатура», «революция» и т.д. Это — проявление перемен в историческом познании и осмыслении нашего прошлого.

Каждая наука обладает методологической базой. Посредством заимствования категорий и методов различные науки находятся в процессе непрерывного взаимодействия. Методология истории тесно связана с эпистемологией, занимающейся проблемами познания в науке в целом⁴. Поэтому изучение историком методологических проблем своей науки требует глубокой подготовки в области философии и социологии. В первую очередь это вызывается необходимостью разработки целого ряда понятий, актуальных для всех социальных наук.

Существуют тесные связи методологических и историографических исследований. Методологический и историографический подходы отражают два пути в изучении значения и функций исторического познания. Первый — со стороны его внутренней структуры и особенностей в сравнении с другими формами познания. Второй — конкретные этапы развития исторического знания в связи с общественной эволюцией. Плодотворное решение методологических проблем может быть успешно осуществлено только на солидной историографической базе. Точно так же методология сотрудничает с источниковедением в решении вопросов, касающихся

⁴ В связи с этим советский философ А.И.Ракитов предлагал вместо утвердившегося названия «методология истории» ввести более точное - «историческая эпистемология». (См.: *Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход.* - М.: Изд-во полит. лит., 1982. С.21-25).

гносеологических функций источника и методов работы с ним.

Наконец, методологию следует четко отличать от методики исторического исследования. Методика является неременным атрибутом научного метода. Это совокупность правил и процедур, приемов и операций, позволяющих реализовать идеи и требования принципа, на которых основан тот или иной метод⁵. Нет исследования без определенной методики, но она подчинена методологии конкретной науки.

Становление методологии истории как научной дисциплины. Первый специальный курс «Энциклопедия и методология истории» прочитал в стенах Берлинского университета И.Г.Дройзен в 1857 г. Однако широкая разработка методологических вопросов истории начинается лишь с 80-90-х гг. XIX в. С этого времени формируются основные методологические направления, надолго определившие развитие исторической науки: позитивизм, нескантианство и «философия жизни».

Позитивистская методология истории складывалась под сильным влиянием естествознания. Идеал «естествознания об обществе» приобрел в ней программный характер. Позитивисты мечтали возвести историю в ранг точных наук, причем речь шла о познавательных установках т.н. «классической науки», сформировавшихся в науках о природе к середине прошлого столетия⁶.

Характерной чертой позитивистской историографии являлся теоретико-познавательный оптимизм, стойкая вера в возможность средствами науки познать и преобразовать мир в благоприятную для человека сторону. Ее теоретики были защитниками идеи единства научного познания природы и общества. Они стремились внедрить в историческое исследование методы естественных наук, игнорируя подчас различия в познавательном процессе в двух группах наук, ориентировать

⁵ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.33-34.

⁶ См.: Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С.3-33.

историю на поиск законов общественного развития, прямо сопоставлять природные и социальные явления и т.д. Основополагающим принципом исторического познания позитивизм считал объективность исследования. Ради соблюдения объективности и точности его сторонники готовы были пожертвовать широкими теоретическими обобщениями. Поэтому позитивистскую историографию нередко обвиняют в эмпиризме.

Недооценка теории и методологии привела к тому, что к концу XIX в. позитивистская наука вступила в кризисную стадию развития. Тогда собственно и появляются первые труды исследователей-позитивистов по методологии истории, авторы которых стремились восполнить пробел в обосновании своего научного метода. «Учебником позитивизма» была признана работа французских историков Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобоса «Введение в изучение истории» (1898). Среди русских ученых этого направления выделяются как методологи Н.И.Кареев и В.О.Ключевский.

В своем стремлении к объективности позитивисты пришли к утверждению, что задача историка — собирание, отбор и критика фактов. Они исходили из убеждения, что источник представляет собой «окно, открытое в прошлое», и исследователь без особого труда имеет все возможности через это окно заглянуть в прошлое⁷. Такой подход низводил историю до уровня фиксации и обработки документов, что и привело ее к методологическому кризису.

В конце прошлого столетия кризис охватил не одну историю. По своему характеру он являлся общенаучным. Важнейшим фактором здесь выступало становление неклассического естествознания. В различных науках происходила дифференциация дисциплинарных идеалов и норм исследования, что отражало специфику изучаемых объектов. Аналогичные перемены не могли обойти стороной историографию.

⁷ Гуревич А. Я. Загадка Школы «Анналов» // Мировое древо. Вып.2 - М., 1993. С.174.

Среди тех, кто первым выступил против крайностей натурализма позитивистской социологии и историографии, был немецкий философ В.Дильтей (1833-1911), автор «Введения в науки о духе» (1883), теоретик «философии жизни». Он сделал акцент на противопоставлении мира природы и мира человека с выделением соответствующих двух групп наук. Главным тезисом дильтеевской методологии было: «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем»⁸. Факты истории, полагал философ, даются нам непосредственно как реальность и как некоторая живая связь, которая не прерывается. А поскольку объект познания включается в контекст «внутреннего опыта» ученого, то специфическим методом истории он провозгласил метод «понимания» прошлого изнутри.

В своей основе этот метод был иррациональным и не способствовал объективному познанию прошлого, к чему субъективно стремился сам В.Дильтей. Как отмечал его последователь Г.Зиммель, непросто было преодолеть пропасть между «Я» и «Не Я». Необходимо посредничество между ними внешних объектов, т.е. источников, но самое главное — это субъективный характер воспроизведения в себе чужих, исторически дистанцированных представлений и чувств⁹.

Большое значение для развития исторического мышления имело утверждение В.Дильтеем единства познания и социальной практики. Исследователя нельзя оторвать от общественной среды, в рамках которой формируется мировоззрение, определяющее познавательную деятельность будущего ученого. Мировоззрение же «складывается в результате занятой [им] в жизни позиции, жизненного опыта, всей структуры... психического целого»¹⁰. В итоге философ пришел к выводу о том, что характер достоверности в науках о духе иной,

⁸ Дильтей В. Описательная психология / Пер. с нем. - М., 1924. С.8.

⁹ Зиммель Г. Проблемы философии истории. Этюды по теории познания / Пер. с нем. - М., 1898. С.19-20.

¹⁰ Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. 1912. № 1. С.137-138.

чем в естествознании¹¹.

В.Дильтей также выступил против сведения цели исторической науки к решению вспомогательных задач по отношению к обобщающим общественным наукам. В целом его «философия жизни» как методология истории была чревата крайними релятивистскими выводами, сделанными тем же Г.Зиммелем. Под сомнение была поставлена научность исторического знания как такового.

Критиками как позитивизма, так и «философии жизни» в методологии истории выступили неокантианцы. Крупнейшим их представителем был немецкий философ Г.Риккерт (1863-1936), защитивший докторскую диссертацию по теме «Границы естественно-научного образования понятий». Неокантианцев интересовали вопросы классификации наук и специфики их методов. Методологию науки они конструировали с теоретико-познавательной точки зрения, отвергая психологический подход, свойственный В.Дильтею¹².

С точки зрения формальной логики все науки неокантианцы подразделяли на генерализующие (обобщающие) и индивидуализирующие (описательные). «Принципом деления, — указывал немецкий философ В.Виндельбанд, глава баденской школы неокантианства, — служит формальный характер познавательных целей наук. Одни отыскивают общие законы, другие — отдельные исторические факты... Одни из них суть науки о законах, другие — науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние — тому, что однажды было»¹³. Этим задачам наук соответствуют и два различных вида мышления — генерализующее и индивидуализирующее. Одно господствует в естествознании,

¹¹ Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. 1912. № 1. С.127-128.

¹² См.: Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии. 1913. № VII. С.5.

¹³ Виндельбанд В. Прелюдии. - СПб., 1904. С.320.

другое — в истории¹⁴. Идеографическая история, по убеждению Риккерта, никогда не может стать систематизирующей наукой: она, дескать, противится не только поискам законов, но и систематике вообще¹⁵.

Приращение роли общих понятий в истории явно не соответствовало тенденциям развития научного знания. Это вызвало критику даже в самом неокантианстве, что нашло выражение в учении немецкого социолога и историка Макса Вебера (1864-1920), в частности, в выдвинутом им понятии «идеального типа» в социальных науках¹⁶. В то же время разграничение Риккертом круга вопросов, изучаемых историей и социологией, ориентация историографии на изучение конкретных причинно-следственных связей имело рациональное основание.

Несомненной заслугой неокантианцев было обоснование специфики исторического метода в их учении о ценностях. Аксиологический метод Риккерта обобщил специфические черты, присущие историческому познанию, однако место ценностного подхода в методологическом арсенале историка было явно преувеличено. Возражения вызвала и его трактовка ценностей как таковых.

Критика натурализма и позитивизма в исторической науке со стороны неокантианцев достигла крайних пределов, превратившись в борьбу с «естественно-научным мирозерцанием», в прямое противопоставление наук о природе исторической науке. В условиях, когда естественные науки значительно опережали обществоведение в своем развитии, изоляция истории от наук о природе могла иметь негативный для нее характер.

На это обратили внимание методологи новой волны в самом позитивизме. Во Франции это были М.Блок (1886-1944), Л.Февр (1878-1956), которые глав-

¹⁴ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. - СПб., 1911. С.76-77; Его же. Философия истории. - СПб., 1908. С.27-28, 77.

¹⁵ Риккерт Г. Философия истории. - СПб., 1908. С.117-118.

¹⁶ См.: Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1990. С.345-415. 16.

нос внимание уделили новым методам исторического исследования, в России — Р.Ю.Виппер (1859-1954) и др. Заслугой последнего был многоплановый и глубокий анализ теоретических проблем исторического познания под углом зрения его социальной обусловленности. Випперу принадлежит приоритет постановки проблемы исторического факта в науке. В целом его методологические воззрения отличались крайним релятивизмом и сводили историографию к системе мысленных разрезов прошлого с постоянно изменяющихся точек зрения современности. Идеи Виппера оказались весьма привлекательными для американского презентизма 20-50-х гг., представленного именами К.Беккера, К.Рида, Ч.Бирда и др.

Релятивизм в истории развенчал идею «тотальной объективности» историографии, способствовал преодолению ее методологической ограниченности. Однако сегодня в западной науке ему противостоят необъективистские теории, возродившие требования объективного подхода историка к прошлому¹⁷.

В советской науке методологические исследования развиваются с конца 50-х гг. С того времени созданы обобщающие работы и методология истории введена в университетское образование. Среди исследователей, плодотворно разрабатывавших методологические проблемы истории, — И.Д.Ковальченко, А.В.Гулыга, М.А.Барг, Б.Г.Могильницкий, И.С.Кон, А.И.Ракитов, А.Я.Гуревич и др. Однако многие положения, изложенные в трудах этих авторов, устарели, так как ориентированы на марксистско-ленинские установки в интерпретации истории.

Основные современные методологические концепции в историческом исследовании. Состояние методологии истории в крупнейших странах, где ее изучению давно придается немаловажное значение (США, Франция, Германия, Россия и др.), характеризуется в на-

¹⁷ См.: Могильницкий Б. Г. Между объективизмом и релятивизмом. Дискуссии в современной американской историографии // Новая и новейшая история, 1993. № 5. С.3-17.

стоящее время попытками сближения точек зрения по кардинальным вопросам.

В США после крупнейшего симпозиума «Философия и история» (Нью-Йорк, 1963)¹⁸, на котором глубоко анализировались проблемы «исторического объяснения» с позиций объективистского и релятивистского подходов, интерес к ним заметно упал. С середины 60-х до начала 80-х гг. среди историков не было сколько-нибудь широких теоретических дискуссий по этим вопросам. Однако это не означало их игнорирование в практике исследовательской работы. Так или иначе историки высказывали свое мнение по поводу того, являются ли исторические труды своего рода беллетристикой, подкрепленной фактами («factualized fiction»), или они дают объективные знания, поскольку опираются на «охватывающие законы» («covering laws»)¹⁹.

Вначале (60-е гг.) в американской исторической науке преобладали необъективистские, т.е. сциентистские (как в естественных науках) тенденции, воплощавшиеся в так называемой аналитической философии истории. Затем (70-е гг.) произошло возрождение релятивистских представлений, когда историк Х.Уайт выступил с концепцией метаистории: в условиях «концептуальной анархии» равноценны все «стратегии интерпретации», которые историк может применить в соответствии с собственными моральными и эстетическими взглядами.

В последующие годы релятивизм получил свое крайнее выражение в т.н. американской интеллектуальной истории, сторонники которой (например, Д.Харлип) считают, что история должна заниматься не реконструкцией прошлого, а отвечать на вопросы, которые ставит современность. Однако этой школе успешно

¹⁸ См.: *Philosophy and History: Symposium. New York University Institute of Philosophy. - N.-Y.: University Press, 1963.*

¹⁹ См.: *Gellner E.A. Explanation in History // Modes of individualism and collectivism. - Aldershot, 1992.*

противостоит несобъективистское направление (О.Хэндлин, П.Гей, Г.Химмельфарб и др.).

В последнее десятилетие установка на изучение взаимодействия единичных событий и долговременных процессов по линии «nation-economy-class-gender» вызвала новую волну попыток теоретического осмысления проблем соотношения объективизма и релятивизма в истории²⁰. Многие американские историки в качестве главного пути преодоления этих двух крайностей называют герменевтику, — в современном значении, метод, ориентированный на понимание текста, исходя из него самого, а не из его исторического объяснения через контекст. Не случайно известный методолог Т.Хаскел пишет, что наступает время «умеренного историзма», когда решающими критериями объективности историка провозглашаются его беспристрастность, обязанность входить в систему взглядов оппонента, способность к самоконтролю и самодисциплине²¹.

Рядом с этими двумя основными направлениями в американской исторической науке развивается и т.н. психоистория со своими психо-физиологическими методами, позволяющими выявить психическую мотивацию исторических процессов и создать психологическую концепцию личности в истории. Психоистория выходит на психогенетическую теорию истории, придающую исключительно важное значение истории детства.

Весьма популярным с 80-х гг. XX в. становится опыт французской школы «Анналов», что связано с аналитическими публикациями французских историков Э.Куто-Бегари, Ф.Досс и в большей степени англий-

²⁰ См: *Bernstein R.J.* Beyond objectivism and relativism: sciens, hermeneutics and praxis. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991; *Shlesinger A.* History as Therapy. A dangerous idea // *The New York Times*. 1996. 3 May.

²¹ *Могильницкий Б. Г.* Между объективизмом и релятивизмом. Дискуссии в американской историографии // *Новая и новейшая история*, 1993. № 5. С.11-12.

ского историка П.Бёрка²².

Школа «Анналов» (по названию журнала «Анналы социальной и экономической истории», основанного в 1929 г. Л.Февром и М.Блоком) ведущим принципом объявляет «тотальную» или «глобальную» историю. Это история живших в конкретном пространстве и времени людей, причем рассматриваемая с самых различных точек наблюдения. Ее целью является восстановление всех доступных историку аспектов жизнедеятельности людей, понимания их поступков и мотиваций деятельности. «Тотальная» история устраняет искусственное деление истории на политическую, экономическую, социальную, дипломатическую, военную и стремится дать объемную картину исторической жизни на различных ее этапах. Задача историка, по мнению представителей школы «Анналов», состоит не в оценке событий, а в понимании и объяснении поступков людей. А для этого необходимо изучение среды, в которой жили люди, а именно: природных условий, средств коммуникаций и обмена, состояния техники, а также плотности населения, продолжительности жизни и др.

Преемником основателей «Анналов» и редактором журнала во второй половине 50-х — первой половине 70-х гг. был Ф.Бродель (р.1902). Он выступил с собственным пониманием «тотальной» истории. Она охватывает, по его мнению, все аспекты исторической действительности — от природных до культурных. Но поскольку эти аспекты подчиняются разному течению времени, то и подход к ним должен быть различным — на трех уровнях времени: 1) природно-географическом, 2) социальном, 3) индивидуальном. Следовательно, «тотальная» история, в представлении Ф.Броделя, не что иное, как «многоголосая песнь» или ансамбль временных ритмов²³.

В рамках «тотальной» истории Ф.Бродель изучил

²² *Burke P.* The French Historical Revolution: The «Annales» School, 1929-1989. - Cambridge, 1990.

²³ *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». - М.: Индик, 1993. С.115.

роль «природных стабильных структур» в формировании человеческого общества, а также «социальные структуры» (численный состав, плотность, размещение и движение населения, системы коммуникаций, земледелия, ремесел, торговли, денежного обращения и цен) и др. Эти исследования привели его к мысли, что событийная история, в которой запечатлены поступки людей, является конъюнктурной и поверхностной. Необходимые формы для человеческой жизни придаются структурами. Они ставят ей пределы, за которые нельзя выйти. Человек на протяжении веков остается пленником климата, годовых циклов, растительного мира, урожая и поголовья скота, типа земледелия и условий производства. Ф.Бродель, таким образом, географический ареал выделяет в качестве основного объекта исторического исследования. Его «геоистория» представляет собой сочетание идей географического и экономического материализма и детерминизма²⁴.

Последний опыт школы «Анналов» свидетельствует о попытке реализовать постулат «тотальный истории» путем синтеза, т.е. «преодоления разрыва между изучением социально-экономических явлений и изучением феноменов культуры»²⁵. При этом те историки, которые сталкиваются с массовыми источниками, строят свою методологию главным образом на принципах использования количественных методов и компьютерных технологий. Другие — склонны относиться к этим методам с ограничением, поскольку они, по их мнению, ведут к отказу от индивидуального и уникального в истории.

Представители последних разработали «стереоскопическое», по определению А.Я.Гуревича, видение истории. Реконструируя структуру и функционирование общества прошлого, они в органическом единстве с изучением экономических и социальных сфер пытаются

²⁴ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». - М.: Индрик, 1993. С.125.

²⁵ Гуревич А. Я. Загадка Школы «Анналов» //Мировое древо. Вып.2 - М., 1993. С.171.

восстановить сознание и поведение людей тех обществ, исходя из современной системы понятий²⁶.

В исторической науке ФРГ (60 - 70-е гг.) выделились два основных направления: консервативное и неолиберальное²⁷. В методологическом отношении консерваторы опираются на неокантиантское учение В. Виндельбанда и Г. Риккерта и утверждают, что исторические явления носят уникальный и индивидуальный характер и познать их можно только с помощью «чувственного вживания». Всеобщая история, с точки зрения консерваторов, — это история идей, и ее главным содержанием является политико-дипломатические события. В исследованиях консерваторы применяют идеографический метод, предполагающий описание исторических событий.

Историки ФРГ, критически настроенные к реставрации принципов немецкого историзма, придерживаются т.н. неолиберального направления. Его сторонники интерпретируют исторический процесс с учетом реальных конфликтов и противоречий. Опираясь на теорию «индустриального общества», они исследуют общественное развитие с учетом социально-экономических условий. Характерным для неолиберального направления стал плюралистический подход к истории на основе неопозитивистской теории факторов, отрицающей марксистский и идеалистический монизм.

Стремление неолиберального направления адекватно отобразить всю сложность исторического развития привело в последние десятилетия к расширению его теоретико-методологических основ, к появлению «структурной истории» как попытки синтезировать индивидуализирующий и генерализирующий методы исторического исследования. В 90-е гг. среди неолибералов активизировалась группа молодых историков, которые пытаются использовать в исследованиях идеи неопози-

²⁶ Гуревич А. Я. Загадка Школы «Анналов» //Мировое древо. Вып. 2 - М., 1993 С.176.

²⁷ См.: Патрушев А. И. Неолиберальная историография ФРГ: Формирование, методология, концепции. - М.: МГУ, 1981.

тивизма, структурализма, системной теории, а также отдельные элементы марксизма.

Можно констатировать, что в современной исторической науке ФРГ происходит осознание великой и непреходящей ценности духовного наследия Европы, которое способно выработать ориентиры выхода из кризиса, охватившего в конце XX в. человечество в целом. Этому во многом способствуют поликультурность и толерантность европейской цивилизации. Западная цивилизация из европейской превращается в мировую, что имеет исключительно важное значение для стабилизации социально-политической ситуации в Европе²⁸.

Одной из актуальных методологических проблем исторической науки стран СНГ в настоящее время является установление соотношения формационного, цивилизационного и технологического подходов. Эта проблема возникла в связи с кризисом концепции формационного общества, которая долгое время безраздельно господствовала в советской историографии, и активным внедрением в науку цивилизационного и информационного подходов.

В основе формационного подхода лежит теория К. Маркса, которая применима лишь к анализу социально-экономической сферы жизни людей, связанных с материальным производством. Ориентируя исследователей на установление исторических закономерностей, он предоставляет возможность диахронического и синхронического сравнения различных стадий. Однако распространение формационного подхода на все сферы исторического развития и придание этому аспекту значения единого методологического и мировоззренческого принципа, непризнание возможности существования других подходов в постижении истории вызвало абсолютизацию категории общественно-экономической формации.

Формационная концепция, в соответствии с ко-

²⁸ См.: Кантор В. К. Духовное наследие Европы // Вопросы философии. 1995. № 8. С.184-186.

торой социальное развитие представлялось как процесс перехода от низшей формации к высшей, приводила к тому, что:

1) исключались возможности инволюционного (обратного) развития и фактически игнорировались особенности стран и народов со своими устойчивыми социальными связями и структурой;

2) абсолютизировалось революционное насилие и тем самым приуменьшалась роль эволюции, периодов реформ;

3) подчеркивалось значение макроисторических единиц (формация, способ производства, класс и др.) и фактически недооценивался микроанализ на уровне общины, семьи, индивида;

4) замалчивались мировосприятия людей, их духовные ценности и психология²⁹.

В связи с отходом части историков от марксистской интерпретации истории возрос интерес к цивилизационной концепции, разработанной в трудах Н.Л.Данилевского, О.Шпенглера, А.Тойнби.

Понятие «цивилизация» появилось в XVIII в. как синоним понятия «культура». Философы эпохи Просвещения утверждали, что цивилизованное общество строится на основах разума и справедливости и является рационалистически организованным. В XIX в. цивилизованными стали называть западноевропейские страны, вступившие на капиталистический путь развития.

Американский ученый Л.Морган в работе «Древнее общество» и Ф.Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» расширили понятие цивилизации. Они определили его как ступень общественного развития, следующую вслед за варварством и связанную с зарождением письменности и возникновением городов³⁰.

Однако взгляд на цивилизацию как всемирно-

²⁹ Кошелев В. С. Кризисные явления в современной исторической науке // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Ч.2.- Мн.: Універсітэцкае, 1995. С.9.

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.23-178.

историческую общность был поставлен под сомнение русским социологом Н.Я.Данилевским (1822-1885). В работе «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1869) он сформулировал идею о локальных обособленных «культурно-исторических типах», или «цивилизациях». Они подобно живым организмам проходят стадии зарождения, возмужания, дряхления и гибели (вымирания или деградации)³¹.

Немецкий философ О.Шпенглер (1880-1936) в двухтомнике «Закат Европы» (1918), который имел сенсационный успех после поражения Германии в первой мировой войне, предложил свою концепцию. Согласно ей, история человечества представлялась в виде восьми замкнутых культур-«организмов». По Шпенглеру, каждая культура в своем развитии проходит тысячелетний цикл и, «умирая», превращается в цивилизацию. Философ понимал цивилизацию как механическую форму живой культуры, обладающую мертвой «протяженностью» и бездушным «интеллектом». Основными признаками цивилизации он считал развитие техники и промышленности, упадок (декаданс) искусства и литературы, появление крупных городов, населенных безликими серыми массами, т.е. переход к «массовому обществу»³².

Теория О.Шпенглера получила широкий резонанс в кругах историков. Под ее влиянием появилась цивилизационная концепция английского историка и социолога А.Дж.Тойнби (1885-1975). В своем 12-томном сочинении «Постижение истории» (1934-1961) он разделил всемирно-исторический процесс на 21 относительно замкнутую цивилизацию, каждая из которых проходит в своем развитии стадии возникновения, роста, надлома и разложения. Движущей силой цивилизации Тойнби считал «творческое меньшинство» (носитель

³¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. - Спб., 1869.

³² См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т.1 - Пг., 1923.

«жизненного порыва»), которое дает удачные «ответы» на «вызовы» истории, увлекая за собой «пассивное большинство»³³.

Концепция локальных цивилизаций подвергалась интерпретации с различных точек зрения. Так, Ф.Бродель разделил все культурное пространство на несколько X- «миров-экономик», а российский историк Л.Н.Гумилев придал черты цивилизации каждому отдельно взятому этносу³⁴.

Несмотря на некоторый субъективизм и умозрительность цивилизационного подхода, что проявлялось в усложнении, а в некоторых случаях и невозможности синхронистического сравнения и исключало представление о прогрессивном развитии общемировой истории, использование этого подхода при постижении реального исторического процесса позволяет:

1) включить человека как высшую ценность в процесс исторического познания;

2) учесть материальные, духовные, культурные и религиозные особенности различных обществ в их исторической преемственности;

3) преодолеть европоцентризм, свойственный классической и марксистской исторической науке, и утвердить «мультикультурный» характер человеческого общества³⁵.

Обращает на себя внимание и технологический подход к пониманию истории, который основывается на том или ином уровне технического производства. Его концепция «постиндустриального общества» противопоставлялась учению о смене общественно-экономических формаций путем социального прогресса. Ныне на смену технологическим теориям 60-70-х гг. пришло течение «научно-технологического оптимизма», представители которого возлагают надежды на решение

³³ См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. - М.: Прогресс, 1991.

³⁴ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л.: ЛГУ, 1989.

³⁵ Кошелев В. С. Кризисные явления в современной исторической науке // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Ч.2.- Мн.: Універсітэцкае, 1995. С.10-11.

глобальных проблем, стоящих перед современным человечеством, с помощью научно-технического прогресса³⁶.

Однако наиболее широкое распространение получает информационный подход, характерный для исторической науки Великобритании, Нидерландов, Германии, скандинавских и других стран. Он проявляется в проникновении в научно-исследовательскую работу и все сферы жизни общества компьютерной техники и технологии. Определилась новая отрасль исторического познания — историческая информатика, которая становится неотъемлемой частью историографии. Она постепенно входит в магистральное русло исторической науки, предоставляя ей единый язык исследования, который обеспечивает перевес в истории центростремительных сил над центробежными, связанными с появлением в ней самых различных школ и направлений.

Таким образом, история сегодня оказывается под воздействием различных, в основном плодотворных концептуальных подходов с использованием разнообразных и перспективных методов анализа исторического материала. У демократически настроенных исследователей естественно возникают идеи о разумном сочетании этих подходов, об интегральном облике современной исторической науки. В разрабатываемой ею концепции анализ «тотальных структур» или цивилизаций дополняется изучением связей социальных групп с экономическими структурами на основе исторической информатики.

В этих условиях важное значение приобретает методология истории как научная и учебная дисциплина. Овладение ею — задача подготовки современных профессиональных историков.

³⁶ Философский энциклопедический словарь. - М.: Сов. энцикл., 1989. С.399.

ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Основные направления в развитии предмета исторической науки. Термин «история» многозначителен. Исследователи выделяют около шести определений этого понятия, три из которых имеют непосредственное отношение к истории как науке:

- 1) история --- наука о жизни и развитии общества;
- 2) история — наука о прошлом;
- 3) история — наука, изучающая прошлое человеческого общества³⁷.

С точки зрения методологии истории каждое из определений по-своему способствует раскрытию предмета науки, не исключая, а дополняя одно другим.

Определение исторической науки связано, прежде всего, с выявлением ее специфики. При этом важно разграничить объект и предмет науки. Объект познания — это не что иное, как вся историческая реальность. Предмет истории как науки — понятие более узкое. Оно включает в себя ту часть исторической реальности, которая представляет непосредственный интерес. «Предмет познания, — отмечал Н.Д.Ковальченко, — это определенная целостная совокупность наиболее существенных свойств и признаков объекта познания, которая подвергается изучению»³⁸.

Обычно под предметом исторической науки понимают «общественное развитие». При этом внимание обращается как на его основные существенные черты, так и на функциональное предназначение. Выделяются такие аспекты общественного развития, как конкретность и многообразие. Целевое предназначение науки увязывается с пониманием настоящего и перспектив будущего. Специфику предмета видят как в содержании,

³⁷ Гулыга А.В. История как наука / Философские проблемы исторической науки. - М.: Наука, 1969. С.7-8.

³⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.45.

так и в способах изучения истории. В содержательной стороне специфики выделяют этапы развития общества, сдвиги в условиях существования людей, а также изменения самого человека. Таким образом, в предмет истории как науки включают конкретную историю процесса изменения общества и человека³⁹.

Попытки выяснения наиболее существенных сторон определения предмета исторической науки шли по линии разграничения истории как действительности и истории как науки. Выделялись два фундаментальных аспекта понятия истории: 1) история — прошлое; 2) история — рассказ о прошлом. Соотношение этих сторон стало одной из серьезных проблем науки⁴⁰.

Следующий шаг в исследовании предмета исторической науки связан с определением изучаемого исторического времени. В каком временном диапазоне должна изучаться история? Первоначальной реакцией на этот вопрос был призыв к изучению только прошлого — прошлого во всей его конкретности и многообразии. Затем исследователи перешли к принципу отбора наиболее существенных сторон жизни общества в прошлом.

Однако дискуссионным остался вопрос о понимании истории как только изучения прошлого. На такой позиции находятся многие историки, хотя в зарубежной науке имеется и другое мнение. Так, французский историк Л.Февр и немецкий философ О.Шпенглер понимали под историей науку о будущем.

Вопрос о соотношении прошлого, настоящего и будущего выясняется в настоящее время теми историками, которые придерживаются принципа историзма. По их мнению, историзм есть восприятие явления (факта) в его развитии. Явление должно быть рассмотрено в его прошлом и настоящем с перспективой в будущее, а также в связи с другими явлениями. Такая схе-

³⁹ Ерофеев Н.А. Что такое история. - М.: Наука, 1976. С.46-48.

⁴⁰ Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. - Томск: 1978. С.13.

ма исторического времени (прошлое — современное — будущее) была известна еще с древности.

Что же касается второй части предмета истории — рассказа о прошлом, то, собственно, с него, как нам представляется, и начинается методология истории. Историю как науку интересуют вопросы: что, как и почему произошло в прошлом? Эти вопросы касаются предметного содержания истории. Вместе с тем ей не безразличен вопрос о том, каким образом осуществляется само познание происшедшего, логический процесс познания, затрагивающий проблему, что представляет собой история как наука. Более того, для историка важным является выявление последовательности познавательных действий. Не случайно историки выделяют в историческом познании отдельные научные направления: историографию, историософию и историческую эпистемологию.

Историография. образуя содержание и основу исторической науки, дает эмпирическое знание об истории. **Историософия** (философия истории) через осмысление исторических процессов представляет теоретическое знание об истории. «Историк ищет именно процессы мысли, — подчеркивает английский историк Р. Коллингвуд. — Вся история — история мысли»⁴¹. Историческая эпистемология — методология исторического познания — охватывает и историографию, и историософию⁴². Как видно, признание статуса философии истории с точки зрения методологии раздвигает предмет истории как науки. Он распространяется и на познание связей и законов в развитии объективных процессов.

В данном случае речь идет о сфере исторического знания, которая представляется как вполне самостоятельная автономная структура. Это проявляется в возможности использования ее в качестве познавательного инструментария. При этом важным представляется

⁴¹ Гулыга А.В. История как наука / Философские проблемы исторической науки. - М.: Наука, 1969. С.20-21.

⁴² Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. - М.: Изд-во полит. лит., 1982. С.145-146.

то, что совокупность содержания этой познавательной структуры состоит из эмпирических данных (исторического факта) и абстракции (категориального знания)⁴³.

Кроме данного компромиссного взгляда, широко поддерживаемого в исторической информатике, имеются и полярные точки зрения. Суть их в противопоставлении описательного и объяснительного подходов.

Приверженцы описательного подхода утверждают, что история есть рассказ, повествование. Задачей историков в таком случае является фиксация и передача эмпирической информации. Абсолютизация данной точки зрения породила мысль о разделении наук на описательные и теоретические. Она впервые возникла у баденской школой неокантианства. Исторические дисциплины, специфика которых состоит в описании особенностей — «идеография», находятся в противоречии с обобщающими («номотетическими») естественными науками. Исторические науки изучают события и явления, а естественные — законы. Развитие этой идеи привело неокантианцев к утверждению, что история — это не наука, а область знания, не имеющая общих критериев и принципов.

Идеографический метод, таким образом, противопоставляет описание и обобщение, тогда как в исторической науке эти два процесса взаимосвязаны.

Действительно, существует два типа наук, которые необходимо различать, но не противопоставлять. Направленность одних состоит в обнаружении законов, тогда как других — в научном описании и исследовании фактов как таковых⁴⁴. Исследователи методологии истории, в частности А.И.Ракитов, утверждают, что противопоставление описания и объяснения не отражает реальной научной практики⁴⁵.

⁴³ Коллингвуд Р.Дж. Идеи истории. Автобиография / Пер. с англ. - М.: Наука, 1980. С.203-204.

⁴⁴ Иванов А.Б., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. - М.: Высш. шк., 1981. С.246.

⁴⁵ Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. - М.: Изд-во полит. лит., 1982. С.160.

В чем же заключается существенное различие этих двух подходов в историческом познании? Описание связано с эмпирической стадией исследования, а научное объяснение — с теоретической, т.е. раскрытием сущности исследуемого явления. Существуют различные виды описаний и объяснений. Описание используется не только общественными науками, но и рядом наук о природе (физической географией, биологией и др.). Такова исходная позиция в понимании данного вопроса. Затронем лишь один его аспект — соотношение этих двух подходов.

Порой описание уподобляют «источниковому» знанию. Тогда к «внеисточниковому» знанию относят все другие виды знания об исторической реальности. При этом бесспорной является связь между этими двумя родами знаний: знания второго рода служат основой для проникновения в глубь изучаемых явлений⁴⁶. Вместе с тем есть все основания утверждать, что эта связь носит генетический характер для «внеисточниковых» познавательных структур: они представляют собой не что иное, как обобщение эмпирической деятельности. В этом смысле описание и объяснение не могут противопоставляться, они лишь дополняют один другого.

Сущностный уровень предмета исторической науки. Определение сущностных сторон предмета исторической науки связано, прежде всего, с выделением ведущего направления в историческом познании. Вопрос состоит, по словам Л.Февра, в выборе капитальной проблемы истории. Нельзя быть «собирателем мусора» и принимать к исследованию любую информацию, подчиняя ее какой-либо произвольной, внесенной извне схеме. Выбор историков классической советской исторической школы определялся парадигмой «человек и общество в их развитии»⁴⁷.

⁴⁶ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.230-232.

⁴⁷ Жуков Е.Н. Очерки методологии истории. - М.: Наука, 1987. С.5.

Общим подходом, характерным для историков, следовавших названной парадигме, была ссылка на слова К.Маркса о том, что «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»⁴⁸. При этом человеческая деятельность рассматривалась как исходная «клеточка» общественной жизни.

Таким образом, под предметом исторической науки многие стали понимать не человеческую деятельность как таковую, а общественный процесс, который имеет естественно-исторический, поступательно-прогрессивный, внутренне обусловленный, закономерный и конкретный характер. Подобная методологическая концепция поддерживалась и развивалась большинством советских историков⁴⁹.

Однако ни одна из этих характеристик не принималась однозначно. Например, идее прогресса как поступательного восхождения человечества противопоставлялась идея взаимодействия динамики и статики в истории⁵⁰. Сомнения в идее прогресса повышали интерес историков к мифу, истории культуры, изучению исторического времени. В особенности претерпели изменения представления об однолинейности исторического времени: вскрыта многомерность времени, признана определяющая зависимость от господствующего формационного уклада и др.⁵¹

Объектом исследования оказались такие характеристики общественного развития, как историческая закономерность, соотношение субъективного и объективного, возможного и действительного, альтернативные подходы в истории. Благодаря изучению этих проблем углублялось понимание советскими историками предмета своей науки. Посредством специальной терминологи-

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство / Соч. 2-е изд. Т. 13. С.491.

⁴⁹ Барг Н.А. Категории и методы исторической науки. - М.: Наука, 1984. С.23-24.

⁵⁰ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». - М.: Индрик, 1993. С.18.

⁵¹ Барг Н.А. Категории и методы исторической науки. - М.: Наука, 1987. С.88

гической детерминации определялись способ мышления и методика исследования историка, а также проблематика исследований, методологическим обоснованием которой стала для многих историков объяснительная парадигма: «базис — надстройка».

В методологии истории наряду со связями между социально-экономическими и политическими структурами и их взаимодействием с определенным типом духовной жизни обозначилась потребность в поиске собственно исторических моделей. Одних общих философских теорий оказалось недостаточно для объяснения исторической реальности. Все, что мог дать марксизм, состояло в постулировании системности социальной структуры общества. Вопросы же механизма ее функционирования остались в сфере компетенции историков⁵².

Методологическая ограниченность неизбежно сказалась и на содержательной проблематике исторических исследований. Обозначилось отставание науки в изучении массовых культурно-бытовых, социально-психологических и идеологических явлений и образа жизни в различные эпохи. В ряду остроактуальных оказались также проблемы отношений между человеком и природой, естественного и общественного разделения труда, его специализации и производительности на различных этапах исторического развития⁵³.

В последних методологических исследованиях произошел еще более радикальный сдвиг в сторону «обновления» предмета истории. Спектр актуальной тематики был значительно расширен: взят ориентир на изучение различных аспектов картины мира. Суть изменений состоит в перемещении исследовательских интересов «с идеологических конструктов (построений) на мировидение». Предмет истории — это человек в обществе, который должен выступать не в качестве объекта, а в качестве субъекта, участника диалога между про-

⁵² Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». - М.: Индрик, 1993. С.21.

⁵³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.49.

шлым и настоящим⁵⁴. Одни исследователи считают, что историк ведет диалог с прошлым, пропуская его через современную категориальную сетку, другие, что он судит о прошлом, исходя из видения жизни людьми непосредственно изучаемой эпохи. Подобное «двойное» восприятие исторического прошлого представляет собой более усложненное решение проблемы объективности исторического знания.

Многомерность методологических подходов позволила расширить и содержательную часть предмета истории. Предмет исторического исследования пополнился новыми актуальными темами, в том числе: 1) отношение в обществе к труду, собственности, богатству и бедности; 2) человек и природа, способы воздействия людей на нее; 3) категории человеческого существования (жизни и смерти, добра и зла, любви и ненависти и т.д.); 4) женщина, брак и семья; 5) взаимодействие между земным и трансцендентным миром; 6) восприятие исторического времени и пространства; 7) взаимоотношения личности и общества, выделенность личности и поглощение ее коллективом; 8) осознание племенной, государственной и национальной идентификации⁵⁵.

Все эти проблемы концентрируются на внимании к человеческой личности. Такой подход получил название антропологического. В итоге можно констатировать, что сущностная парадигма предмета исторической науки, внутренне обогащаясь, сохранила компоненты «человек — общественное развитие».

Структура предмета исторической науки. В структуре предмета исторической науки выделяют два основных компонента: во-первых, исторические факты; во-вторых, средства выражения.

Место факта в предмете исторической науки понималось по-разному. Его определяли и как вербальный

⁵⁴ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. С.293.

⁵⁵ Там же. С.288.

эквивалент всего предмета науки, и лишь как элемент этой системы.

В средства выражения включают: методологию, теорию, методику и формы представления исторических знаний.

Сложной проблемой явилось соотношение факта и теории. Было признано, что факт входит в структуру исторического познания и отражает как эмпирические, так и теоретические знания.

В структуре предмета исторической науки важное место занимают теоретические схемы. В исторической науке их трактуют как устойчивые структуры связей между объектами⁵⁶. Теоретические схемы подразделяют на фундаментальные, которые дают основополагающие категории и связи, и частные, задачей которых является организация знаний для решения конкретных задач исследования. Оба уровня отражают процесс концептуализации исторического знания. Его итогом является создание моделей, представляющих собой идеализированные схемы действительности. Схематизация и идеализация происходят на основе метода дедукции, как раз и предназначенного для создания обобщенной исторической картины.

Создание моделей теоретического объяснения неизбежно связано с практикой исследуемого объекта, т.е. с историей⁵⁷. Это положение, хотя и очевидное, оказалось, тем не менее, одним из наиболее дискуссионных.

Признание теоретической истории в качестве составной части предмета исторической науки повлекло за собой выяснение отношений между историей и социологией. Здесь основная проблема в советской историографии была сформулирована в виде вопроса: существуют ли специфические исторические законы? Иначе говоря, нужен ли истории уровень теории, выходящий

⁵⁶ *Ракитов А.И.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход. - М.: Изд-во полит. лит., 1982. С.226.

⁵⁷ *Иванов А.Б., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. - М.: Высш. шк., 1981. С.222.

за пределы конкретно-научных категорий? Мнения разошлись. Необходимость теоретического знания вообще не отрицалась, но вместе с тем утверждалось, что общей теорией для всей исторической науки является исторический материализм⁵⁸. Отрицание специфических исторических законов обосновывалось тем, что в объективной действительности законы не разделяются на исторические и социологические. Высказывались и более резкие возражения против существования исторических законов.

Концепцию размежевания общесоциологических и исторических законов в советской науке разрабатывал М.А.Барг. Он пришел к выводу, что механизм действия общесоциологических законов имеет много общего с механизмом действия исторических, но значительно от них отличается. Исторические законы очень приближены к реалиям истории, они обобщают эмпирические данные, и их реализация носит вероятностный характер. Исторический закон, отмечал М.А.Барг, — это «объективная граница всеобщности, еще сохраняющей живые черты действительности»⁵⁹.

Взгляд о наличии особых исторических законов поддерживал советский философ Е.М.Жуков. По его мнению, исторические законы раскрывают механизм общесоциологических законов. Кроме того, они образуют систему исторических закономерностей частного характера, которые относятся к отдельным формам общества или стадиям его развития⁶⁰.

Однако поиск особых «исторических законов» не дал желаемых результатов. Все они сводились к более общим законам социального развития либо к определенным историческим типам, которые нельзя отнести к законам.

⁵⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.238.

⁵⁹ Барг М. Категории и методы исторической науки. - М.: Наука, 1984. С.201-204.

⁶⁰ Жуков Е. Н. Очерки методологии истории. - М.: Наука, 1987. С.65-67.

Тем более важное значение для исторической науки имеют законы социального развития. Они выступают в качестве инструментов исторического исследования. И статус истории как науки ни в коей мере не умаляется тем, что она использует, а не открывает их. Основной теоретико-познавательной задачей исторических исследований является раскрытие в прошлом конкретных причинно-следственных рядов, их описание и объяснение.

В целом можно констатировать «новое» расширение предмета исторической науки за счет развития ее методологических аспектов. Зарубежные исследователи, в частности представители школы «Анналов», определили историю как науку об изменениях и трансформациях, призывая к обновлению как предметного содержания, так и методов исследования. По их мнению, взаимоотношения между историей и социальными науками должны основываться на принципе отрицания претензий какой-либо дисциплины на гегемонию. Специфика подобной исходной установки состоит в утверждении полидисциплинарности, предполагающей множественность подходов и точек зрения.

Важным элементом структуры предмета исторической науки являются формы представления исторического знания. Эта проблема тесно связана с формализацией знания. Наиболее распространенной формой представления исторического знания являются модели, которые имеют естественноречевую (вербальную) или выраженную в знаковой системе форму. В письменных источниках информация выражается как при помощи естественного языка, так и посредством других знаковых систем.

Известно, что мышление представляет собой когнитивные структуры, выраженные образным и словесно-речевым языком. Психологи выделяют следующие их формы: 1) образные модели и схемы; 2) конкретно-символические образы; 3) конкретно-ассоциативные образы; 4) чувственно-эмоциональные образы;

5) общепринятые знаки и символы⁶¹. Дидактический и психологический потенциал этих структур по сути дела не исчерпан. Однако в исторических исследованиях комплекс образно-символьных источников и средств познания используется весьма слабо. Он разрабатывается главным образом на эмпирическом уровне.

Перспектива решения проблем представления знания прежде всего увязывается с проблемами искусственного интеллекта, применением и созданием новых информационных технологий в историческом исследовании и обучении истории.

Классификация наук. Место истории в системе общественно-гуманитарного знания.

Определение предмета исторической науки поднимает вопрос и о необходимости обозначения места истории как в общей системе научного знания, так и общественно-гуманитарного.

Процесс становления и развития современной науки совершался путем дифференциации ее элементов, их возникновения внутри ранее единой науки и их последовательного обособления как одного от другого, так и от прежней системы наук в целом. Однако, поскольку всякая наука предстает в виде определенной системы знаний, т.е. как определенная связь образующих ее элементов, такое развитие отдельных научных отраслей не вело к разрыву связей между ними. Это нашло свое отражение в том, что процесс дифференциации наук происходил в неразрывной связи с процессом их последующей интеграции. Таким образом, сама наука представляет внутренне единый организм⁶².

Общая структура науки, ее система, а следовательно, и классификация ее образующих частей зависят в первую очередь от места, которое отводится в ней философии. Любая наука изучает частные, хотя и достаточно широкие в пределах каждой области предметной действительности, законы природы, общества или пси-

⁶¹ Холодная М.А. Интегральные структуры понятийного мышления. - Томск: 1983. С.34-35.

⁶² Кедров Б.М. Классификация наук. Кн. 2 - М.: Мысль, 1965. С.487.

хики. Однако, как бы не были широки и значимы частные законы, они все же не выходят за рамки конкретных наук. Таковы законы и естествознания, и обществоведения, и психологии, и др.

В структуре науки необходимо выделять то общее, что присуще всем явлениям действительности. Вместе с тем, внешний мир расчленен на две основные области — природу и общество. Отсюда вытекает необходимость расчленения предмета научного познания на три основные сферы:

- 1) философию --- общую науку;
- 2) естествознание как комплекс частных наук, охватывающий различные области природы;
- 3) общественные науки, изучающие развитие общества и его различные структурные элементы.

Некоторые авторы, проводившие классификацию науки (французские мыслители О.Конт и К.А.Сен-Симон, немецкий физик и философ В.Оствальд), не выделяли философию в особую науку, считая, что она охватывает собой все науки. Такой же точки зрения придерживались представители позитивистского направления (Г.Спенсер, К.Пирсон). В настоящее время непризнание за философией особого места в системе наук объясняется тем, что в прошлом важнейшая задача философии состояла в выработке общей картины мира в его единстве, а ныне этот комплекс задач распространяется на все науки⁶³. Однако нельзя забывать, что она входит в этот комплекс не в качестве частной науки, а как объединяющее начало, имеющее общеметодологический статус для всех современных наук.

Большая роль в системе научного знания отводится и общественным наукам. Естествознание абстрагируется от социальных проблем, и только общественные науки напоминают о проблеме нравственности в использовании тех или иных достижений науки в современной жизни. Иными словами, общественные науки дают представителям естественных наук ориентацию

⁶³ Кедров Б.М. Классификация наук. Кн. 3 - М.: Мысль, 1985. С.29.

в соответствии с существующими идеалами, помогают в выработке оценочных критериев, являются проводниками в определении политических, идеологических, аксиологических, морально-этических и др. аспектов восприятия реальной жизни.

Таким образом, в общем комплексе наук естественные и общественные науки взаимосвязаны. И как считают историки науки, это единство достигнуто самым уровнем развития современной науки и всего человечества⁶⁴.

Существуют различные подходы к классификации наук, однако большинство схем так или иначе начинается с математики, за которой следует естествознание, затем науки о человеке и обществе.

В системе общественных наук О.Конт выделял социологию как наиболее абстрактную теоретическую науку, которую ставил в конце ряда, отделяя ее от конкретных описательных наук, в частности исторических. Эту же позицию разделяли Г.Спенсер и В.Оствальд.

Некоторые ученые подменяли конкретные общественные науки общетеоретической наукой об обществе (социологией). Так, у французских ученых А.Ампера и А.Курно общественные науки представлены науками о духе (ноологическими) и науками об обществе (социальными или политическими и историческими). У К.Пирсона они рассматриваются как часть конкретных наук, наряду с биологией и психологией.

Многие классификаторы выделяют историю как науку, но по-разному. У одних — она охватывает все общественные науки. У К.Пирсона история, именуемая «социальной эволюцией человечества», совпадает с комплексом гуманитарных наук, включая антропологию. А.Ампер и А.Курно считают, что она составляет лишь часть общественных наук, причем собственно история включается в один раздел с археологией и этно-

⁶⁴ Кедров Б.М. Классификация наук. Кн. 3 - М.: Мысль, 1985. С.32.

логией⁶⁵. Советский философ Б.М.Кедров, подразделяя общественные науки на конкретно-исторические, науки о базисе и надстройке, языкознание и психологию, ставит историю первой в этом ряду. Переход от естественнонаучного познания к гуманитарному он осуществляет через антропологию⁶⁶.

Как видно, место одной и той же науки в различных классификациях определяется по-разному. Это происходит во многом из-за различного понимания ее специфики, предмета ее познания, который представляется как комплексная развивающаяся система. Причем происходит расширение всех ее направлений: теоретического, методологического, источниковедческого и историографического. И, как заключает американский методолог А.Шлезингер, находясь на пороге XXI в., необходимо совершенствовать методы «исторической интерпретации прошлого» и больше внимания уделять методологии науки, расширяя предмет исторического познания⁶⁷.

⁶⁵ Кедров Б.М. Классификация наук. Кн. 2 - М.: Мысль, 1965. С.524-530.

⁶⁶ Кедров Б.М. Классификация наук. Кн. 2 - М.: Мысль, 1965. С.482; Кн. 3 - М.: Мысль, 1985. С.429-440.

⁶⁷ Schlesinger A. History as Therapy. A dangerous Idea / The New York Times. 1996. 3 May.

ГЛАВА 2. СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В прошлом не раз возникали споры о том, является ли история наукой и если да, то в чем ее специфика. Сегодня к самому понятию науки уже не подходят столь ограниченно, как это было в XIX в., и научность перестали отождествлять с естествознанием. Однако вопрос о специфике познания не утратил своей актуальности и многие историки убеждены, что их познавательная деятельность ничем не отличается от работы физика или биолога.

Теоретическое обоснование такая позиция получила в позитивизме. Свою задачу позитивисты-методологи видят в том, чтобы сблизить историю и естествознание путем использования в ней основных исследовательских принципов и методов наук о природе. В соответствии с этой установкой предпринимались многократные попытки «математизировать» историю, «очистить» ее от всяких субъективных добавок. Однако большого успеха они не достигли.

Конечно, естествознание влияет на историческую науку. И это влияние следует оценить как плодотворное. Идеалу «естествознания об обществе», приобретенному в XIX в. программный характер, отмечает немецкий философ Х.-Г. Гадамер, мы обязаны исследовательскими успехами во многих гуманитарных областях⁶⁸. Использование историками количественных методов исследования и ЭВМ на современном этапе оказывает громадную помощь в постижении исторического процесса, и здесь накоплен значительный положитель-

⁶⁸ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1988. С.44-45.

ный опыт⁶⁹. При всем этом науки об обществе не могут полностью следовать образцу естествознания, что обусловлено объективными причинами.

Главная особенность социальных наук, в том числе истории, заключается в том, что в них наблюдается *качественное совпадение субъекта и объекта познания*. Как писал Р.Ю.Виппер, «ведь о жуках и грибах составляют науку посторонние им люди, а не сами объекты науки, тогда как в общественной науке изучаемый объект и изучающий субъект до известной степени совпадают, и она представляет собой именно то самое, что в определенное время и в определенной среде думают о людях и о своем собственном общечеловеческом прошлом»⁷⁰.

Совпадение не означает полного тождества, поскольку объект познания в своем прошлом существовании не зависим от историка. Однако оно определяет особенности концепции исторической объективности в отличие от естественно-научной. Историк не может столь же беспристрастно судить о событиях и деятелях прошлого, как это делает химик, изучая очередные результаты проведенного эксперимента. Поэтому и необходимо учитывать особенности объекта исторического изучения и характерные моменты познавательной деятельности историка.

Главной отличительной особенностью объекта исторического изучения является то, что *исторический процесс представляет собой сознательную целенаправленную деятельность человека*. Совокупный продукт этого материального и духовного творчества составляет его культуру. В этом смысле история — наука о культуре и о культурном человечестве.

Человек наделен свободной волей, его поведение не поддается жесткому программированию, ввиду чего в истории ненадежны прогнозы и бывает трудно определить мотивы поступков того или иного героя прошлого.

⁶⁹ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987.

⁷⁰ Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных выступлений. 1900-1912. - М., 1912. С.141-142.

Конечно, деятельность исторической личности — это проявление не только свободы, но и необходимости. Каждый из нас ограничен и культурными традициями, которые были созданы предшествующими поколениями, и соответствующими природными условиями, индивидуальными задатками и т.д. Поэтому, какой бы гениальной ни была личность, реально достижимыми оказываются лишь те ее цели, которые соответствуют условиям места и времени. В противном случае даже достигнутые положительные результаты оказываются недолговечными. Показательным примером является попытка Александра Македонского создать мировую державу. Быстрый развал ее был обусловлен отсутствием внутреннего экономического, национального и религиозного единства. Таким образом, общественная жизнь выступает как сложное сочетание субъективных и объективных отношений.

Из совокупной деятельности отдельных лиц в историческом процессе складываются такие образования, как государство, церковь, наука, искусство и т.д. Историческая наука, как продукт деятельности человека, тоже есть часть общей системы, принадлежащей истории. Сам исследователь выступает как член определенного сообщества, т.е. он историчен. В этом смысле социальное познание оказывается самопознанием, в котором общество является субъектом и объектом одновременно. Успех такого самопознания в немалой степени будет зависеть от уровня развития общества, его ценностных ориентаций.

Общество предстает перед нами как постоянно развивающийся организм. Следовательно, объект познания историка остается незавершенным. И это порождает трудности при изучении текущей истории. Поэтому ученые долгое время считали невозможным создание научной истории современности. В программах учебных заведений новейшая история прочно утвердилась лишь в нашем столетии.

Другая особенность объекта исторического изучения заключается в том, что он представляет собой

прошлое. Каждый миг настоящее переходит в прошедшее, которое не возратить и не повторить. Это *безвозвратно ушедшее недоступно прямому наблюдению исследователя*. В связи с этим встает вопрос: может ли история, рассматривая столь специфичный объект, претендовать на достоверный характер своих исследований?

Многие теоретики ставили под сомнение реальность исторического прошлого и объективность исторического познания. Едва ли не самыми радикальными среди них оказались некоторые советские математики, последователи народовольца Н.А.Морозова. Они объявляли всю древнюю и раннесредневековую историю человечества «творением эпохи Возрождения»⁷¹.

Однако это не так. Во-первых, реальность прошлого удостоверяется нами через переживание настоящего. Субъективный опыт убеждает нас в реальности окружающего мира, который находится в постоянном движении к будущему. Обладая собственным прошлым, мы имеем все основания признать его существование и у людей, живших много раньше нас.

Во-вторых, прошлое не уходит бесследно, оно в виде определенных результатов существует в настоящем. Современная европейская культура содержит целые пласты наследия античности или Возрождения, а индийская или китайская — базируется на основах, заложенных еще в III-I тысячелетиях до нашей эры. Очень многие нынешние события, например, ближневосточный кризис, имеют свои корни в далеком прошлом.

Непосредственным звеном, связующим нас с прошлым, являются исторические источники, представляющие реликты прошлого.

Со спецификой объекта исторического изучения связаны и особенности познавательной деятельности историка. Всякое познание представляет собой живое созерцание. Но поскольку объект истории — прошлое и непосредственно чувственное его восприятие невозмож-

⁷¹ См.: Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А. История древнего мира и «новые методики» // Вопросы истории. 1982. № 8. С.70-82.

но, то познание в исторической науке носит реконструктивный характер. Реконструктивное познание имеет место и в науках о природе, например, в геологии, биологии или ботанике. Даже физик, исследующий элементарные частицы, изучает их не непосредственно, а по следам, оставленным ими в результате сложных экспериментов. Конечно, историческая реконструкция отличается от естественно-научной. Главная ее специфика заключается в том, что она субъективизирована не только на исследовательском уровне — ученым-историком, но и на уровне источников — их создателями. Источники не прямо и не адекватно отражают прошлое. Поэтому настоящей является верификация итогов исследования.

Проверка выводов в истории отличается от аналогичного контроля в естествознании. Естествоиспытатель во многих случаях может поставить эксперимент заново. Для историка такая возможность практически исключена, хотя историческая наука и обладает некоторыми блестящими примерами такого рода. Среди подобных исторических экспериментов можно назвать плавание известного норвежского ученого Тура Хейердала на тростниковой лодке «Тигрис» по Персидскому заливу и Индийскому океану до берегов Африки с целью доказательства возможности торговых и культурных связей между древним Шумером и некоторыми районами Азии и Африки. К ним относятся также путешествия Хейердала на плоту «Кон-Тики» и папирусных ладьях «Ра-1» и «Ра-2» и парусный рейс С.Э.Морисона на каравелле от Испании до Вест-Индии с целью повторения путешествия Колумба. Но, по словам американского профессора С.Хьюза, все это — драматические исключения из правила, число которых следовало бы увеличить, и «историки должны напрячь свое воображение, чтобы найти новые пути к первичной материи исторического опыта»⁷².

Не обладая возможностью с помощью экспери-

⁷² Hughes H.S. History as Art and as Science. - N.- Y., Evanston, London, 1964. P.5.

мента контролировать свой материал и подтверждать результаты своих исследований, историк вынужден апеллировать к более гипотетическим критериям проверки достоверности познания: либо к социальной практике вообще, либо к совокупной практике исторических исследований, либо к исходному источниковому знанию. Хотя все эти проверки и не приводят к окончательным результатам, их вполне достаточно для создания определенной контрольной системы. Она основывается на непротиворечивости и согласованности истинных исторических знаний одного с другим, с общенаучной картиной мира и с современной социальной практикой.

Важной особенностью исторического познания является его *ретроспективный характер*. На эту специфику обратил внимание известный немецкий поэт и историк Фридрих Шиллер. «Всеобщая история, — говорил он, — исходит... из принципа, прямо противоположного фактической последовательности событий. Фактический ход событий есть переход от начала вещи к ее теперешнему состоянию. Наоборот, историк отправляется от теперешнего положения вещей и идет назад к их генезису»⁷³.

Ретроспективные выводы имеют свои преимущества. Так, рассматривая завершенные процессы, историк может более уверенно судить об их генезисе и итогах. Всякое явление он может представить как в ретроспективе, так и в перспективе. Поэтому ему доступно более глубокое понимание смысла событий, чем их современникам. Историк не надо гадать, кто одержит победу в кровавой гражданской войне в Риме между Цезарем и Помпеем, чем завершится кругосветная экспедиция Джеймса Кука или борьба за российский престол в начале XVII в., в которой победили Романовы. Он знает результат, и это знание накладывает отпечаток на работу ученого.

Но не все так просто. Историка разделяет с деятелями прошлого мировосприятие. Как справедливо

⁷³ Шиллер И.Х.Ф. Собр.соч.: В 8 т. Т.7. - М.-Л.: Academia, 1937. С.608.

предупреждал советский историк С.Л.Утченко, «мы должны все же отчетливо сознавать, что речь идет о нашем восприятии и наших оценках, тогда как восприятие тех же самых событий современниками было совсем иным, да и сами то события выглядели для них совсем не так, как теперь для нас»⁷⁴. В этом заключается целая проблема: может ли историк, являясь продуктом своего времени и своей культуры, адекватно понять прошлое?

В теории исторического познания стоит вопрос о коммуникабельности различных культур, т.е. насколько представители одной эпохи или культуры способны к диалогу с представителями другого исторического мира. Для исследователя нового и новейшего времени он менее болезненный, чем для историка древности и средневековья, хотя и здесь нередко возникают сложности. Достаточно вспомнить о трудностях в понимании европейцами основополагающих элементов современной политики и культуры афро-азиатских стран.

Разный жизненный опыт порождает у людей неодинаковые представления об окружающем мире, о границах реального. Например, духовную жизнь средневекового человека невозможно представить без веры в дьявола, демонические существа, оборотней, колдунов и ведьм. Продажа души дьяволу, договоры с ним являлись для средневекового человека не воображаемой, а «подлинной» реальностью. До нас дошли образцы таких договоров, представленных на инквизиционных процессах. Действия «одержимых» во время «изгнания дьявола», сопутствующие этому процессу, засвидетельствованы многочисленными авторитетными очевидцами, но, с нашей точки зрения выходят за границы реального⁷⁵. Отказываться в доверии этим свидетельствам мы не имеем права, поскольку тогда единственным критерием достоверного окажется наш собственный опыт. Во всяком

⁷⁴ Утченко С.Л. Цицерон и его время. - М.: Мысль, 1973. С.108.

⁷⁵ См.: Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом / Репринтное издание. - М.: Республика, 1992.

случае все подобные «чудеса» являлись действительным фактом общественного сознания средневекового общества и реально определяли его жизнь. Поэтому подлинное понимание средневековой культуры требует не простого рационалистического анализа составляющих ее явлений, а расширенных собственных представлений о реальном.

Следовательно, историк, претендующий на аутентичное истолкование прошлого, должен прежде всего признать *исторически относительный характер своего собственного мировосприятия*, являющегося, по словам О.Шпенглера, выражением только одного определенного существования». Ему необходимо уяснить, что иные культуры с такой же убежденностью отстаивали другие истины⁷⁶. Он должен обладать «чувством» истории.

Современная культура исторична в своей основе. Для нас историческое сознание настолько очевидно, что трудно себе представить, что оно могло отсутствовать в прошлом. И, тем не менее, ни шумеро-вавилонская, ни древнеиндийская, ни древнеегипетская культуры этим сознанием не обладали. Они не выработали ничего близкого к историческим сочинениям о жизни человеческого общества. Создавались лишь полумифические хроники, посвященные богам. Даже греческая общественная мысль имела доминирующую тенденцию, основывающуюся на антиисторической метафизике⁷⁷. Поэтому историк древних культур оперирует с материалами, в которых миф и реальность органически переплетаются и протекают нередко в псевдovремени. Современной гуманистичной и рациональной историографии нелегко освоить подобный материал и сделать достоверные выводы о действительно имевших место событиях.

⁷⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. Образ и действительность / Пер. с нем. - М.- Пг., 1923. С.21-22.

⁷⁷ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ - М.: Наука, 1980. С.22-23.

Исследователи конца XIX — начала XX вв. обратили внимание на тот факт, что разные исторические эпохи в неодинаковой степени благоприятны для раскрытия смысла истории. Так, русский философ Н.А.Бердяев был убежден, что целостные эпохи не способствуют историческому познанию, сама историческая наука возникает в критическую эпоху⁷⁸. Действительно, историческая наука родилась в переломный период греческой истории, когда последняя вышла за рамки отдельных полисов. «Отец истории» Геродот опирался на опыт своих предшественников-логографов, но его труд резко выделяется на их фоне. «История» Геродота была вызвана к жизни событием, всколыхнувшим почти весь тогдашний исторический мир, — Греко-Персидскими войнами, описание которых помогло ему возвыситься над местной историей.

Разные эпохи порождают и различные по характеру исторические сочинения. Исследователь античной историографии русский историк В.П.Бузескул отмечал, что подлинно исторические произведения греческих авторов могли появиться только во время, когда события приобрели всеохватывающий характер. Так, Геродот — современник Греко-Персидских войн, Эфор творил во время возвышения Македонии при Филиппе и Александре, Полибий был свидетелем римских завоеваний в Средиземноморье, слияния Востока и Запада в одной Империи и т.д.⁷⁹

Современность не только определяет исторический кругозор, но и делает для нас более близкими и понятными одни эпохи и отдаляет другие. Так, историки начала века много писали о близости процессов, протекавших в античной и современной им европейской истории, сопоставляя последнюю то с переходом от эллинизма к Римской эпохе, то с Гражданскими войнами в Римской республике I в. до н.э. Они отмеча-

⁷⁸ Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. - Париж: YMCA-Press, 1969. С.10-11.

⁷⁹ Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. Т.1. Введение в историю Греции. - Пг., 1915. С.180.

ли, что многие явления экономической жизни греко-римской цивилизации стали понятны, только когда новоевропейская культура достигла соответствующей капиталистической стадии развития. Это свидетельствует о большом гносеологическом значении опыта современности для понимания прошлого.

Таким образом, можно признать, что познавательные возможности историка определяются не только его личными качествами, профессионализмом, но и уровнем развития общества, членом которого он является. Импульс, получаемый ученым от современности, является системообразующим в исторической науке. В своей деятельности историк исходит из задач, диктуемых ему общественной жизнью. Поэтому трудно найти значимое историческое сочинение, в котором бы так или иначе не рассматривались волнующие современность вопросы. Как справедливо подчеркивал Н.И.Кареев, историческая книга «не просто зеркало, в котором отражается внешняя сторона прошлого, не самопишущий аппарат, отмечающий общественные явления и создающий нечто вроде протокола, это — продукт мысли, перерабатывающий в своем горниле данные опыта, продукт ... творческого духа, практической мысли в одной из ее форм»⁸⁰. Серьезный исторический труд мыслится только в определенном обществе и как результат деятельности конкретного автора.

Переживаемая историком эпоха задает ему определенную систему представлений, в рамках которых движется его научная работа. Независимо от принадлежности исследователя к тому или иному общественному лагерю, политической партии или научной школе в его построениях будет многое, что свойственно самой эпохе. Так, западные и российские историки первой трети XX в., принадлежавшие к различным политическим ориентациям, в равной мере исходили из идеи грандиозного перелома в истории Европы, вызванного первой мировой войной. Была выдвинута концепция

⁸⁰ Кареев Н.И. Суд над историей // Русская мысль, 1884. № 3. С.28.

заката европейской культуры и даже наступления нового Средневековья (О.Шпенглер, Н.А.Бердяев, Р.Ю.Виппер). Хотя столь пессимистические настроения разделяли не все, но общую атмосферу создавала убежденность в том, что лучшие времена нашей культуры уже позади. В этих «похоронах» активно участвовали и большевистские авторы, провозглашавшие приход более высокой, социалистической культуры на смену буржуазной.

При всем желании историк не может выйти за границы своего времени или отстраниться от волнующих общество проблем. Современность --- это не просто среда, в которой развивается историческая мысль, но и своеобразный инструмент, направляющий проблематику исследований, воздействующий на их основные выводы и оценки. Перемены в общественном строе, государственной или национальной политике так или иначе сказываются на историографии. Они побуждают исследователей пересмотреть свои воззрения на историю в соответствии с изменившимися условиями. Такой пересмотр затрагивает не только ближайшее к нам прошлое, но и отдаленные периоды, если речь идет о концептуальном переосмыслении. Прошлое как бы открывается перед нами новыми сторонами, высвечивается с новых позиций.

Однако речь не идет о «переписывании» истории с постоянно меняющихся точек зрения. Исследователь не должен оказаться в западне исторического релятивизма, утверждающего, что каждое поколение, каждая социальная группа препарирует для себя всю традицию прошлого, творит идеальное прошлое в угоду своим интересам⁸¹. Прагматический подход к прошлому имеет место, но он не исчерпывает всей взаимосвязи истории и современности. Следует согласиться с советским историком Н.А.Ерофеевым, что «постоянное возвращение к сделанному, пересмотр его отражают поступательное

⁸¹ См.: Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных выступлений. 1910-1912. - М.: 1912. С.61,142.

движение науки, ее неуклонное стремление к полному знанию»⁸². Как и всякая наука, история не только отражает в своем развитии влияние современности, но и развивается по своим внутренним законам и собственной логике.

Другое дело, что исторический образ прошлого по своей природе никогда не является завершенным, т.е. окончательным. Последнее столетие принесло невиданное расширение наших представлений о «начале» истории, были открыты шумерская и индская культуры. По словам немецкого философа К.Ясперса, «перед нами разверзлась пропасть прошлого и будущего». Историю поэтому «нельзя ограничить ни с той, ни с другой стороны, чтобы обрести тем самым замкнутую картину, полный самодавливающий ее образ»⁸³. Этот образ остается незавершенным и в том отношении, что каждая эпоха добавляет к нему нечто свое. Пока продолжает жить человечество, в его историю будут вноситься все новые коррективы.

Влияние современности на историческое творчество реализуется через мировоззрение исследователя. Оно задает соответствующий угол зрения на исследуемый материал, влияет на использование ученым категориального аппарата, на компоновку фактов и их оценку. Такая связь научной позиции историка с его мировоззрением во многом объективна.

Поэтому возникает вопрос о природе мировоззрения. В.Дильтей утверждал, что оно формируется вне науки, в повседневности. «Мировоззрения, - писал он, --- не являются созданием мышления. Они не являются в результате одной лишь воли познания... Они являются в результате занятой в жизни позиции, жизненного опыта, всей структуры нашего психического целого»⁸⁴.

⁸² Ерофеев Н.А. Что такое история. - М.: Наука, 1976. С.119.

⁸³ Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. - М.: Политиздат, 1991. С.28-29.

⁸⁴ Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. Сб. N 1. - Спб., 1912. С.137- 138.

Каждое мировоззрение, подчеркивал философ, «обусловлено исторически и потому ограничено и релятивно», выражает только одну точку зрения на мир и потому не может претендовать на универсальность⁸⁵.

Действительно, на формирование взглядов ученого немалое влияние оказывает та социальная среда, в которой он воспитывался, с которой он связан своими жизненными интересами. Отсюда проистекают его классовые, партийные, национальные, конфессиональные, расовые, половые пристрастия. Биосоциальные характеристики историка тем или иным образом воздействуют на его научную деятельность.

В разные времена и в разных культурных образованиях одни из этих характеристик выдвигаются на авансцену, другие отходят на задний план. Так, в начале нынешнего века особое значение имела классовая и национальная принадлежность исследователя. Тогда же возникла проблема партийности в науке. И это было не случайно, поскольку в капиталистическом обществе классы выступали в наиболее «чистом» виде и шло образование национальных государств. Поэтому историки не могли оставаться безучастными к общественным запросам, к социальной и национальной борьбе. Что же касается античности, то там главной характеристикой историка была не его классовая позиция или национальность, а принадлежность к определенному полису и сословию. В период Реформации важнейшим моментом, определяющим направленность исторических исследований в европейских странах, были конфессиональные воззрения ученого, и в частности его отношение к католической церкви. Сегодня особое значение приобретают национальная и религиозная принадлежность.

Признавая наличие в историографии всех указанных оценочных суждений, связанных с мировоззрением исследователя, мы не можем целиком сводить к ним научное познание. Занятие наукой вырабатывает у

⁸⁵ Dilthey W. The Dream // The Philosophy of History in our Time: An Anthology Selected and Edited by H. Meyerhoff. № 1, 1959. P.41.

историка критическое мышление, позволяющее контролировать свою деятельность, а также накладывает на него определенные моральные и профессиональные обязательства, которым он должен следовать.

С мировоззрением историка в немалой степени связан его научный язык. Категориальный аппарат, которым пользуется исследователь, в определенной мере унаследуется от предшествующих поколений. Однако многие понятия отстают от происходящего в науке движения. «Вначале символы живых комбинаций мысли, — писал о категориях Р.Ю.Виппер, — они надолго переживают общее воззрение, которое их вызвало»⁸⁶. Укрепившись в науке, они нередко превращаются в догмы, под которые подгоняется живой материал. Поэтому необходимо постоянный пересмотр, «очищение» понятий. Ныне мы переживаем момент критики научных категорий, унаследованных нами от периода господства марксистского мировоззрения.

В любом случае научный язык историка всегда является выражением современных представлений об обществе и об окружающем мире в целом. «Понятия, связанные с объектом нашего интереса, которые мы привносим в эти (изучаемые) события, — замечал немецкий философ Г.Ф.Гегель, — мы находим не в далеких эпохах, даже не в высокой цивилизации Греции и Рима; они свойственны нашему времени»⁸⁷. Поэтому всегда существует опасность неадекватного перевода языка документов на современный, искажения смысла явлений прошлого при передаче его в наших научных категориях. Как модернизация, так и архаизация прошлого могут привести к подмене понятий и искажению истории.

Трудности перевода языка одной культуры на язык другой связаны, в первую очередь, с разным жизненным опытом, выработанным ими. Например, иссле-

⁸⁶ Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных выступлений. 1910-1912. - М.: 1912. С.34.

⁸⁷ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. - М.: Изд-во АН СССР; Соц.-экон. лит.; Мысль, 1972. С.430.

дователь национальной религии Японии «синто» советский историк С.Е.Светлов обращает внимание на то, что понятие «синто» неоднозначно трактуется в научной литературе. Одни определяют его как «комплекс социальных и политических идей», другие — как «набор поверий, обычаев, примет и обрядов», третьи — как «культуру и обычаи», а то и как «обожествление природы, рожденное восхищением ею», хотя в данном случае речь идет о живом явлении в истории японской культуры⁸⁸.

Еще сложнее говорить об идентификации давно исчезнувших явлений, о которых сохранились только косвенные свидетельства. Так, дискуссионными были и остаются понятия, отражающие различные категории зависимого населения древности: «мушкenum», «гуруш», «джет», «мерет» и т.д. То же можно сказать в отношении различных понятий, связанных с передачей религиозного опыта наших предков.

Очевидно, чтобы дать не только внешнюю канву событий прошлого, но и уяснить их смысл, исследователь должен понять прошлое изнутри, попытаться оценить его в тех категориях, которыми оперировали современники событий. В этих целях историки предлагали либо метод «вживания» (В.Дильтей), либо т.н. прием «относительных масштабов» (Э.Беригейм, В.М.Хвостов).

Однако из-за ретроспективного характера исторического познания добиться должного результата крайне сложно. Историк знает итог изучаемых процессов и поэтому, по словам С.Хьюза, «не может рядиться, как это он иногда пытается делать, современником описываемых событий. Его действительное положение значительно более рискованно»⁸⁹. Конечно, ученый не может освободиться от своего «привилегированного» положения по отношению к прошлому, но он не вправе отказаться и от максимально возможного приближения

⁸⁸ Светлов Г.Е. Путь богов (синто в истории Японии). - М.: Мысль, 1985. С.4-5.

⁸⁹ Hughes H.S. History as Art and as Science. - N.-Y., Evanston, London, 1964. P.12.

к нему, используя все средства из арсенала научного и художественного познания.

Историку не следует верить «на слово каждой эпохе, чтобы та ни говорила и ни воображала о себе»⁹⁰. Для этого необходимы выяснение экономического строя данного общества, его социальный анализ, проникновение в дух эпохи, т.е. изучение господствующих в нем ценностных установок. Это значит, необходим системный подход к прошлому, основанный на единстве единичного, особенного и общего в общественно-историческом развитии, их каузальной и функциональной связи.

Серьезная опасность модернизации истории возникает в том случае, когда исследователь прибегает к прямым сравнениям и сопоставлениям процессов и явлений прошлого и современности. Так, например, в науке конца XIX — начала XX вв. проводились аналогии между развитием обществ древнего мира и нового времени, выражающие стремление «приблизить» к нам минувшее, «освободить» его от «условных» и «маскирующих» форм, в которых оно выражено, перевести их на привычный современности язык. Историки исходили из убеждения в повторяемости исторических явлений, сходстве прежних и современных жизненных условий⁹¹.

Многие авторы заходили столь далеко, что обнаруживали в древности капиталистические фабрики, банковскую систему, политические партии и пр., аналогичные современным. При этом игнорировалось то обстоятельство, что сходные формы в разные времена могут наполняться различным сущностным содержанием. Такой подход чреват нарушением принципа историзма, навязыванием прошлому несвойственных ему черт и отношений. Сравнения правомерны лишь тогда, когда наблюдается действительная общность в строении культурных систем различных эпох.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.49.

⁹¹ См.: Виннер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. - М., 1911. С.175-176.

Важно различать исторические и социологические понятия. В первом случае, как отмечал русский историк Д.М.Петрушевский, речь может идти о поиске черт, типичных для социально-экономического строя определенного места и времени, например, о капитализме Европы XIX в.; во втором — о внепространственной и вневременной категории, применимой к любому случаю, где только наблюдаются явления данного порядка. В последнем смысле «капитализм» или «феодализм» есть веберовские «идеально-типические» социологические понятия⁹².

Следовательно, органическая связь исторической науки и современности неоднозначно влияет на решение исторической наукой своей главной задачи — объективного изучения прошлого. Воздействие современности на историю может иметь как позитивный, так и негативный характер. Искать же конкретные рецепты для того, чтобы выделить позитивные импульсы современности, представляется делом ненадежным. Наука должна исходить из ориентации на фундаментальные потребности современности, ограничивать зависимость исторических изысканий от сиюминутных потребностей общественной жизни, ставить пределы историческому релятивизму. Этому способствует совершенствование методологии исторического исследования, повышение профессионального мастерства историка. Вместе с тем стремление к научному объективизму не должно отлучать историю от проблем современности, будь это даже возможно. Последнее приведет лишь к застою в науке, потере к ней общественного интереса.

Зависимость от современности — удел не только историографии, а в большей или меньшей степени всех наук. Как отмечает американский методолог А.Стерн, всякая теория — естественнонаучная или историческая носит печать своей эпохи: «Категории картезианской механики существовали не дольше категорий схоласти-

⁹² См.: Из далекого и близкого прошлого. Сб. этюдов из всеобщей истории. - Пг.-М., 1923. С.110-112.

ческой физики Аристотеля. Ньютон не долго использовал категории Декарта, а категории физики Эйнштейна и квантовой механики отличаются от ньютоновских. Подобным образом категории эволюционной и генетической ботаники не долго пережили категории статической ботаники Линнея»⁹³.

Конечно, характер связи истории и естественных наук с жизнью современного общества качественно различный, но сама связь существует и влияет на познавательные возможности наук о природе. Поэтому всякое научное познание не знает границ и каждое поколение вносит в него свой вклад, отражая прогресс науки на пути постижения объективной действительности.

Воздействие современности на историческую науку — только одна сторона взаимодействия историографии и общественной жизни. Другая — связана со значением исторического опыта, накопленного наукой для современности. Оно определяется тем обстоятельством, что историческое сознание составляет существенную часть сознания общества в целом и самосознания отдельных социальных групп и национальных образований.

Всякая социальная индивидуальность осознает себя лишь на базе определения своего места среди других индивидуальностей и в рамках общего опыта, накопленного человечеством. Без знания истории сделать это невозможно. Но, как справедливо отмечает Б.Г. Могильницкий, историческое сознание не является величиной неизменной по своему содержанию, оно само исторично и эволюционирует вместе со сдвигами, происходящими в обществе⁹⁴. Следствием этого является постоянная потребность общественного сознания в переосмыслении исторического опыта.

В общественном историческом сознании переплетаются знания, выработанные собственно историче-

⁹³ Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. - The Hague: Mouton and Co., 1962. P.75-76.

⁹⁴ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. - М.: Высш. шк., 1989. С.111.

ской наукой, представленные публицистикой и художественной литературой, а также полученные в обыденной жизни через рассказы очевидцев событий, общение с ветеранами, посещение музеев и пр. Большая роль здесь принадлежит урокам истории в школе. Однако воздействие разных источников на формирование исторического сознания приводит к тому, что в нем функционирует немало мифов, тешащих национальные чувства, представляющих в иллюзорном свете те или иные важные для современности события прошлого. Задача заключается в формировании научного исторического сознания общества. Особенно актуальна она для молодых национальных государств, ставших на путь самостоятельного развития.

Существуют определенные взаимосвязи истории и идеологии.

Всякая идеология включает в себя исторический элемент, в своем функционировании стремится опираться на исторические данные. С другой стороны, общество предъявляет к исторической науке свои требования идеологического характера. Главные из них сводятся к охране и укреплению государства. Поэтому исследователь, являясь носителем конкретного мировоззрения, не может, как правило, избежать идеологической направленности своих работ. Однако история не должна быть придатком идеологии. Как наука она выполняет в обществе свои социальные функции, далеко выходящие за рамки функций идеологии.

История тесно связана и с политикой. Без научных исторических знаний не может быть и речи о правильной государственной политике. Ни одна важная реформа не может быть успешной без учета опыта прошлого. Однако наука может многое потерять, если будет стремиться подчинять свои поиски меняющейся политической ситуации, подгонять свои выводы в угоду политической конъюнктуре. Актуальными могут оказаться исследования самого отдаленного прошлого, явления малозначимые в координатах государственной политики, но важные с точки зрения выявления всех звеньев в

цепочке культурного развития. Подлинные услуги обществу история может оказать, следуя не в кильватере идеологии или политики, а по пути свободного развития, предоставляя в распоряжение современности научно-интерпретированный опыт прошлого.

Таким образом, история как наука обладает своей спецификой, связанной с социальной природой, реконструктивным и ретроспективным характером исторического познания. Эта специфика не позволяет историографии копировать интеллектуальную модель, заимствованную из естествознания. Тем не менее история вполне обоснованно претендует на научный характер своих исследований.

Следует согласиться с выдающимся французским историком М. Блоком: «Мы еще не слишком хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке. Но мы знаем: для того, чтобы существовать — продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума, — им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться»⁹⁵. История была и останется общественной наукой, сохраняющей многообразие связей с современностью.

⁹⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка / Пер. с фр. - М.: Наука, 1973. С.14.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

«Если и имеется какое-либо из благ, приносящих пользу в жизни, то во всяком случае не меньше, а больше всего оказывает нам услуги, является необходимой и полезной история», — писал крупнейший византийский историк X в. Лев Диакон⁹⁶.

С момента своего возникновения история так или иначе была связана с удовлетворением определенных общественных потребностей, помогала обществу в решении стоящих перед ним задач. Запросы к истории со стороны современности определяют ее социальные функции. Последние, по определению Б.Г.Могильницкого, выступают как «роли, которые историческая наука выполняет в жизни общества и которые в своей совокупности определяют ее социальную ценность»⁹⁷.

Социально значимым является всякое научное познание, но особая природа истории определяет ее специфические функции в обществе. Эти функции неодинаково понимались в разные времена. Сказывалась зависимость от уровня развития как самого общества, так и науки. Соответственно и авторитет истории был прямо связан со степенью ее влияния на общественную жизнь. Наиболее высокий социальный престиж исторической науки наблюдался в XIX в., называемом «золотым веком» истории. Работы того времени дышат социальным пафосом, их авторы были убеждены в высокой общественной значимости своих трудов. Они призывали сделать политику прикладной историей и не без основания утверждали, что пренебрежение историческими знаниями чревато социальными катастрофами⁹⁸. Истоки многих социальных ошибок ученые склонны были ви-

⁹⁶ Лев Диакон. История. - М.: Наука, 1988. С.7.

⁹⁷ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. - М.: Высш. шк., 1989. С.140.

⁹⁸ См., например: Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т.7. - М.: Мысль, 1989. С.385

деть в том, что «мы не прибегаем к историческому методу или слишком поздно начали им пользоваться»⁹⁹.

Социальную полезность истории не следует понимать упрощенно, сводя дело к социальным заказам. История значима уже потому, что удовлетворяет тягу человека к знаниям. Как отмечал английский просветитель лорд Г.С.-Д.Боллингброк, любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы¹⁰⁰. Можно согласиться и с М.Блоком, что если даже считать историю ни на что иное непригодной, то «следовало бы все же сказать в ее защиту, что она увлекательна»¹⁰¹. Страсть к знанию является характерной чертой «человека разумного», и по мере возрастания возможностей ее удовлетворения она усиливается. Без учета элемента любознательности невозможно понять движущие силы развития истории как науки, объяснить появление тех или иных исторических школ. Другое дело, что сама любознательность человека оказывается социально мотивированной. Всегда можно поставить вопрос: почему именно эта, а не иная сторона прошлого привлекла интерес ученого? Ответ будет лежать в сфере современных общественных отношений.

Следовательно, историография призвана удовлетворить широкий спектр социальных и индивидуальных потребностей. Каковы же социальные функции исторической науки в современном обществе и какую эволюцию они претерпели на пути к нынешнему состоянию?

1. Функция социальной памяти

Важнейшей функцией истории, которая в наибольшей степени отражает ее природу и назначение в обществе, является функция социальной памяти. Ее содержание сформулировал «отец истории» Геродот, когда

⁹⁹ Кареев Н.И. Суд над историей // Русская мысль, 1884. № 3. С.24.

¹⁰⁰ Боллингброк Г.С.-Д. Письма об изучении и пользе истории. - М.: Наука, 1978. С.10.

¹⁰¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр.- М.: Наука, 1973. С.8.

писал: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом»¹⁰². Собранные историком сведения имеют поистине уникальный характер, благодаря чему его работа сохранила свое научное значение по сей день.

В античной историографии акцент был сделан на истории как памяти о событиях современности. Так, римский историк, иудей по вероисповеданию, Иосиф Флавий укорял эллинских писателей за то, что они высказывают свои суждения о событиях, которые были уже описаны в работах древних авторов. По мнению Флавия, это — бессмысленное занятие, так как очевидцы событий способны изложить их более глубоко и достоверно. «Спасти от забвения то, что еще никем не рассказано, и сделать достоянием потомства события собственных времен — вот что похвально и достославно», — отмечал ученый. Истинный труженик тот, кто, «воспроизводя новое, дотоле неизвестное, самостоятельно воздвигает памятник исторический»¹⁰³. Предметом изучения самого Флавия была война Рима с Иудеей в I в. н.э., в которой он участвовал. О современных им событиях писали Фукидид, Гай Саллюстий Крисп, Тацит, Прокопий Кесарийский и иные античные авторы. Линия эта была продолжена и в средневековой историографии в творчестве Льва Диакона, Михаила Пселла, Филиппа де Коммина и др.

Современная историческая наука трактует функцию социальной памяти более широко. Назначение истории видится в *накоплении и сохранении в памяти человечества опыта предшествующих поколений*, включая достижения мировой культуры, сведения о значимых событиях прошлого и т.д. Невозможно представить цивилизованное общество, невежественное в вопросах о

¹⁰² Геродот. История. - Л.: Наука, 1972. С.12.

¹⁰³ Иосиф Флавий. Иудейская война. - Мн.: Беларусь, 1991. С. 32.

своем прошлом. Без знания истории народы были бы вынуждены каждый раз заново создавать культурный фундамент своего существования. Если излишнее отягощение традицией замедляет историческое движение народов, то забвение прошлого ведет к деградации. История играет роль своеобразной посредницы между поколениями. По словам Г.С.Коммеджера, как «трудно представить историю без цивилизации, так и трудно представить цивилизацию без истории»¹⁰⁴.

Однако между историографией как социальной памятью и памятью отдельного индивида существует большая разница. С одной стороны, как заметил методолог П.М. Бицилли, история — суррогат памяти, которым обладает субъект. В акте воспоминания человек способен воскресить любой пережитый им момент прошлого. Историк же может «перемещаться» лишь поочередно в отдельные моменты прошлого¹⁰⁵. С другой стороны, индивидуальная память склонна к фантазии. Историческая же реконструкция выступает как организованная и удостоверенная память. В критической оценке сведений о коллективном прошлом человечества и их систематизации и заключена одна из важных задач исторической науки.

Социальная память неизбежно ограничена и фрагментарна в отдельных своих частях. Это происходит из-за недостатков письменных документов, без которых событийная история не поддается реконструкции. Многие из них погибли в огне военных действий, религиозных конфликтов либо иным путем. До нас дошли свидетельства о прошлом большей частью победителей, а не побежденных, господ, а не рабов. «Одна из наименее любезных черт победителя, — пишет Г.С.Коммеджер, — это намеренное разрушение вражеских достижений и замал-

¹⁰⁴ *Commager H.S. The Nature and Study History. - Columbus; Ohio, 1966. P.2.*

¹⁰⁵ *Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. - Прага, 1925. С. 167-168.*

чивание — часто через смерть - вражеских историков»¹⁰⁶. Что же касается истории народов древности, не знавших письменности и о которых не дошли известия авторов современных им «письменных» культур, то возможность ее реконструкции вообще проблематична.

Возможности всестороннего познания прошлого ограничены также наличными ресурсами историков. Например, по истории второй мировой войны накоплен такой колоссальный материал, что вряд ли он когда-либо целиком будет введен в научный оборот. Многих архивных документов, возможно, чрезвычайно важных, так никогда и не коснется рука исследователя. Во многом здесь дело случая. Однако свой поиск историки ведут вовсе не хаотично. Их путеводной звездой выступают запросы современности.

Как организованная память история всегда социально ориентирована, т.е. направлена на обслуживание общественных потребностей. Важнейшая из них заключается в придании современному обществу устойчивости, уверенности в будущем. Не случайно народы и государства стремятся к увековечиванию памяти о прошлом. Показателен тот факт, что наибольшее количество памятников, посвященных выдающимся деятелям и событиям прошлого, возведено в одной из самых молодых среди развитых стран мира — США. Только в ходе подготовки и празднования 200-летия провозглашения независимости США были официально санкционированы и профинансированы 88 892 проекта и мероприятия, направленные на повышение интереса к национальной истории. В стране действует около 4,5 тысяч различных исторических обществ, печатается свыше 100 периодических исторических изданий, около 300 исторических факультетов осуществляют подготовку специалистов-историков¹⁰⁷.

Социальная ориентированность истории как па-

¹⁰⁶ *Commager H.S. The Nature and Study of History. - Columbus; Ohio, 1966. P.4.*

¹⁰⁷ См.: *Тишков В.А. Статус профессии историка в США // Вопросы истории 1983. № 1. С.40-57.*

мости выражается в ее избирательности. Критерий отбора явлений, достойных изучения, дает господствующая в том или ином обществе система ценностей. В соответствии с ней историки, например, Византии и императорского Рима, главное внимание обращали на деяния и индивидуальные характеристики императоров. Так, Гай Светоний Транквилл написал книгу «Жизнь двенадцати цезарей», ту же задачу решал Прокопий Кессарийский в своей «Тайной истории»¹⁰⁸. Средневекового хрониста Жана Фруассара в истории интересовала в первую очередь жизнь феодального рыцарства во всех ее деталях. В противоположность этому подходу русский историк М.Н.Покровский декларировал, что «дело исторической науки изучать жизнь масс, а не высокопоставленных чудаков»¹⁰⁹.

Потребности современного общества ориентируют историографию на систематическое и всестороннее изучение явлений прошлого с учетом той роли, которую они действительно играли в историческом процессе. Изучением постепенно охватываются все слои и все стороны человеческого общества: экономика, политика, культура, социальные отношения, религия, церковь и т.д. Такой подход позволяет дать системное представление об истории как органическом, внутренне обусловленном процессе развития человеческих обществ.

В функцию истории как социальной памяти входит не только накопление и сохранение опыта поколений, но и оценка отдельных исторических явлений. Оценка, как и отбор материала, тесно взаимосвязаны и в конечном итоге носят мировоззренческий характер. Общество не может индифферентно относиться к своему прошлому, взирая на него «без гнева и пристрастия». Слишком многое из того, что имело место, затрагивает интересы современности. Однако не пойдет на пользу современным народам и государствам раздувание старых

¹⁰⁸ Прокопий Кесарийский. Тайная история. - М.: Веста, 1991. С.7.

¹⁰⁹ Покровский М.Н. Предисловие // Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. 1914-1915. - М.-Пг., 1923. С.III.

исторических конфликтов, акцентирование внимания на прошлых междоусобных и национальных столкновениях, поиск «исконных границ», призывы к мщению за допущенные когда-то несправедливости. Все это может привести только к новым трагедиям и общечеловеческой катастрофе. Примеров тому накопилось немало. Поэтому задача исторической науки состоит скорее в том, чтобы стать *«примиряющей памятью»*.

Не искажая минувшего, сохраняя научную объективность, историкам следует давать крайне взвешенные оценки. В то же время историческая наука может восстановить справедливость в оценке действительного вклада того или много народа в сокровищницу мировой культуры, реабилитировать отдельных исторических деятелей или целые народы, чья подлинная роль в прошлом была извращена, сорвать маску героя с ничтожного человека и т.д. «Исправляя ошибки перспективы, порождаемые у современников близостью расстояния, история, — по словам американского методолога А.Стерна, — оказывается...как бы своеобразным мировым трибуналом...»¹¹⁰. В этом своем качестве она дает надежду несправедливо осужденным сегодня на торжество справедливости в будущем.

2. Научно-познавательная функция

Обязательным атрибутом всякой науки является научно-познавательная, или эвристическая, функция. Центральной задачей, стоящей перед историографией в выполнении данной функции, является *предоставление обществу необходимых знаний для правильного решения стоящих перед ним проблем*.

В прошлом эта задача понималась упрощенно — как собрание прецедентов на все случаи жизни. Так лорд Боллингброк, вслед за древнегреческим историком Дионисием Галикарнасским, видел истинную пользу

¹¹⁰ Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. - The Hague; Mouton and Co, 1962. - P.30.

истории в том, что «история — это философия, которая учит нас с помощью примеров»¹¹¹. Одним из первых попытку подняться над таким пониманием задач исторической науки предпринял немецкий мыслитель И.Г.Гердер, решивший создать глобальную философию истории человечества, в которой органически соединились бы мир природы и мир человека. Он посвятил себя выявлению смысла мировой истории. «Пространства; — писал Гердер, — полны мудрости, а времена полны мнимого хаоса, и, однако, человек сотворен, очевидно, чтобы искать порядок, чтобы внести ясность в свой малый промежуток времени, чтобы грядущее строить на прошедшем — иначе зачем человеку память, зачем воспоминания?»¹¹².

Поиск смысла истории привел науку второй половины XIX в. к задаче обнаружения законов исторического развития человечества. Эта задача стала главной для позитивистской, а позднее и марксистской историографии. Из бесспорного тезиса о том, что открытие законов общественного развития возможно только на материале истории, советские ученые сделали вывод, что «важнейшей социальной функцией марксистской исторической науки является выяснение закономерностей общественного развития, составляющее необходимую предпосылку научного руководства обществом»¹¹³. Открытие этих законов было объявлено осуществленным в работах основоположников марксизма, что «ознаменовало превращение истории в науку»¹¹⁴.

Трудно согласиться со столь широкой трактовкой научно-познавательной функции истории. Однако следует признать огромное значение исторических знаний для всестороннего самопознания общества, в том

¹¹¹ Болингброк Г.С.-Д. Письма об изучении и пользе истории. - М.: Наука, 1978. С.11.

¹¹² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. - М.: Наука, 1977. С.9.

¹¹³ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории.- М.: Высш. шк., 1989. С.146.

¹¹⁴ Ерофеев Н.А. Что такое история. - М.: Наука, 1976. С.128.

числе для изучения законов его функционирования. Историография предоставляет свои данные обобщающим социальным наукам, в то же время путем сравнения исторических рядов, отдельных культур, типологизации исторических явлений вносит собственный вклад в теоретическое осмысление прошлого и выявление тенденций современного развития. Без знания уроков истории невозможно раскрытие действительных законов общества. История и обобщающие социальные науки действуют в этом направлении рука об руку.

Вместе с тем оценка познавательной дееспособности истории не может ограничиваться учетом ее вклада в раскрытие социальных законов. Как справедливо считает И.Д.Ковальченко, само конкретное научное изучение хода общественного развития с древнейших времен до современности имеет фундаментальное научное значение¹¹⁵. Глубокий исторический анализ тенденций социального развития выступает как необходимая предпосылка научного руководства обществом и проведения обоснованной государственной политики. Скольких ошибок в общественном реформировании удалось бы избежать, если бы ему предшествовали исторический анализ сложившейся общественно-политической ситуации, изучение опыта прежних реформ, постоянный учет силы воздействия исторической традиции. Недостаточный учет этих факторов погубил не одно самое здоровое начинание в истории, не одного реформатора, начиная с фараона Эхнатона или древнегреческого демократа Эфиальта.

Глубокие исторические исследования являются основой для социального прогнозирования. Игнорирование исторического опыта, простая экстраполяция в будущее показателей современного развития неоднократно приводила к краху попытки предсказать будущее. Наиболее известным в этом отношении был крах прогноза о построении в СССР к 80-м гг. коммунистического общества. Но несостоятельными оказались и

¹¹⁵ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.57.

многие построения западной футурологии. Прогнозирование — дело сложное, поскольку в общественной жизни действует слишком большое число факторов, связанных с деятельностью отдельных субъектов. Поэтому любой социальный прогноз носит вероятностный характер. Отдельные социальные и экономические процессы легче поддаются учету и анализу, и прогнозирование их развития имеет широкое применение. Этим занимаются в основном социологи, психологи, экономисты.

Закономерно встает вопрос, входит ли прогнозирование в социальные функции исторической науки. Такая функция признавалась в позитивистской историографии прошлого столетия. Однако уже в конце XIX — начале XX вв. она была поставлена под сомнение в работах русских историков Н.И.Кареева, Е.В.Тарле, В.М.Хвостова и других¹¹⁶.

В марксистской методологии истории прогнозирующая функция истории выделялась как важнейшая. При этом делалась существенная оговорка, что речь идет о предвидении на уровне событий всемирно-исторического масштаба либо о «вероятностном знании устойчивых типов»¹¹⁷.

Что же касается конкретных примеров точного прогнозирования средствами исторической науки, привести их фактически ни один автор не может. Со страниц одной работы в другую переходит один и тот же пример о предвидении Ф.Энгельсом первой мировой войны. Но если даже признать данный прогноз за собственно исторический, а не социологический, то, во-первых, между его появлением и войной прошло 27 лет,

¹¹⁶ См.: Кареев Н.И. Теория исторического знания. - Спб., 1913. С.71-72; Тарле Е.В. Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX в. - Спб., 1903. С.147-158; Хвостов В. М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. - М., 1914. С.265-266.

¹¹⁷ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.:Наука, 1987. С.57-60; Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. С.200-213; Ракитов А.И. Историческое познание. - М.: Изд-во полит. лит., 1982. С.282-289.

... лишило прогноз практического значения; во-вторых, в 80-е гг. XIX в. общественная атмосфера была насыщена ожиданием скорой войны между Германией и Францией и предполагалось, что в нее будут втянуты ведущие страны Европы¹¹⁸. Поэтому данный прогноз отражал общее умонастроение европейцев своего времени, да и последствия первой мировой войны были далеки от предсказанных Энгельсом¹¹⁹.

Случаи удачного предвидения тех или иных черт будущего носят не более чем вероятностный характер и потому оказываются мало пригодными для практики. Если сегодня мы можем подтвердить правоту опасений Я.Буркхарта или Дж.Э.Актона о развитии европейской цивилизации в XX в., то их современники стояли перед выбором: кому верить? Им или немецкому историку Л.Ранке и сторонникам теории прогресса? Авторитет последних был более высок, а они обещали в XX в. всеобщее процветание и разрешение мирным путем основных проблем капиталистического общества. Поэтому историк, исходя из необходимости серьезных исследований в области социального прогнозирования, не может не признать, что его прогноз отличен от предвидения ученого-естествоиспытателя. **Историографии противопоказано оперировать с предположительными величинами. Как указывает А.Стерн, «исследовать можно только то, что стало реальным, а именно так и обстоит дело с прошлым. История будущего невозможна; она была бы всего лишь продуктом воображения: басней, романом»¹²⁰.**

Прогнозирование будущего нельзя рассматривать как обязательную функцию исторической науки. Предвидения не входят в компетенцию истории, даже если ее исследования в отдельных случаях способствуют успеху социального прогнозирования.

¹¹⁸ См.: Манфред А.З. Образование русско-французского союза. - М.: Наука, 1975.

¹¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.361.

¹²⁰ Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. - The Hague; Mouton and Co., 1962. P.18.

3. Воспитательная функция

Уже античные и средневековые историки видели важнейшую свою задачу в выработке у сограждан высоких нравственных и гражданских качеств. Все древние историки в той или иной мере являлись моралистами. Сравнительные жизнеописания Плутарха были призваны служить примером и образцом для подражания лучшим людям и для исправления дурных нравов¹²¹. Цель его биографий — воспитание, назидание, а история в них — лишь необходимый фон для выведения соответствующей морали. Воспитательные задачи своих трудов формулировали Саллюстий¹²², Прокопий Кессарийский¹²³ и другие авторы.

О воспитательном назначении истории говорила и просветительская философия. Дидро и Д'Аламбер в своей «Энциклопедии» указывали, что предназначение истории «состоит в сравнении законов и нравов чужих стран с собственными..., это (сравнение) побуждает современные нации соревноваться друг с другом в искусствах, торговле, земледелии. Крупные ошибки в прошлом очень полезны во всех отношениях. Нельзя не напоминать вновь и вновь о преступлениях и несчастиях, причиненных бессмысленными распрями. Бесспорно, что напоминание о них мешает их повторению»¹²⁴. Особое внимание просветители уделяли историческому образованию государя или иного государственного мужа¹²⁵. При этом надежды возлагались на то, что просвещенный правитель способен обеспечить разумное государственное устройство и проводить правильную политику.

Безусловно, историки прошлого были правы в

¹²¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т.3.- М.: Наука, 1964. С.194.

¹²² Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. - М.: Наука, 1981. С.41.

¹²³ Прокопий Кесарийский. Тайная история. - М: Веста, 1991. С.6-7.

¹²⁴ История в Энциклопедии Дидро и Д.Аламбера. - Л.:Наука, 1978. С.13.

¹²⁵ Боллингброк Г.С.-Д. Письма об изучении и пользе истории. - М.: Наука, 1978. С.13-15.

том, что исторические работы, независимо от намерений их авторов, оказывают воспитательное воздействие на читателей. Воспитательный заряд содержат в себе сами факты истории. Образованный человек не может равнодушно воспринимать героические деяния своих предков, относиться безразлично к борьбе порабощенных народов за свою свободу, к жертвам во имя мира, добра, справедливости, прогресса. Он не может не осуждать преступления, политику террора и насилия, предательство. Эмоциональное переживание подобных исторических фактов воздействует на формирование нравственных качеств читателя, способствует выработке у него определенных ценностных ориентаций.

Конечно, исторические труды сами по себе, в отрыве от иных воспитательных мероприятий, не делают человека добропорядочным гражданином, патриотом своей родины. Однако в этом отношении истории принадлежит важная роль.

Без знания прошлого своего народа и человечества в целом нельзя представить себе культурного человека. Чем шире исторический кругозор, тем легче ему ориентироваться в окружающем мире. Изучение истории способствует глубокому уяснению эволюционного характера общественного развития и четкому определению своего места в этом процессе. Понимание истории позволяет осознать свой долг перед ушедшими и будущими поколениями, ценить накопленные культурные блага, с уважением относиться к иным культурным системам.

Исторические знания имеют особое значение для формирования мировоззрения подрастающего поколения. Не случайно в XIX в. история была введена в программу школьного обучения. Попытки перевести ее из числа обязательных дисциплин в факультативные, имевшие место как на Западе, так и в СССР, окончились провалом. Опыт показал, что, при всех имеющихся недостатках в преподавании истории, без знания ее основ нельзя вести речь о получении полноценного образования. Однако преподавание истории в средней школе нуждается в постоянном совершенствовании.

Оно должно учитывать в первую очередь возрастные и эмоциональные особенности школьников, а это значит, что сложные проблемы исторического развития должны подаваться облеченными в форму увлекательного рассказа о событиях, людях и процессах.

Ярким примером возможностей историографии в деле формирования национального самосознания является деятельность немецких историков XIX в. В это столетие Германия вступила политически раздробленной и экономически отсталой. Достижение политического единства и выход страны в разряд передовых европейских государств были возможны только через развитие самосознания немецкой нации. Громадный вклад в решение этой задачи внесла германская историческая наука. Реорганизация изучения и преподавания истории в немецких университетах способствовала тому, что германская историческая наука к середине столетия стала ведущей в Европе.

В 1819 г. было организовано Общество по изучению источников древней германской истории со своим журналом. Оно дало мощный толчок возрастанию интереса к истории. Целью Общества было развитие национального самосознания через работу с историческими источниками. К середине 40-х гг. в Германии уже действовали 44 аналогичных общества, а вместе с археологическими союзами их число достигло 60-ти. Они охватывали более 9 тыс. членов¹²⁶. Акцент в исследовательской и издательской деятельности делался на истории Германии. Космополитическая точка зрения истолкования истории была заменена националистической. Если раньше смысл и цель истории виделся в воспитании гражданина вселенной, то теперь — немецкого патриота. В центре внимания историков стали судьбы народа и отечества, интерпретируемые как одно целое.

Вклад германских историков в дело политического объединения Германии под эгидой Пруссии неос-

¹²⁶ Историография истории нового времени стран Европы и Америки
- М.: Высш. шк., 1990. С. 134.

порим. Однако опыт развития германской исторической науки предупреждает нас и об опасности попадания в сеть воинствующего национализма. Распространяя откровенно националистические и милитаристские воззрения, историография оказалась ответственной за трагические судьбы немецкого народа в XX в.

Пример германской историографии свидетельствует о том, что патриотическое воспитание масс не может основываться исключительно на пропаганде национальных идей. В его основе должно лежать *безусловное признание общечеловеческих ценностей*, идеалов свободы, демократии и уважения прав человеческой личности.

Эффективность выполнения исторической наукой ее воспитательной функции во многом зависит от степени ее влияния на читательскую аудиторию. Это предполагает не только издание популярных исторических работ, но и доступность изложения в специальных исследованиях, способных заинтересовать широкую аудиторию. В немалой степени популярность того или иного издания определяется литературным мастерством его автора. Поэтому историк по необходимости должен сочетать в себе мастерство исследователя и литератора.

4. Политико-идеологическая функция

Спорным остается вопрос о политико-идеологической функции историографии. Проблема заключается в том, что втягивание истории в политическую борьбу неизбежно сказывается на ее объективности. Политизация исторических исследований чревата опасностью превращения науки в служанку идеологии. Однако социальная природа историографии неизбежно заставляет ее откликаться на те или иные вопросы жизни современного общества, причем дело не ограничивается исследованиями в области новой и новейшей истории. Нередко политически актуальными становятся проблемы древней и средневековой истории, по ним возникают дискуссии, в которые втягиваются различные социальные слои. Так, различные противоборствующие политические силы Белару-

си на современном этапе развития государственности остро ставят вопросы, связанные с историей Великого княжества Литовского и места в нем белорусского элемента и т.д. Научные и политические аргументы настолько тесно переплелись, что их трудно развести. Таким образом, независимо от пожеланий ученых, историческая наука фактически выполняет определенные политико-идеологические функции. Они прослеживаются на всех этапах развития исторической науки.

Прагматический подход к истории определился еще в античную эпоху. Фукидид, например, указывал, что он стремится извлечь из прошлого определенные уроки, которые могут оказаться полезными в будущем при повторении событий в том же или сходном виде¹²⁷. В средневековом обществе перед историей ставились задачи по обоснованию догматов церкви и защите имущественных прав и привилегий духовных и светских князей. Догматы Библии рассматривались как непререкаемые и история исполняла роль «служанки» богословия и церкви. Как подчеркивал хронист Ордерик Виталий, «в историческом труде все должно быть изложено во славу творца и подлинного руководителя всех вещей. Ибо предвечный создатель и поныне непосредственно направляет всю историю чудесным образом»¹²⁸. Такая ориентация историографии привела к созданию многочисленных церковных историй, житий монахов и князей, авторы которых стремились не столько к научному исследованию фактов прошлого, сколько к теологии, основанной на двойном фундаменте — веры и разума.

В гуманистической историографии произошла секуляризация истории. Одновременно исторические исследования стали более политизированными. В различных городах Италии появилось множество местных историй, нередко написанных на заказ и ставивших целью прославить свой город или государство. Их авторы

¹²⁷ Фукидид. История. Кн. I. - М., 1915. С.15-16.

¹²⁸ См.: Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. - М.-Л.: Наука, 1964. С.77.

стремились обосновать политические и территориальные притязания своего государства, содействовать упрочению власти правящей династии или даже узурпаторов. Например, знаменитый гуманист Лоренцо Валла (1407-1457), будучи секретарем неаполитанского короля Альфонса, создал по его заказу «Историю Фердинанда, короля Арагонии, в 3 книгах», прославлявшую короля. А в «Трактате о подложности Константинова дара» он доказывал беспочвенность притязаний папства на светскую власть¹²⁹.

Просветители использовали факты истории как аргументы для обоснования рационалистического мировоззрения. По мнению Дидро и Д'Аламбера, история — это политическая наука, поскольку она осмысливает опыт предшествующих поколений. Ее данные представляют большую ценность для законодательства и политики, которую вершат государи¹³⁰. Статьи Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера, посвященные истории церкви, насыщены критическим историческим материалом, разоблачающим деятельность средневековых римских пап и духовенства.

С конца XVIII в. историография превращается в орудие борьбы различных государств и политических партий между собой. Наиболее концентрированное выражение политические функции истории получили в малогерманской историографии, названной так за активное участие в политической борьбе вокруг объединения Германии под эгидой Пруссии. Ее представители не просто принимали непосредственное участие в политической борьбе, но старательно прославляли милитаристский курс Пруссии в качестве единственно возможной «реальной политики». С этих позиций были написаны «История прусской политики» в 14 томах И.Г.Дройзена, «Основание Германской империи Вильгельмом I» в 7 томах Г.Зибеля, «Немецкая история XIX века» в 5 то-

¹²⁹ См.: Косминский Е.А. Историография средних веков (V - середина XIX вв.). Лекции. - М.: МГУ, 1963. С.39-41.

¹³⁰ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. - Л.: Наука, 1978. С.245.

мах Г.Трейчке и др.

Активное участие в политической жизни принимали французские историки периода Реставрации. В 20-е гг. XIX в. в статьях О.Тьерри было поднято «знамя исторической реформы» с откровенной антидворянской направленностью. Автор признавался: «В 1817 году, обураваемый горячим желанием способствовать со своей стороны победе конституционных воззрений, я принялся разыскивать в книгах по истории основания и аргументы для своих политических убеждений»¹³¹.

Однако нигде историография не была столь открыто привязана к обслуживанию политических и идеологических потребностей господствовавшей политической партии, как это было в советском обществе. В эпоху сталинизма «Краткий курс истории ВКП(б)» был объявлен «могучим идейным оружием большевизма, настоящей энциклопедией марксизма-ленинизма»¹³² и надолго определил направление развития советской исторической науки. Принцип партийности в науке сохранялся в качестве средства контроля за лояльностью и идеологической «зрелостью» авторов исторических исследований и в последующий период. От каждого советского историка требовалось участие в критике буржуазной историографии, хотя доступ к этой историографии имел очень ограниченный круг исследователей.

Противостояние социальных систем сказалось на состоянии исторической науки по обе стороны «железного занавеса». В годы «холодной войны» сильно политизированной оказалась и американская историография. Ее презентистское направление прямо связывало научные и политические задачи. Так, в 1949 г. президент Американской исторической ассоциации К.Рид в своем обращении «Социальная ответственность историка» заявлял: «Тотальная война, горячая или холодная, мобилизует всех и требует, чтобы каждый выполнял

¹³¹ См.: Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. - М.-Л.: Наука, 1949. С.67.

¹³² Под знаменем марксизма. 1940. № 1. С.13.

свою роль. Историк должен выполнять это обязательство не в меньшей мере, чем физик»¹³³.

В последние десятилетия крайности подобного подхода к истории на Западе в основном преодолены. Большинство ученых убедились, что «хотя история имеет дело с политикой, она не может становиться на сторону какой-либо политики» и должна состоять исключительно в «партии истины»¹³⁴. Историки не должны подвергаться принуждению со стороны государства, партии или какой-либо группировки. Этот призыв был одним из лейтмотивов XVIII-го Международного конгресса исторических наук (Монреаль, август-сентябрь 1995 г.), обсуждавшего, наряду с другими, и вопрос о свободе творчества историка¹³⁵.

Вопрос о политико-идеологических функциях истории оказался весьма актуальным для молодых государств, стремящихся определить свое место в системе сложившихся международных отношений. Доказывая свои права на существование, они активно обращаются к прошлому. В этих обстоятельствах историческая наука получает важный социальный заказ, стимулирующий ее собственное развитие. Важно, однако, иметь в виду, что выполнять этот заказ наука должна совершенно самостоятельно, ориентируясь на поиск истины, а не политическую конъюнктуру. В противном случае история утратит научный характер и подорвет свой социальный престиж. Объективные выводы и рекомендации общество может получить только от независимой науки.

¹³³ См.: *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки*. - М.: Высш. шк., 1990. С.412.

¹³⁴ *Dozer Donald M. History as Force // Pacific Historical Review, Vol. XXXIV. P.385, 395.*

¹³⁵ 18-th International Congress of Historical Sciences [from 27 August to 3 September 1995]. Actes/Proceedings. - Montreal: ICHS, 1995; Современная мировая историческая наука: Информационно-аналитический обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков и X Международной конференции «История и компьютер» - Монреаль, август - сентябрь 1995 г.) / Ред. коллегия: А.Н.Алпеев, В.Н.Сидорцов, С.В.Толеренок. - Мн.: НТООО «ТетраСистемс», 1996.

ГЛАВА 4. СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Исторический источник

Историческая наука представляет собой сложную и сбалансированную систему, в которой можно выделить эмпирический и теоретический уровни исследования и организации знания. Каждый из них обладает своими особенностями функционирования.

В качестве базы исторического познания выступают исторические источники. Соответственно важнейшим этапом в структуре исторического исследования является формирование его источниковой базы.

Наличие источников для историка — обязательное условие его научного исследования. Не случайно ученые уделяют огромное внимание проблеме источника как носителя сведений о прошлом, его природе и познавательных возможностях.

По вопросу определения исторического источника нет единства среди ученых. Часть исследователей, имея в виду огромное влияние внешних факторов на деятельность человека (особенно в период становления человеческого общества), склонна рассматривать в качестве исторических источников географическую среду, природные бедствия, катаклизмы и т.д., т.е. все то, откуда заимствуется информация о прошлом. Однако названные выше факторы представляют собой важнейшее условие человеческой деятельности, но не причину исторического события. Все они могут быть изучены методами других наук (астрономии, геофизики, геологии, медицины и др.).

Более предпочтительна точка зрения той части ученых, которые определяют исторический источник как продукт целенаправленной деятельности людей. Все объекты природы, к которым человек приложил руку в своих целях, необходимо рассматривать в качестве исторических источников (лесосеки, дамбы, заповедни-

ки и т.д.). В них в материальной форме (на материальном носителе) реализованы чувства и мысли создавших их людей. Следовательно, для ответа на вопрос, является ли изучаемый материальный объект источником информации о человеческом обществе, исследователь должен установить, создан он трудом человека или является следствием игры природных сил (ветра, воды, температуры и т.д.).

История есть не что иное, как история живых людей. Все ее богатства накапливаются через действия живых людей и преломляются через их психику, волю, сознание. Поэтому информация о прошлом претерпевает на пути к изучению множество искажений.

Во-первых, она преломляется через сознание определенной исторической эпохи. Источники — остатки культуры прошлого, отделенного от нашей жизни не только значительным интервалом времени, а и разрывом в традиции, что довольно часто затрудняет их понимание.

Во-вторых, на нее оказывает огромное влияние психология отдельных социальных групп, к которым принадлежали авторы исторических источников.

В-третьих, информация искажается, проходя через систему мировоззрения создателей информации, их сознание.

Следовательно, источник отражает социальные и индивидуальные характеристики их авторов. Атрибуция (установление авторства) исторического источника, социальных ориентаций создателя источника представляет собой путь к объективному познанию прошлого. Однако историк может только стремиться к объективности в изучении фактов истории, ибо он также принадлежит к определенной эпохе, социальной группе и имеет свои мировоззрение и психологические характеристики. Анализируя факты современных ему событий, историк подвергает информацию такому же искажению, которому она подвергается при создании любого типа авторских источников. Поэтому источник, с одной стороны, представляет собой факт исторического прошлого, с

другой, — содержит информацию об этом факте.

Вместе с тем необходимо помнить, что источник несет в себе двойную информацию. С одной стороны, он является опосредованным отражением определенного объекта через сознание субъекта. С другой, он характеризует субъект, отражает его цели и методы восприятия объективной реальности. Так, мемуары содержат определенную информацию и о действительности, и о их создателе. В свою очередь наличие в историческом источнике информации об авторе позволяет выявить степень адекватности отраженной в нем исторической действительности.

В процессе обработки исторических источников происходит последующая субъективация имеющейся в них информации. К субъективному фиксации первоначальной информации добавляется еще субъективность ее извлечения или переработки¹³⁶. Примером этого являются редакции и списки различных исторических памятников.

Отмеченные выше обстоятельства обусловили скептическое отношение ряда исследователей к возможности объективного познания фактов прошлого. Выход из ситуации многим из них виделся в разделении всех источников на объективные (*"остатки" фактов*) и субъективные (*предания о них*). Подобного рода деления источников придерживались В.О.Ключевский, А.С.Лаппо-Данилевский и многие западные историки.

В действительности исторический источник предстает и как результат отражения субъектом реальности и как продукт деятельности субъекта, выступая таким образом одновременно и "остатком" и "преданием". Так, конкретное орудие труда, произведенное человеком, не только "остаток", но и носитель информации об уровне знаний и умений его производителей, т.е. "предание".

Довольно близки к этой двучленной схеме те со-

¹³⁶ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.- М.: Наука, 1987. С.117.

временные исследователи, которые подразделяют источники на "намеренные" (с запечатленной тенденцией их создателей) и "ненамеренные" (без каких-либо тенденций). Естественно, вторые более ценны, чем первые.

Поскольку исторические источники возникают только в результате общественной деятельности людей, все они являются историческими остатками. Правда, в одних случаях они будут остатками событий, частью которых являлись сами (оружие, договор и т.д.), в других — остатками деятельности автора, рассказавшего по конкретным причинам и в определенном свете об известных ему исторических фактах. Во втором случае остатками могут быть даже самые фантастические и самые ложные по содержанию произведения. Кроме того, информация о факте в большинстве случаев — это еще не самый факт, который обычно значительно больше по объему и богаче по содержанию.

Важнейшей задачей исследователя является установление максимального количества источников, содержащих информацию о том или другом интересующем его историческом факте. При этом необходимо иметь в виду, что количество источников, в которых зафиксировано то или другое событие прошлого, еще не говорит о реальной исторической роли последнего.

Деление источников на "остатки" и "предания" нашло свое отображение в выделении двух важных этапов критики — внешней и внутренней. Основным содержанием внешней критики является изучение исторического источника как носителя информации о прошлом (места, условий возникновения, автора), а целью — установление подлинности исторического источника. Подлинным считается источник, который создан в том месте, в то время и тем автором, которые указаны в нем.

Суть внутренней критики — в изучении показаний источника об историческом факте. Определяются достоверность, полнота и точность содержащейся в источнике информации. Немаловажное значение имеет выяснение представительности (репрезентативности)

источника относительно самой исторической действительности. Оценивается также значение сохранившегося источника в сравнении с некогда существовавшим их сводом.

Органическое переплетение в источниках информации об исторической реальности и о его создателях накладывает свой отпечаток на очередность в изучении источников. Правомерно рассматривать их внешнюю и внутреннюю критику как последовательность источниковедческих процедур.

При анализе информации источника следует учитывать, что часть ее скрыта от исследователя. В то же время как раз она может содержать наиболее существенные известия об историческом факте. Именно это имел в виду В.О.Ключевский, утверждая, что важнейшей задачей историка является установление не того, о чем свидетельствуют авторы источников, а того, о чем они умалчивают. Особенно большой объем скрытой информации содержат массовые источники. Это выдвигает задачу все более широкого их вовлечения в научный оборот. Немалая скрытая информация имеется и в индивидуальных источниках. Она менее всего подвержена субъективным искажениям.

Определение и изучение "скрытой" информации представляется, таким образом, одной из наиболее существенных задач исследователя. Обращение к новым (нетрадиционным) методам исследования (количественным, психофизическим, моделирования и др.) во многом помогает ее решению.

Огромное количество и неисчерпаемые информационные возможности источников вызвали потребность в их систематизации и классификации. В отличие от систематизации, классификация представляет собой не произвольное деление источников на группы, а раскрытие органической связи внутри них и в соответствии с этим выделение таких их категорий, как типы, роды и виды. Сложность этой задачи заключается в том, что историческая действительность — не простая сумма фактов. Источник возникает, как правило, в разнород-

ной сфере. Но даже если это происходит в однородной, то она чаще всего отображает не одну, а многие стороны человеческой деятельности. Это обусловило множество подходов к классификации источников.

Классификацию исторических источников можно проводить с позиции синтаксического, прагматического и семантического подходов.

Синтаксический подход подразумевает классификацию источников по методам и формам отражения в них действительности. Он предпочтителен при первичной фиксации информации.

До недавнего времени в источниковедении в рамках этого подхода существовало подразделение всех источников на семь типов: письменные, вещественные, этнографические, устные, лингвистические (фольклорные), фонодокументы и кинофотодокументы. Эта классификация учитывала, с одной стороны, наиболее общие черты, характерные для тех или других источников (происхождение, содержание, форма), а с другой — объекты исследования отдельных отраслей исторической науки. Однако такая классификация является довольно условной. Отдельные ее типы могут совмещаться. Например, этнографические, устные (фольклорные) и лингвистические источники могут быть представлены как в письменной форме, так и в виде фоно-фотоисточников. Кроме того, здесь не выдержан единый принцип в классификации. Одни группы выделены по форме отражения действительности, другие — по способу фиксации информации, третьи — по объекту отражения.

Правомерным, в рамках рассматриваемого подхода, является подразделение исторических источников на четыре типа:

- вещественные;
- письменные;
- изобразительные (изобразительно-графические и изобразительно-художественные);
- фонические.

Типологическая классификация является лишь первым этапом в этом процессе. Более важное значение

имеет классификация источников каждой из выделенных категорий, т.е. видовая классификация. В ее основе лежит единство происхождения, общность содержания и назначения определенного круга источников того или иного типа. Видовая классификация основывается на прагматическом аспекте информации, в котором основным является единство целевого назначения информации для субъекта исследования¹³⁷. Единство цели в выявлении информации создает возможность применения и единых принципов и методов ее анализа.

Классификация источников на основе семантического подхода основывается на их содержательном аспекте. Так как одни и те же виды источников содержат информацию о различных сторонах изучаемых явлений, то исследователь и выделяет те или иные их аспекты. На этом основании он группирует типы и виды источников по степени их ценности для изучения интересующих его явлений исторической действительности. Такой подход чаще всего используется в конкретно-исторических исследованиях.

Среди всех типов исторических источников первостепенное значение имеют *памятники письменности*. Известный ученый М.Н.Тихомиров подчеркивал: " Там , где письменные источники отсутствуют, историк блуждает в потемках"¹³⁸. Появление письменности открыло широкие возможности для сокращения незафиксированной (устной) информации. Вместе с тем не следует умалять значения других типов источников. Нельзя представить себе исследование дописьменной первобытной эпохи без анализа вещественных источников.

Вещественные памятники, являясь остатками изучаемой действительности, содержат разнообразную информацию о ней. Эта информация передавалась от поколения к поколению в процессе непосредственного общения и деятельности и дошла до нас будучи зафик-

¹³⁷ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.- М.: Наука, 1987. С.123.

¹³⁸ Тихомиров М.Н. Очерки по источниковедению истории СССР феодального периода.- М.: Наука, 1963. С.5.

сированной в виде вещественных источников.

Для изучения явлений исторической действительности необходимо привлечение также изобразительных источников, подразделяющихся на графическо-изобразительные и художественно-изобразительные. Социальная информация, заключенная в них, выступает в закодированном, зашифрованном, скрытом виде. Для ее использования необходимо провести дешифровку, отделения художественных приемов и методов, присущих эпохе создания данного произведения, и объективной информации, зафиксированной автором. Сложность анализа этих источников ограничивает их использование в историческом источниковедении.

Современный историк должен привлекать к изучению и вводить в научный оборот все имеющиеся типы источников, расширяя возможности их информационной отдачи, а также использовать данные смежных наук (психологии, социологии и др.).

В последние годы историки стали активно осваивать т.н. *массовые исторические источники*. К ним относятся источники, которые характеризуют объекты действительности, образующие определенные общественные системы с соответствующими структурами и отражающие сущность и взаимодействие этих объектов¹³⁹. Примерами таких источников могут служить инвентари, переписи населения, анкетные данные и т.д.

По отношению к источникам исследователь имеет серьезные обязательства по их сбору, систематизации и хранению. Более того, такую обязанность должны нести общество и государство. Их забота об исторических источниках — это забота о сохранении своей социальной памяти. Лица, уничтожающие исторические источники, скрывающие или фальсифицирующие их, наносят непоправимый социально-политический ущерб. Нельзя экономить на содержании музеев, архивов, публикации документов и одновременно тре-

¹³⁹ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. - М.: Наука, 1979. С.6.

бовать от исторической науки выполнения ею социальных функций.

В 1993 г. Комиссия по научно-техническому прогрессу Кабинета Министров Республики Беларусь приняла решение о создании Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации. Его основой станет архив машиночитаемых документов. Это было обусловлено наметившейся в республике, как и во всем мире, тенденцией к широкому внедрению в организациях, учреждениях и на предприятиях электронно-вычислительной техники, созданием на ее основе автоматизированных рабочих мест, локальных сетей и систем обработки текстов, пользователями которых являются как административный, так и технический персонал. Появились документальные фонды, которые, наряду с деловыми бумагами, выполненными традиционным способом, например, машинописью, содержат материалы, изготовленные средствами вычислительной техники (машинограммы, машиночитаемые документы — МЧД, т.е. документы, пригодные для автоматического считывания содержащейся в них информации). В архиве должны храниться не только создаваемые в процессе работы машиночитаемые документы, а и документы, ранее созданные традиционным способом, а затем переведенные на машинные носители, т.е. средства хранения информации в закодированном виде.

Успехи исторической науки прямо связаны с расширением круга источников, вводимых в научный оборот, повышением их информационной отдачи, новым прочтением и доведением важнейших из них до массового сознания, а также совершенствованием методов обработки, хранения, анализа и передачи имеющейся в них информации.

2. Исторический факт

Исторический факт — фундаментальная категория исторического знания. Факты составляют основу всякой научной теории и определяют субстанциональ-

ную природу истории. От того или иного понимания данной категории в огромной мере зависит решение о познавательных возможностях историографии, достоверности созданной исследователями картины прошлого. Поэтому проблеме исторического факта уделяется большое место во всех трудах по методологии истории.

Для исторической науки проблема факта является относительно новой. Как определенная научная категория факт был осмыслен только в начале XX в. Историки прошлого века понятием факт обозначали твердо установленное знание, извлекаемое из исторических источников. С того времени в обыденном сознании утвердились формулы "факты — упрямая вещь", "факты говорят за себя" и пр. Эти "аксиомы" основывались на представлении, что источниковое знание достаточно достоверно и точно воспроизводит прошлую реальность. Руководствуясь такой установкой, французский историк-позитивист Фюстель де Куланж выдвигал перед исследователями требование не выходить за рамки текста источника и не увлекаться синтезом. Главную задачу историка он видел в том, чтобы "изучать исключительно и непосредственно тексты в самых мельчайших подробностях, верить лишь тому, что они показывают, и решительным образом удалять из истории прошлого современные идеи, занесенные ложной моралью"¹⁴⁰.

Подобные наставления послужили французскому писателю Анатолью Франсу поводом для создания в романе "Остров пингвинов" пародийного образа историка-эмпирика. Рассуждая о сложностях творения исторического полотна, этот герой заявлял: "Да разве мы, историки, пишем историю? Разве мы стремимся извлечь из текста, из документа хотя бы крупницу жизни или правды? Мы попросту, без мудрствований, издаем тексты. Мы во всем придерживаемся буквы. Только буква обладает достоверностью и определенностью. Духу эти каче-

¹⁴⁰ Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. Т.1. - Спб., 1907. С.XXXV.

ства недоступны: мыслить — значит фантазировать"¹⁴¹. Конечно, не такого рода эмпирики определяли лицо позитивистской историографии и тот же Фюстель де Куланж далеко не всегда следовал собственным правилам¹⁴².

Категория факт постепенно раскрывалась перед исследователями. На особенности социальной природы исторических фактов обратили внимание В.Дильтей и Н.И.Кареев. Русский историк писал, что факты прошлого органически включают в себя субъективный элемент, поскольку "прежде всего это — внутренний мир человеческих личностей, совокупность которых создает общественную жизнь и двигает историю..."¹⁴³. Поэтому если историк желает действительно понять свой предмет, а не ограничиться его внешним описанием, то он не может не допустить субъективного элемента в науку¹⁴⁴. Исходя из аналогичных посылок, В.Дильтей сформулировал свой метод "вживания" как основное средство постижения исторических фактов¹⁴⁵.

Развитие социально-экономического направления в позитивистской историографии привело к усложнению понятия "факт". Уже В.О.Ключевский констатировал, что "историк не ставится перед историческим фактом прямо, как только возьмет в руки памятник старины или взглянет на него". Необходимо предварительное изучение и истолкование источника¹⁴⁶.

Широкое развитие такое отношение к факту получило во "Введении в изучение истории" Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобоса. Результатом этого явилось признание, что факты познаются не прямым наблюдением, а кос-

¹⁴¹ Франс А. Собр.соч.: В 4 т. Т.3. - М: Художественная литература, 1984. С.8.

¹⁴² См.: Виноградов П. Г. Фюстель де Куланж: Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль, 1980. Кн. 1. С.83-103.

¹⁴³ Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. Спб.- М.- Варшава, 1895. С.129.

¹⁴⁴ Там же. С.117, 124.

¹⁴⁵ См.: Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии, 1988. № 4. С.135-152.

¹⁴⁶ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. т.7. - М.: Мысль, 1989. С.406.

венным путем и воспроизводятся при помощи воображения. Они представляют из себя определенный образ, понимание прошедшей реальности и поэтому субъективны по своей природе. Руководящим принципом отбора фактов должно быть признание их роли в эволюции человечества¹⁴⁷.

Приоритет в постановке проблемы факта в исторической науке как определенной эвристической конструкции принадлежит Р.Ю.Випперу и К.Беккеру. С их именами связана релятивистская трактовка исторического факта. Релятивисты призывали оставить наивную точку зрения историка, будто факты прошлого говорят сами за себя и ученый только должен "выслушивать и записывать их голоса"¹⁴⁸. В их методологии истории акцент был сделан на субъективном характере категории "факт" и зависимости факта от общей концептуальной системы, в которую он включен.

Р.Ю.Виппер считал, что в исторической науке нет прямого отражения действительности: "Группы, которые мы называем фактами, не составляют чего-либо нам данного, что пассивно нами усваивается или просто открывается". Научный факт, по его убеждению, существует лишь в качестве эвристической конструкции, он является результатом "нашей привычки воспринимать впечатления в известной группировке, в известном сцеплении, связи. Представления наши о фактах зависят от тех рамок, в которые мы вводим данные традиции и остатков прошлого"¹⁴⁹.

К.Беккер утверждал, что "исторический факт находится в чьем-либо сознании или не существует со-

¹⁴⁷ См.: Ланглюа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории /Пер. с франц. - Спб., 1899. С.48-49, 175-176, 215.

¹⁴⁸ Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных выступлений. 1900-1912. - М., 1912. С.60-61; Becker C.L. What are historical facts? // The western political Quarterly, 1955. Vol.8. № 3. P.320.

¹⁴⁹ Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных выступлений. 1900-1912. - М., 1912. С.31-32.

всем"¹⁵⁰. При этом американский исследователь ссылался на сложность понятия факта, неисчерпаемость казалось бы самых известных и "элементарных" фактов. Например, он приводит факт перехода Цезарем реки Рубикон в 49 г. до н.э., открывшего очередной этап гражданских войн в Римской республике. И далее объясняет, что этот факт включает в себя множество составляющих, о которых мы ничего не знаем (сколько людей было с Цезарем, что они думали и говорили и т.д.). Более того, Рубикон переходили многие и сам Цезарь делал это неоднократно, однако историческим стал лишь переход 49 г. до н.э.

Таким образом, "значение" факта есть результат теоретической работы ученого, а не свойство самой исторической реальности. Поэтому исторический факт был объявлен Беккером символом, который был противопоставлен реальному событию. "Исчезнувшие реальности, — писал ученый, — уступили место тусклым отражениям, неосвязаемым образам или идеям о себе", и последние "есть все, что осталось от действительного события"¹⁵¹. Свою жизнь факты получают через творческую работу историка и потому являются частью настоящего.

Следовательно, у исследователей начала XX в. факт предстал как известная теоретическая конструкция, причем эластичная по своему характеру. Р.Виппер доказывал, что одни и те же факты появляются и исчезают в различных исторических представлениях и картинах: "Факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого"¹⁵². Это не значит, что ученый их выдумывает. Он, по мнению Виппера, обращает внимание лишь на определенные элементы реальных остатков прошлого (источников) и здесь он связан, свобода же

¹⁵⁰ *Becker C.L. What are historicae facts? // The western politicae Quarterly, 1955. Vol.8. № 3. P.331.*

¹⁵¹ *Becker C.L. What are historicae facts? // The western politicae Quarterly, 1955. Vol.8. № 3. P.329, 332.*

¹⁵² *Vunner P.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных выступлений. 1900-1912. - М., 1912. С.32.*

его творчества проявляется в конструировании элементов источникового знания, заполнении пробелов на базе теории и в соответствии с выбранным углом зрения. Конечный вывод методолога, объявившего исторический факт одним из видов "мысленных разрезов" действительности, производимых по личному произволу исследователя¹⁵³, страдал явной односторонностью. Однако его подход, как и Беккера, к категории факта оказался весьма симптоматичным для методологических поисков историков первой половины XX в.

Для советской же историографии характерна объективистская трактовка категории факта. Ее исследователи стремились если не отождествить, то максимально сблизить понятия "научный факт" и "событие". Так, А.В.Гулыга писал, что отражение исторической действительности есть ее воспроизведение, и задача историка состоит в том, чтобы "дать максимально верный слепок с реальности..."¹⁵⁴. Академик Е.М.Жуков полагал, что неправильно противопоставлять реальное событие научному факту, так как всякая объективная реальность есть исторический факт, историк только "воспроизводит минувшую действительность на основе исторических фактов". Поэтому Жуков не воспринимал понятия "реконструкция" применительно к историческому творчеству¹⁵⁵. Б.Г.Могильницкий указывал, что историк имеет дело не с "фактом-символом", а с объективной реальностью, существующей независимо от исследователя. Он может придавать факту то или иное значение, но "исходным материалом всякого его рассуждения... являются содержащиеся в источниках сведения, которые и составляют данный факт". Исторические факты ("фрагменты" действительности) не только составляют фундамент, на котором реконструируются на-

¹⁵³ Виннер Р.Ю. Очерки теории исторического познания.- М.,1911. С.203-204, 210-211.

¹⁵⁴ Гулыга А.В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. - М.: Наука, 1969. С.12.

¹⁵⁵ Жуков Е.М. Очерки методологии истории. - М.: Наука, 1980. С.209-211.

учно-исторические факты, но и одновременно выступают критерием проверки истинности последних¹⁵⁶.

Для советских методологов характерной являлась также тенденция сблизить социальные и естественные факты, "ибо, — как писал И.Д.Ковальченко, — их развитие представляет собой естественно-исторический, внутренне-обусловленный и закономерный процесс, в котором имеет место повторяемость", что обуславливает сближение познавательных задач истории и естественных наук¹⁵⁷. В целом в советской историографии делался акцент на приоритете марксистских исследований в разработке объективных научных фактов и основанных на них научных концепций исторического прошлого.

В западной науке прочно утвердилось мнение, что научный факт является зависимой от исследователя субстанцией. "Это, — по словам итальянского историка Э.Сестана, — продукт нашего мозга, в котором факт (действительности) получает зрительную форму и непосредственное или косвенное понятие (которое хранит память)"¹⁵⁸. Вера в твердые, незыблемые факты науки представляется сегодня ошибкой, поскольку интерпретация входит в любой факт. Как подчеркивают австрийские исследователи Г.Л.Миколецкий, Г.Лютц и Ф.Энгельс-Яноши, "нет такой единой точки зрения..., которая давала бы возможность гармонически рассмотреть все историческое целое"¹⁵⁹. Ни одна историческая перспектива не исчерпывает до конца исторической реальности и каждая из них не исключает одна другую. Что же касается интегральной системы субъективных исторических перспектив, то она, отмечает А.Стерн, "будет

¹⁵⁶ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории.- М.: Высш. шк., 1989. С.99, 102.

¹⁵⁷ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.133.

¹⁵⁸ Сестан Э. История событий и история структур.- М.: Наука, 1970. - С.5.

¹⁵⁹ Миколецкий Г.Л., Лютц Г., Энгельс-Яноши Ф. Биография и историческая наука.- М.: Наука, 1970. С.6.

лишь одной из сверхиндивидуальных реальностей, но не абсолютной реальностью"¹⁶⁰.

Наличие множества интерпретаций не означает, что все они равноценны, хотя и правомерны. Проверка достоверности того или иного факта осуществляется их комплексным использованием, углубленной работой с источниками как реальными остатками прошлого¹⁶¹. Такой подход к историческому факту, характерный для современной западной историографии, предполагает, что конструирование прошлого не всегда верифицируется источниками.

В итоге истина трактуется как многовариантная, изменчивая. Она — всего лишь истина-версия, претендующая на правдоподобное воспроизведение прошлого и включающая в себя не только реконструкцию прошлого, но и его конструирование¹⁶².

Можно выделить три основные значения понятия "исторический факт" в науке:

1) *Факт как событие или явление исторической действительности;*

2) *Факт как сообщение источника, т.е. определенная информация о событии;*

3) *Научно-исторический факт как элемент логической структуры исторической науки.*

Таким образом, научный факт в отличие от факта исторического является отражением определенного явления действительности в нашем сознании. Он возникает на стыке субъекта и объекта познания и обяза-

¹⁶⁰ Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. - The Hague; Mouton and Co, 1962. P.87.

¹⁶¹ См.: Hughes H.S. History as Art and as Science. - N. Y., Evanston, L., 1964. P.16.

¹⁶² Могильницкий Б.Г. Между объективизмом и релятивизмом: дискуссии в современной американской историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С.14. Английский историк А.Буллок в этой связи пишет, что "всякая точка зрения на те или иные события подвержена постоянным изменениям по мере поступления новых данных или в результате дискуссий" (Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2 т. Т.1 / Пер. с англ. - Смоленск: Русич, 1994. С.71-74.)

тельно включается в систему научного знания. Вместе с тем каждая из трех названных категорий фактов обладает своими особенностями.

Факты исторической действительности социальные по своей природе. Это самые сложные и многообразные факты, неизбежно вызывающие к себе оценочное отношение. Являясь элементом прошлого, они непосредственно не наблюдаемы (известное исключение составляют события современности) и не могут воспроизводиться в эксперименте. Факты действительности, подчеркивает И.Д.Ковальченко, объективны и по отношению к творцам исторических источников, и по отношению к историку. Как явления прошлого они инвариантны и в своей пространственно-временной и сущностной завершенности¹⁶³.

Факты исторического источника отражают видение событий его авторами. Они субъективны по своей природе, однако однозначны в своем конкретном выражении и существуют объективно по отношению к исследователю. Потенциально любой источник содержит в себе значительно больше информации, чем можно извлечь из него. Поэтому из уже известных источников историки нередко извлекают новые факты.

Научно-исторические факты представляют собой дважды субъективизированную реконструкцию прошлого — на уровне источника и на уровне исследователя и являются продуктом исторического творчества. "Установить" определенный научный факт означает доказать его реальность на материалах исторических источников. Какое-то явление прошлого может стать научным фактом лишь будучи отраженным в источнике и попав в кругозор исследователя. Так, например, сегодня не вызывает сомнения существование во второй половине III — первой половине II тыс. до н.э. на территории Сирии важнейшего торгового и культурного центра древности города Эбла. Однако данный факт появился в науке

¹⁶³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.130.

лишь на рубеже 60-70-х гг. нашего столетия в результате успешных раскопок, произведенных итальянской археологической экспедицией под руководством Паоло Маттие. До этого научного факта "города-государства Эбла" не существовало, хотя упоминания о нем ученые встречали в шумеро-аккадских документах.

Наличие источниковой информации само по себе не гарантирует объективной реконструкции прошлого. Для этого необходимо правильное прочтение и истолкование источников. Здесь на помощь историку приходят такие дисциплины, как источниковедение, герменевтика, палеография и др.

Следует подчеркнуть важность обращения нашей науки к прежде игнорируемым методам исторической герменевтики, позволяющим достичь углубленного понимания текста источника, избежать модернизации прошлого¹⁶⁴.

Между информацией, содержащейся в источнике, и научным фактом лежит большая дистанция. Факты информации выступают по отношению к историку только как историческое сырье, на базе которого он должен реконструировать научный факт. На помощь ему приходят теория, весь комплекс накопленных им знаний и критические методы работы с источником. Историк не может полностью доверять свидетельствам современников и даже прямых участников событий. Сделанные ими оценки могут оказаться весьма спорными. Еще более ненадежным источником являются мемуары, если они не содержат документальных материалов.

Перед исследователями постоянно стоит задача расширения круга источников. В то же время упоминание в источнике о каких-то событиях или героях вовсе не означает, что они были в действительности. Например, историки считают мифологическими "допотопных" и первых 20 царей I династии Киша, о которых расска-

¹⁶⁴ См.: Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н.Бессонова. - М.: Прогресс, 1988.

зывает "Шумерский царский список", относящийся к эпохе III династии Ура.

Иными словами, источник не дает прямого и непосредственного отражения прошлого (исключением являются остатки материальной культуры). Поэтому в исторической науке речь идет о его реконструкции. Однако такая реконструкция минувшего во всех его деталях непосильна исследователю. Пробел источников может восполнить лишь воображение. Однако историк не ставит перед собой задачу оживить факт. Научный исторический факт, который он создает, представляет собой только модель события. При известной доле творческого воображения она может превратиться в образ прошлого. Подлинными мастерами исторических образов были немецкие историки Л. фон Ранке и Т. Момзен, русский и украинский историк Н. И. Костомаров и другие.

У научного исторического факта всегда имеется объективная основа — источниковая информация. Реконструкция факта представляет собой ретроспективный процесс возвращения к исторической реальности через источник. Поэтому факт неправомерно сводить к интерпретации, к мировоззренческим позициям исследователя. Интерпретация придает реконструкции значение, без которого невозможны ни отбор фактов, ни их понимание. Простая идентификация событий — не более, чем хроника. Поэтому научно интерпретированные факты по своей природе динамичны, находятся в постоянном развитии и принадлежат современности. В содержательном отношении, указывал И. Д. Ковальченко, научные факты незавершенны и способны к обогащению в процессе исторического познания¹⁶⁵.

Научные факты достаточно эластичны: изменяются, появляются и исчезают в зависимости от угла зрения, принятых масштабов исследования, исследовательского интереса, концептуальной подхода. Как нет

¹⁶⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С. 130.

факта вне источника, так нет факта и вне его творца - историка. В целом научные исторические факты представляют собой более или менее адекватную реконструкцию прошлого и выступают как надежное основание исторического знания.

Важной проблемой для ученого является отбор исторических фактов. Он тесно связан с ценностными установками исследователя и его научной концепцией. Однако в оперировании историческими фактами ученый обладает известной творческой свободой. От него зависит отбор фактов и построение их в известную систему, а также итоговая оценка событий и героев минувшего. Вместе с тем свобода не означает произвола. Историк обязан бережно относиться к фактам, без них его теоретические рассуждения бесплодны.

В реальном историческом процессе происходят как простые, так и сложные события. Всякий факт прошлого, отмечает французский исследователь А.Дюпрон, — это не отдельная неразделимая реальность, существующая в самой себе, а взаимосвязь¹⁶⁶. При анализе сложных фактов необходимо введение пространственно-временных, а также смысловых границ. Подобные границы всегда относительны и разрывают живую ткань истории. Поэтому между историками возникают споры о том, что считать началом определенных событий, например, гражданских войн в Римской республике, или кого рассматривать в качестве творца новой системы власти и управления, сформировавшихся в итоге названных войн, и т.д. Подобные вопросы никогда не могут получить однозначного ответа, поскольку речь идет о противоречивых динамических процессах, допускающих вариативные подходы.

Таким образом, всякий научный исторический факт представляет собой сложную познавательную конструкцию, в которой органически соединяются объективные (источниковая информация) и субъективные элементы. Возможность появления новой информации

¹⁶⁶ Дюпрон А. Язык и история. - М.: Наука, 1970. С.19.

о прошлом не позволяет прийти к абсолютному суждению о нем. В историческом исследовании невозможен эксперимент, поэтому верификация нашего "знания жизни" всегда носит ограниченный характер. Проверку достоверности познания в истории ученый может осуществить только путем углубленной работы с источниками и комплексным использованием научных исторических фактов. Этого достаточно, чтобы рассматривать научный исторический факт как более или менее адекватную реконструкцию явлений и надежное основание исторического исследования.

3. Эмпирический и теоретический уровни познания в историческом исследовании

В проведении исторического исследования условно можно выделить три взаимосвязанных операции: *1) сбор фактов, 2) построение модели, 3) интерпретация.* Логическим завершением их является написание работы, когда историк, "наконец, осуществляет свою социальную задачу, увековечивает для будущих исследований коллективный опыт прошлого человеческого общества"¹⁶⁷. В реальной практике последовательность всех этих операций весьма относительна: еще до научного синтеза у ученого складывается некое предварительное мнение, которое оказывает воздействие на всю процедуру исследования. Окончательная формулировка этого мнения представляет собой историческую теорию.

Поэтому рассмотрим вопрос о соотношении эмпирического и теоретического знания в историческом исследовании.

Исторический процесс представляет собой бесконечный поток лиц и событий, который не может быть сколько-нибудь полно отражен в научном труде. Следовательно, научное исследование является по сути сведением в одно разнородных черт и характеристик из массы элементов, разбросанных во времени и пространстве.

¹⁶⁷ Renier Y.S. History. Its purpose and method.- L., 1950. P.169.

В познавательных целях ученый вынужден упрощать, схематизировать содержание действительности, т.е. заниматься не только ее "отображением", но и "построением".

По своему содержанию историческое знание нельзя отнести к чисто эмпирическому либо теоретическому. Оно направлено как на конкретные факты прошлого, так и на выяснение причинно-следственных связей, научное объяснение и создание концепции исторической эволюции человечества.

Эмпирический уровень более связан с источниковым знанием и в этом отношении более верифицируем и объективен. Теоретический уровень представляет собой разрез материала под определенным углом зрения, заданным мировоззрением исследователя, его принадлежностью к определенному научному направлению, школе и т.д. Связь теории с источниковым знанием носит более опосредованный характер, поэтому всякое историческое объяснение или концепция всегда имеет определенную авторскую заданность.

Эмпирический и теоретический уровни обладают определенной автономией, однако их невозможно оторвать один от другого. Сама постановка научной проблемы, отбор источников, их анализ, реконструкция исторических фактов непосредственно связаны с теоретической работой.

Всякое историческое исследование начинается с постановки научной проблемы. Она выступает в качестве вопроса или комплекса вопросов, имеющих практическое или научно-познавательное значение. Выделяется неизвестное в объекте и определяются конкретные исследовательские задачи, раскрывающие круг подлежащих изучению явлений и определяющие конкретные аспекты и цели их изучения. Проблема и задачи должны быть актуальными для развития исторической науки, иметь общественный интерес.

Для отечественной историографии в настоящее время особенно актуальной является разработка концепции, которая бы органически сочетала черты фор-

мационного и цивилизационного подходов¹⁶⁸. Нуждаются в детальном изучении проблемы истории культуры, отдельных общественных классов и сословий и многое другое.

Для определения степени изученности той или иной проблемы необходим добросовестный, объективный историографический анализ, учитывающий основные достижения в данной области, их источниковую базу, опробированные методы и методологические подходы. Они позволяют ученому опереться на достигнутые результаты в изучении данной проблемы, более четко сформулировать исследовательские задачи. А для получения существенно новых результатов, замечает И.Д.Ковальченко, исследовательская задача должна ориентироваться на привлечение новых источников или извлечение из известных источников новой информации и использование иных подходов и методов изучения рассматриваемого объекта¹⁶⁹.

Каждая исследовательская задача требует применения своего комплекса методов исследования, учитывающего содержательную природу объекта изучения и наличную источниковую базу.

Эмпирическое познание в истории неправомерно трактовать как чисто описательное, хотя описание в исторической работе дело немаловажное, ибо эмпирическое познание неосуществимо без элементов объяснения. Интерпретация необходима на всех этапах исследовательской деятельности, начиная с определения научной проблемы и кончая созданием модели и оценкой. "Невозможно собрать факты в одно место, — пишет в этой связи Г.С.Коммеджер, — без некоторой теории родства среди них... Невозможно организовать их в модель без некоторой теории, диктующей эту модель. И

¹⁶⁸ См.: Кошелев В.С. Кризисные явления в современной исторической науке // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. - Ч.2. Сусветная гісторыя. - Мн.: Універсітэцкае, 1995. С.7-13.

¹⁶⁹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.211-212.

невозможно интерпретировать их только на базе материала, который вы собрали, и модели, которую построили"¹⁷⁰. Теоретическое объяснение отличается от эмпирического тем, что оно производится на более высоком уровне, однако в том и другом случае речь идет о категориальном синтезе материала. На эмпирическом уровне проводится синтез информации источников, на теоретическом — исторических фактов, которые представляются как определенная целостность, в их взаимосвязи и с оценочной характеристикой.

Исторический синтез невозможен без использования не только логических методов познания, но и интуиции и воображения. Последние играют значительную роль в заполнении источниковых пробелов при реконструкции конкретных исторических фактов и еще большую роль в процессе установления взаимосвязей между отдельными фактами и построении последовательного рассказа о событиях прошлого. В этом смысле Р.Дж.Коллингвуд подчеркивал, что историческое воображение осуществляет в исследовании "конструктивную работу": "Тем самым картина предмета исследования, создаваемая историком..., представляет собой некую сеть, сконструированную в воображении, сеть, натянутую между определенными зафиксированными точками, представленными в его распоряжении свидетельствами источников, и если этих точек достаточно много, а нити, связывающие их, протянуты с должной осторожностью..., то вся эта картина будет постоянно подтверждаться имеющимися данными, а риск потери контакта с реальностью, которую она отражает, будет очень мал"¹⁷¹.

Прошлое инвариантно, оно не может быть изменено, но его освещение в трудах различных авторов может значительно различаться. Противоборствующие научные концепции диктуют неодинаковый отбор фактов

¹⁷⁰ *Commager H.S.* The nature and study of history. - Columbus; Ohio, 1966. P.5.

¹⁷¹ *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. - М.: Наука, 1980. С.231.

в работах ученых, способствуют созданию отличающихся моделей исторического процесса. Конечно, не все реконструкции прошлого имеют равное познавательное значение, но в своей совокупности они ведут к все более глубокому освещению и осмыслению событий минувшего.

Первостепенное влияние на развитие исторической науки оказывают фундаментальные исторические конструкции, такие, как теория формаций или локальных цивилизаций. Они надолго определяют характер поисков исследователей, их научный кругозор. Как писал Р.Ю.Виппер, в сущности эти теории являются "большими идеальными построениями материала. Поколения, которые над ними работают, до тех пор не находят себе успокоения, пока не проверят такого построения, т.е. пока не разместят всего запаса известных данных по наметившемуся идеальному чертежу"¹⁷². Смена теорий происходит под давлением нового материала.

Однако появление новых теорий оказывается результатом не только внутреннего развития самой науки, но и общества в целом. Новый угол зрения на прошлое задает в конечном счете современность. При этом отказ от старых фундаментальных теорий не означает их полное отвержение, речь идет скорее о своеобразном синтезе качественно новых идей и устоявшихся воззрений.

Теоретическое осмысление итогов проведенного исследования есть наиболее индивидуальная часть работы историка, и поэтому она предъявляет самые высокие требования к ученому. Все великие историки были интерпретаторами, т.е. стремились понять глубинный смысл минувшего и выработать некоторую философию истории. Таковы были Полибий и Тит Ливий, Э.Гиббон и Ю.Мезер, Л.Ранке и Ф.Гизо, Эд.Мейер и А.Тойнби, В.О.Ключевский и М.И.Ростовцев и т.д.

¹⁷² Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных выступлений. 1900-1912. - М., 1912. С.260-261.

Нередко широкие обобщения возникали у некоторых ученых из наблюдений одного ряда фактов. Так, греко-римский образец стал своеобразной моделью общего исторического развития для Мейера и Тойнби, новая история Англии послужила основой для формирования марксовой концепции капитализма. Подобные обобщения обладают определенными ограничениями, однако они могут оказаться вполне пригодными и для иных случаев, если будут дополнены и уточнены новым материалом. Нередко историков, склонных к философскому мышлению, упрекают в субъективизме, однако именно они определяли и определяют развитие науки.

Если система научных фактов, полученная на эмпирическом уровне, представляет собой научное описание прошлого в рамках поставленной исследовательской задачи, то теоретическое осмысление этой системы выступает как научное объяснение. По определению И.Д.Ковальченко, "объяснение дает синтезированное представление о познаваемой реальности, в нем раскрывается понимание познающим субъектом этой реальности, которое состоит в уяснении внутренней природы изучаемой реальности, причин и тенденций развития и т.д."¹⁷³. В науке различаются такие виды объяснений, как объяснение через закон, причинное (каузальное), генетическое, структурное и функциональное объяснения. Это разделение имеет условный характер, поскольку в практике исследования приходится прибегать, как правило, к использованию различных видов объяснения.

Для марксистской историографии ведущим видом объяснения было объяснение через закон. Поиск законов общественно-исторического развития ставился в качестве главной задачи всех социальных наук, включая историю. Данное объяснение может быть сохранено для изучения массовых явлений и процессов в границах конкретных исторических образований.

¹⁷³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.231.

Определение и выяснение особенностей функционирования конкретных причинно-следственных рядов составляет важнейшую задачу исторической науки. Поэтому фундаментальное значение имеют причинно-следственные объяснения. Они направлены на поиск причин и результатов исторических событий, предполагают раскрытие активной роли личности в историческом процессе и др.

Генетическое объяснение применяется для осмысления происхождения и сути исторических явлений в определенных пространственно-временных рамках. Оно тесно переплетается с каузальным. Например, понимание сущности государственного устройства в Риме эпохи принципата невозможно без учета особенностей предшествующего республиканского строя, традиций и психологии римлян, наложивших свой отпечаток на учреждения и всю структуру власти при первых императорах.

Структурные объяснения используются для выявления основных системообразующих признаков, свойственных элементам изучаемых общественно-исторических систем, и установления характера их взаимосвязи.

Функциональные объяснения выступают как разновидность структурных и направлены на выяснение взаимосвязей исторической системы с той средой, в которой она находится, с тем, чтобы определить тенденции и особенности функционирования системы. Так, для понимания развития российской историографии в конце XIX — начале XX вв. необходимо разобраться в основных направлениях и школах, сложившихся в этот период, структуре исторического образования, воздействия на историографию политической обстановки в стране. С другой стороны, необходимо учесть влияние на российских исследователей исторической науки ведущих европейских стран и общей интеллектуальной атмосферы, присущей данной эпохе.

В творческой лаборатории историка все названные виды объяснений применяются комплексно, вза-

имно дополняя один другого. Все они имеют своей целью глубокое постижение исторической реальности.

Весьма сложным является процесс движения от эмпирического знания к теоретическому. Нередко даже ставятся вопросы о том, что первично: общая идея, составляющая ядро теоретического знания, или эмпирические факты? Является ли идея (теория) итогом познавательной деятельности ученого или она имеет место изначально, в качестве предварительного мнения, возвращающегося в конце исследования как ответ на поставленный вопрос?

Историки XIX в. исходили из приоритета фактологического знания над теоретическим. В.П.Бузескул в начале нашего века заявлял, что в "истории, как и во всякой другой науке, анализ должен предшествовать синтезу"¹⁷⁴.

На самом деле в историческом опыте крайне сложно разделить абстрактный и конкретный методы, поскольку наблюдение, поиск нового материала, реконструкция исторических фактов и их построение в определенные схемы в реальном исследовании сливаются в одно целое. Как справедливо указывал критик позитивистской парадигмы истории Р.Ю.Виппер, в исторической науке "нет чистой индукции, нет описаний, которые бы предшествовали выводам", "общий принцип никогда не стоит вне опыта"¹⁷⁵. Научные факты в этом смысле — порождение теории, которая, в свою очередь, возникла на базе обобщения конкретного материала.

Внеисточниковое знание имеет место на всех этапах исторического исследования. Однако общая идея, которая руководит ученым, представляет собой не итоговое заключение, стоящее в конце длинного ряда аналитических суждений, а предварительную гипотезу. Гипотезы сами по себе не доказательны, они являются не результатом всестороннего исследования, а вытекают

¹⁷⁴ Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. Т. I: Введение в историю Греции. - Пг., 1915. С.301.

¹⁷⁵ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. - М., 1911. С.40-41, 46.

из общих положений, отдельных наблюдений, интуитивных соображений. Обоснование научных гипотез осуществляется наличным материалом. Беспристрастная проверка гипотез фактами доказывает интеллектуальную честность историка.

Обосновать гипотезу не означает перечислить все факты прошлого. Надо дойти до сути исторических событий.

Устранять гипотезы из научного исследования невозможно и вредно. Это означало бы отказаться от самого изучения. Как уже отмечалось, в истории невозможно применение экспериментальных методов исследования и ученый постоянно сталкивается с пробелами в источниках. Поэтому речь может идти лишь об ужесточении методологических требований к верификации результатов работы. М.И.Ростовцев по этому поводу свидетельствовал, что при изучении государственного откупа в Римской империи "приходилось не раз прибегать к гипотезам, чтобы получить хотя бы контуры развития. Создавая гипотезы, мы, однако, старались никогда не сходить с почвы фактов и не терять основание под ногами"¹⁷⁶. Во взаимной проверке общих идей и фактов, теории и источникового знания, очевидно, и заключается истинный путь исторического творчества. Теории проверяются фактами, а факты проверяются теориями. Настоящий ученый, подчеркивал английский методолог Г.Ренир, вообще откажется от излюбленной теории, если она окажется несовместимой с надежно установленными фактами¹⁷⁷.

Итогом теоретической деятельности историка является *создание конкретно-научных теорий*, отражающих познание отдельных событий, процессов и сторон общественно-исторической эволюции. Что же касается создания общей теории исторической эволюции человечества, то это — задача социологии.

¹⁷⁶ Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). - Спб., 1899. С.ХІІІ.

¹⁷⁷ Renier Y.S. History. Its purpose and method.- L., 1950. P.169-170.

4. Организация и представление исторического знания

В методологии истории одной из актуальных задач является преодоление противоречия между средствами познания и исторической действительностью. Частичное решение проблемы возможно на основе многомерности форм организации и представления исторического знания.

Многомерность можно рассматривать как единство двух основных видов информации: внутренней (концептуальные, теоретические, формально-логические модели) и внешней (текстуальные и знаково-символьные формы). Обработка этих видов информации с помощью информационных технологий дает принципиально новую, приближенную к самой действительности, среду познания истории.

Рассматриваемая проблема отражает, во-первых, многомерность самой истории, во-вторых, многообразие методов исторического исследования. Восприятие исторической реальности как "многомерной истории" свойственно прежде всего французской исторической школе "Анналов". Разнообразные теоретические модели, реконструирующие историческое знание, представлены также парадигмами Т.Куна, концептуальными моделями Р.Шенка, моделями-репрезентациями М.Вартофского¹⁷⁸.

В настоящее время перед историками-исследователями встала задача разработки оперативных моделей-конструкций, предполагающих познавательные действия на микроуровне. Значительным шагом в этом направлении явилось создание американским методологом М.Минским *фреймовой информационной технологии*, в которой материал организован по принципу ветвящейся древовидной системы, имеющей вершину и

¹⁷⁸ См.: Шенк Р.К. Обработка концептуальной информации.- М.: Энергия, 1980; Вартофски М. Модели. Репрезентация и научное понимание.- М.: Прогресс, 1988.

нисходящие ветви¹⁷⁹.

Принципиально новым средством организации информации стала *гипертекстовая система*. Ее оригинальность состоит в том, что в ней впервые осуществлен переход от линейной формы передачи информации к многомерной. Возможно, ее истоки относятся к древности, когда некоторые ранние формы письменности как раз и были многомерными, а не линейными.

Качество многомерности может быть выражено и другими формами информации: текстовой, знаково-символьной, звуковой, цветовой и т.д. Сочетание двух ее видов (внутренней логической и внешней формальной) создает совершенно новое восприятие — визуальное мышление¹⁸⁰. Это, в свою очередь, открывает возможности для появления нового вида интеллектуальной продукции — "визуальной истории". Степень визуализации информации возрастает в связи с возможностями, которые дает компьютерная графика.

Следовательно, качественный признак многомерности, находящий свое выражение в многообразии форм представления и средств обработки знания, позволяет создать среду, близкую самой исторической реальности. Это приближает решение известного еще с античности противоречия между средствами познания и объективной действительностью.

Качественные изменения в теории и методологии исторической науки существенно изменили понятия методологической грамотности. Сегодня ее можно трактовать как умение разбираться в интеллектуальных конструкциях баз знаний. Практическая задача создания таких конструкций решается специалистами в области *искусственного интеллекта*, разрабатывающими различные формы представления знаний. Выработка логических форм знания дает основу для создания фундамен-

¹⁷⁹ Минский М. Фреймы для представления знаний. - М.: Энергия, 1979.

¹⁸⁰ Жуковский В.И., Пивоваров Д.И., Рахматуллин Р.Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск: КрГУ, 1988.

тальных и частных теоретических моделей — образцов решения теоретических задач. В настоящее время необходимы конкретные оперативные методики, позволяющие применить методологические знания в сфере прикладных исследований.

В методологической литературе отмечается, что перевод общеметодологических рекомендаций в совокупность легко запоминаемых правил является нерешенной задачей. Потребность ее решения обусловлена прежде всего запросами гуманитарных наук, в том числе истории. Одним из средств такого перевода может быть модельное представление исторического знания. Оно предполагает: 1) выделение категорий содержания информационного материала; 2) выработку концептуальных моделей; 3) создание логико-методологического инструментария; 4) построение динамических моделей, раскрывающих последовательность познавательных действий.

В итоге модельное представление исторического знания будет характеризоваться такими качествами, как категориальность теоретического мышления, концептуальность содержания, оперативность познавательного действия. Это дает возможность вооружить историка конкретной методикой исследования и обеспечить формирование методологической культуры исторического анализа.

В современной исторической и философской науке разрабатываются различные виды логических структур представления знаний. В последнее время их все чаще называют идеальными когнитивными моделями. Эти модели выражают как отдельные понятия (формация, цивилизация, культура и т.д.), так и динамические процессы (историческая деятельность, социальное действие).

Особый интерес вызывает разработка операционной структуры понятия "социальное действие"¹⁸¹. Оно отражает динамику развития общества. Система элемен-

¹⁸¹ Харин Ю.А. Марксистская социальная диалектика.- Мн.: Университетское, 1985. С.94-95.

тов этой структуры выглядит следующим образом: историческое время, социальное пространство и ситуация действия, субъект и объект, цели и задачи, способы и формы, его результат.

Эта структура может служить средством обработки и представления информационного материала для описания длительных исторических процессов. Конструирование моделей на основе этой структуры предполагает решение двух задач: категориальной, или абстрактной, и конкретно-содержательной. Создание подобных моделей является отражением общего и особенного в конкретном историческом исследовании.

Аналогичные структуры представления знаний и получили название *фреймов*. Они широко применяются в информатике для создания компьютерных банков данных.

Однако когнитологи пришли к выводу о недостаточной эффективности названных структур из-за их ограниченной смысловой емкости. На наш взгляд, этот недостаток может быть устранен обращением к категориям диалектической логики. В таком случае когнитивная структура понятия "историческое действие" примет следующий вид: 1) философская категориальная структура "единичное-особенное-общее", 2) научно-категориальная структура "историческое действие", 3) конкретно-исторический материал.

Конкретным примером фреймового представления знания может служить следующий исторический факт: в Древнем Риме с середины VI в. до н.э. по 287 г. до н.э. происходила борьба плебеев с патрициями за равноправие. Запись в фреймовой модели примет следующий вид:

Имя фрейма	—	борьба плебеев с патрициями;
Имя 1-го слота	—	место;
Значение	—	Древний Рим;
Имя 2-го слота	—	дата;
Значение	—	середина VI века до н.э. — 287 г. до н.э.;

Имя 3-го слота — цель;
 Значение — достижение социального равноправия.

Очевидно, что фрейм состоит из двух частей: оболочки-протофрейма и собственно данных. В приведенном выше примере это соответственно "имя" и "значение".

Фрейм может иметь и более сложную структуру, когда выражен категориальным содержанием методологического уровня (общенаучного, философского или частнонаучного), а структурные связи носят самый различный характер (родо-видовой, причинно-следственный, или типа "цель-средство-результат", или "отдельное-единичное-общее" и т.д.).

Тот же пример в виде сложного фрейма может быть представлен следующим образом:

Таблица

Фрейм

1. Борьба плебеев с патрициями в Древнем Риме
 (сер. VI в. до н.э. — 287 г. до н.э.)

Фреймы и слоты	Имя фрейма/слота	Значение фрейма/слота
Фрейм	Социальное действие	Борьба плебеев с патрициями в Древнем Риме
Слот 1	Историческое время действия	Сер. VI в. до н.э. — 287 г. до н.э.
Слот 2	Социальное пространство действия	Отношения между патрициями и плебеями по вопросам политического равноправия, владения землей, долгового рабства
Слот 3	Социальная ситуация действия	Раннерабовладельческие отношения как совокупность объективных и субъективных факторов исторического развития

Фреймы и слоты	Имя фрейма/слота	Значение фрейма/слота
Слот 4	Субъекты социального действия	Патриции, плебеи, клиенты, рабы
Слот 5	Объекты социального действия	Народное собрание, магистратуры, коллегии
Слот 6	Цели и задачи действия	Достижение политического равноправия, решение аграрного вопроса, отмена долгового рабства
Слот 7	Способы политической активности	Сецессии, плебсциты, право "вето"
Слот 8	Формы организации действия	Образование специальных институтов власти (плебейских трибунов, трибутных комиций, коллегий)
Слот 9	Результат действия	Ликвидация остатков родового права, отмена долгового права для римлян, уравнивание в правах плебеев с патрициями, изменение сословно-классовой структуры общества

Разумеется, фактический материал данной фреймовой модели может и должен быть гораздо богаче. Достоинство такого представления знаний состоит в возможности объединения абстрактного и конкретного знания. Однако для более глубокой обработки исторических источников, их увязки с конкретной действительностью, сопоставления сходных ситуаций в различных по форме и содержанию источниках необходимы и более высокие технологии, к числу которых относится гипертекст.

Основная идея *гипертекстовой организации* состоит в объединении различного рода информации в узлы и установлении связи внутри этих узлов и между ними.

Информационный материал для гипертекстовой обработки может быть представлен в различных формах: авторские исследовательские тексты, модельное представление знания; литературные тексты (художественные, публицистические, правовые и т.п.), иллюстрации и символные изображения. Чем разнообразнее по характеру источники, тем эффективнее применение гипертекстовой организации информации. Связи внутри блоков основаны на формально-логических и причинно-следственных отношениях, а связи между блоками носят ассоциативный характер. Кроме ассоциации, могут быть использованы рассуждения по аналогии, модели метафорических рассуждений и другие логические или семантические конструкции.

Возможность широкого использования связей делает всю систему динамичной и открытой. В ней можно представить какое угодно количество единиц информации, объединенных заданным числом интегрирующих признаков.

Например, выделяя ассоциативные связи в источниках, определим степень обожествления двух исторических личностей: древнеперсидского царя Дария I и римского императора Октавиана Августа. Первому принадлежит надпись, которая свидетельствует: "Я обладаю неукротимой силой в руках и ногах, как всадник я — отличный всадник, как стрелок из лука я — отличный стрелок из лука... О, подданный, знай твердо, каков я есть и каковы мои способности и каково мое превосходство"¹⁸². О втором сообщается, что он передал высшую власть сенату и римскому народу, за что был награжден золотым щитом со словами: "За доблесть, ми-

¹⁸² Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч.2.- М.: Высш. шк. 1980. С.37.

лосердие, справедливость и благочестие", после чего "превзошел всех своим авторитетом"¹⁸³.

Ключом для решения задачи могут служить названные в Библии личные качества Бога. Он вездесущ (кн. Иов., гл. 28, стих 24), всеведущ (I Царств. 2:3), всемогущ (Быт. 17:1), праведен (Псал. 144:17), справедлив (Псал. 7:12), ненавидящий зло (Псал. 5:5,6), многомилостив (Исх. 34:6).

Эти источники объединяет общая модель ассоциативных связей, выраженных парадигмой "превосходство в достоинствах", которая индивидуализируется при обращении к конкретной личности. В каждом источнике идет речь о способностях личностей и всех их отличает от обычных смертных превосходная степень личностных качеств. В этом и состоит сущность механизма обожествления личности. При дальнейшей работе над текстом ассоциативный принцип организации материала, реализуемый через поиск по заложенным в базе данных образцам, позволит оценить информационную емкость любого интересующего нас источника.

Главной задачей гипертекстовой технологии является поддержка ассоциативных связей, которая гораздо эффективнее в электронном исполнении. Поиск информации по интересующему материалу сокращен до минимума. Есть возможность в пополнении базы данных за счет различного рода справочников: тезаурусных, предметных, терминологических и т.п. Благодаря мощной поддержке связей, наличию постоянно пополняющейся базы данных, разносторонности представляемого материала, логическим средствам выражения знаний гипертекстовая технология позволяет обеспечить довольно объективную характеристику исследуемого предмета. Его понимание идет от формулы "смысл — текст" к формуле "текст — действительность".

¹⁸³ Хрестоматия по истории Древнего Рима. - М.: Высш. шк. 1987. С.173.

Большими достоинствами обладает гипертекстовая технология при представлении учебной информации.

1. Учебный материал может быть организован как открытая к дополнению система знаний, которую можно достраивать или модифицировать. Имеется возможность включения в обучение различных и заранее не предусмотренных смысловых аспектов источников.

2. Знания структурируются в форме когнитивных моделей. Они разнообразны по характеру и объему. Это формально-логические схемы, фундаментальные теоретические модели, модели мира и т.д.

3. Познавательный процесс опирается не на жесткий алгоритм заранее сформулированных вопросов, а на мобильную систему свободно интерпретируемых понятий.

4. Усвоение знаний происходит на основе свободного выбора логических средств и содержательного материала.

5. Имеется возможность применения принципов движения от частного к общему и от общего к частному, а также "выводного" и "внесенного" знания.

6. Представление знания происходит в различных формах: вербальной, символической, звуковой, цветовой и т.п.

Сфера применения гипертекстовой технологии весьма обширна. Вот некоторые из примеров: 1) создание компьютерных учебников нового поколения (гипермедиа); 2) разработка автоматизированных учебных курсов (АУК); 3) составление методических указаний по анализу исторических источников и т.д.

Гипертекстовая система представления информационного материала в учебных изданиях может быть организована следующим образом: 1) теоретико-познавательный текст — изложение основных понятий, событий и фактов; 2) инструментально-практические — фрагменты источников, художественной и публицистической литературы, а также методические рекомендации; 3) информационно-справочный — список литера-

туры, словари, различного рода пояснительная информация. Все формы представления учебного материала непременно объединяются единой системой понятий.

Помимо вербализованных логико-семантических средств познания существуют и невербализованные — визуальное мышление, осуществляемое на основе структурированных наглядных схем. Их функциональное назначение состоит в том, чтобы наглядно выразить абстрактно-логические понятия. Любая схема или модель представляет собой сжатие информации. В такой же форме (графически пространственной) можно изобразить и всякую теорию.

Наглядностью является также знаково-символьная форма. Здесь познавательные задачи решаются посредством семиотики (языка символов, знаков и образов). Они значительно возросли с появлением компьютерной графики, что дало возможность создать "визуальную историю". Объединение логической вербальной информации в форме теоретических схем и моделей и знаково-символьной информации в виде символов, рисунков и иллюстраций создало новые возможности познавательной деятельности. Этапы формирования знаний в данной ситуации можно выразить следующей формулой: исследование текстовых источников, создание вербальных абстрактно-логических схем-моделей, работа со знаковыми моделями и вновь обращение к источникам.

В последнее время объединение вербальной и символьной информации привело к появлению "семантической карты", играющей немаловажную роль в формировании навыков структурирования абстрактного и конкретного знания. Ее вербальная часть — это понятийно-содержательные модели, состоящие из категориального знания и конкретного исторического материала. Подобные структуры играют роль самостоятельных средств познания. Они выражают различные степени обобщения и формы отношений. Например, наибольшим объемом и "мягкой" структурой обладает понятие "человек — мир". Оно содержит в себе целую систему

отношений человека к природе, обществу и самому себе.

Совершенно иной — жесткий характер логической связи присущ модели "род — вид". Символьное представление знания в "семантической карте" является качественно новым видом информации. Было бы ошибкой видеть в нем лишь функцию узнавания. Посредством компьютерной графики можно решать задачи не только репродукции, но и производства нового знания. Существует вполне обоснованное мнение, что символьная графика может составить основу новой технологии исследования и обучения. Однако, на наш взгляд, предпочтительнее идея, что такую основу скорее создаст объединение вербальной и символьной информации.

Компьютерный вариант "семантической карты" может привести к компромиссу между сторонниками введения в компьютер всей учебной информации и теми, кто стоит за фрагментарное представление информационного материала. Оба подхода имеют как позитивные, так и негативные стороны: введение всего текста слишком громоздко и дорогостояще, а фрагментарное — не создает целостного видения предмета.

Вместе с тем компьютерная "семантическая карта" позволяет создать системное представление о предмете в его абстрактных и конкретных понятиях. Она является средством, синтезирующим различные формы представления знания. Компьютерный вариант повышает эффективность "семантической карты" за счет постоянного пополнения баз данных, а также возможности быстрого поиска и создания новых структур знания.

Кроме вербально-логической и образно-символьной формы представления информации исследователей привлекают также возможности использования для этой цели эмотивных средств самого источника. В последнее время, благодаря достижениям лингвистики в изучении эмотивных языковых средств, объектом "технологической обработки" стали эмоции человека, связанные с его цветовыми и звуковыми ассоциациями.

На этой основе возникло такое научное направление, как *колориметрия* — "исчисление" цвета.

Нет сомнения в том, что через семантику цвета проходит один из путей интеллектуальной рефлексии человеком окружающего мира. Следовательно, есть все основания рассматривать колориметрию как средство гуманизации информационных технологий. Особое внимание привлекает мысль о том, что цвет вызывает у человека интеллектуальную рефлексию. В самом деле, семантика цвета может выразить самые абстрактные философские понятия. Каждая историческая эпоха вносит свое понимание в видении "языка цветов". Так, современные представители учения об информатике и колористике обнаруживают сходство принципов построения внутренних связей в одной из новейших информационных технологий — гипертексте и в изобразительном искусстве аналитического кубизма.

Прежде всего отмечается открытость названных систем и возможность их дополнения. К тому же их объединяют не жесткие, а вероятностные связи между элементами системы. И, главное, внутренний характер связей: в кубизме все объединяет свет, а в гипертексте ассоциативность. Это соответствует новейшим понятиям "мягкой методологии". Вместе с тем теоретики цветоведения подчеркивают, что в искусстве настоящего времени непосредственное ощущение цвета ослабевает и запутывается, что является следствием отчуждения человека от природы.

Все это имеет определенное значение для исследования звуко-цветовых ассоциаций исторических текстов. Обратимся к примеру исследования семантики цвета поэтического произведения Драконтия "Хвала господе", написанного в конце 90-х годов V в. н.э. В качестве объекта колористического исчисления выберем его фрагмент — поэтическую картину "Сотворение мира". За исходный момент ее статистического анализа примем методику А.П.Журавлева, основывающуюся на повторяемости гласных букв в тексте, каждая из которых имеет свое цветовое значение.

Последовательность операций сводится к следующему: 1) подсчет количества гласных букв в тексте; 2) определение числа каждой буквы в тексте; 3) вычисление частоты всех букв; 4) представление полученной информации в графической форме. Компьютерная обработка статистических данных позволяет выделить доминирующие звуко-цветовые соответствия. Полученная звуко-цветовая картина произведения совпадает с колористической парадигмой средневекового человека и подтверждает явление противоречивости его мышления.

Колориметрический анализ текстовых исторических материалов способствует:

- открытию закономерностей цветообозначения "визуальной истории";

- уяснению того обстоятельства, что взаимодействие звука и цвета создает новые смысловые представления;

- осмыслению значимости звуко-цветовой формы представления информации как оригинального средства эмоционального воздействия.

В связи с этим при создании учебной литературы возникают важные практические вопросы: 1) соответствует ли цветовая семантика иллюстративного материала учебников семантике текста источников, которые предлагаются для изучения; 2) насколько колористика иллюстраций, а также компьютерного сопровождения отвечает эстетическим представлениям изучаемой исторической эпохи; 3) насколько цветовая гамма учебной информации соответствует психологическим требованиям.

Другим средством "очеловечивания" технологий является *"метод наглядных выражений"*. Эта форма представления материала с помощью метафор, сравнений, притч, крылатых слов и т.п. В сфере искусственного интеллекта все больше внимания уделяется т.н. "логике здравого смысла", в связи с чем разрабатываются *модели рассуждений по аналогии* и других концепций организации и представления информации¹⁸⁴.

¹⁸⁴ Будущее искусственного интеллекта. - М.: Наука, 1991. С.129.

Прежнее противопоставление "человек или технология" постепенно заменяется формулой "человек и технология". Посредством информационных технологий идет процесс упорядочения и систематизации информационных потоков, решаются задачи по созданию информационного общества. Однако позитивный характер этой тенденции не означает отсутствия отрицательных сторон в использовании информационных технологий. Преувеличение их роли может увести историка-исследователя на ложный путь абсолютизации формальных признаков знания, превратить его в архивариуса и классификатора фактов. Ни одна из технологий не должна выступать в качестве универсального средства методологических исследований.

Вне всякого сомнения, обращение к визуальным, текстовым и графическим формам выражения информации приближает нас к реальным объектам действительности. И тем не менее даже с помощью "мыслящих" машин отражение не может стать адекватным миру реальностей.

5. Категории исторической науки

В ходе исторического исследования у историка возникает необходимость сгруппировать и классифицировать собранный материал, что осуществляется с помощью системы научных категорий. *Категории* представляют собой общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания.

Однако субъективизм конкретного исследователя порождает относительный характер группировки материала и условность использования научных категорий. Они порою оказываются не чем иным, как субъективными формами мышления ученого-историка, пользующегося языковыми структурами. Поэтому недопустимо какое бы то ни было вольное обращение с материалом, с одной стороны, и манипулирование понятиями, с другой. Знание механизма создания понятийно-

категориального аппарата исторической науки позволят избежать подобной ситуации.

Научные категории складывались в процессе исторического развития теоретической мысли и общественной практики. Первоначально стихийно, а затем все более осознанно они выделялись из понятий естественного языка. Первые десять научно-философских категорий (сущность, количество, качество, отношение, место, время, состояние, обладание, действие, страдание) были выделены Аристотелем, который понимал их как характеристики общих, родовых свойств реальности¹⁸⁵. Тщательностью разработки выделялись также понятия, содержащиеся в диалогах Платона¹⁸⁶. И те, и другие широко комментировались средневековыми учеными-схоластами.

С XVII в. в особую научную отрасль формируется категориальный аппарат естественных и точных наук (математики, механики, астрономии и т.д.). А в конце XVIII — начале XIX вв. категории естественных наук стали применять в историческом познании. Затем появляется историческая терминология, основанная на теоретических обобщениях историков-практиков, которые использовали понятия, встречаемые ими в источниках. При этом последним не редко придавался новый смысл (например, "феод" — "феодализм"). Тем не менее заимствование понятий как из философии и социологии, так и из биологии, географии, психологии, а также математики и геологии не прекращалось. Подтверждением этому является био-, гео- и этнологическая терминология в концепции российского ученого Л.Н.Гумилева, математические понятия в теоретических построениях "квантитативной истории", психологические и медицинские термины в психоистории и т.д.

Научные категории всегда выражаются в знаковой форме. Этой стороной изучения категорий занимается семиотика. В соответствии с нею знаковыми систе-

¹⁸⁵ См.: Аристотель. Соч. В 4 т. Т.1. - М.: Мысль, 1975.

¹⁸⁶ См.: Платон. Диалоги. - М.: Мысль, 1986.

мами являются разговорные и искусственные языки, системы сигнализаций в обществе и природе, языки "общения" с ЭВМ и программируемыми автоматами, "языки" изобразительных искусств, театра и кино, сложные системы управления, рассматриваемые с позиций кибернетики, живые организмы и их отдельные подсистемы (например, нервная система), производственные и социальные объединения и общество в целом.

В семиотике знаковые системы в целом и системы научных категорий отдельных отраслей знания (в частности, истории) исследуются в трех направлениях: 1) изучение синтаксиса знаковых систем, т.е. структуры сочетаний знаков, правил их образования и преобразования безотносительно к значениям и функциям систем; 2) выяснение семантики, т.е. правил интерпретации знаков и знакосочетаний (научных категорий); 3) определение прагматики, т.е. отношения между знаковыми системами и теми, кто их воспринимает, интерпретирует и использует (в данном случае историки и читатели их произведений).

Семиотика оказала большое влияние на развитие структурной лингвистики. В ее семантическом разделе появились модели типа "смысл <-> текст", которые теперь используются в источниковедении. Прикладной аспект структурной лингвистики был с успехом реализован в работах советского этнографа Ю.В.Кнорозова по дешифровке древних письменностей (языка народа майя). Структурный подход практикуется в этнологии, антропологии и культурологии. Он характерен, например, для известного французского этнолога К.Леви-Строса¹⁸⁷.

Формальные методы семиотики позволяют анализировать критерии исторической науки с точки зрения языковых структур, проверять доказательность исторических терминов, производить отбор "истинных" категорий и отбрасывать "ложные". На этом основании широко используются историками такие философские

¹⁸⁷ См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. - М.: Наука, 1985.

категории, как сущность и явление, историческая необходимость и случайность, действительность и возможность, историческая альтернатива и др.

Категории *сущности и явления* выражают переход от многообразия наличных форм исторического объекта к его внутреннему содержанию и единству. Так, например, понятия "город" и "село" как населенные пункты даются по определенному критерию, т.е. отвлекаясь от множества вариаций, которые они имеют в реальности.

Сущность — это внутреннее содержание исторического объекта, выражающееся в единстве всех его многообразных форм. В то же время *явление* — это внешняя форма существования исторического объекта. Такое понятие, как "рабство", при единстве его сущности, т.е. внутреннего содержания, заметно отличалось своими внешними проявлениями: патриархальное, античное, рабство на Юге США. Подобные метаморфозы можно выявить по отношению к таким понятиям, как "феодализм", "промышленный переворот", "социальная революция" и т.д. Имея единое внутреннее содержание, они значительно отличались формами выражения в различных странах и регионах.

При обращении к категории "сущность" некоторыми исследователями берется одна черта, которая предельно абсолютизируется. При этом все остальные черты данного объекта игнорируются. Так, неопозитивисты отвергали объективность понятия сущности. В постпозитивизме, пришедшем ему на смену, эта категория интерпретируется как теоретическая конструкция, "удобная" для систематизации фактов.

Прочное место в исторической науке заняли философские категории *необходимости и случайности*. *Необходимость* представляется как отражение внутренних, устойчивых и повторяющихся отношений действительности. Она используется для определения поведения исторических субъектов и хода исторических процессов. *Необходимость* в исторических исследованиях тесно связывается с понятиями "исторического закона" и "номотетического" (адекватного действительности) метода

исторического познания. Она признается теми учеными, которые видят в истории науку и стремятся посредством ее определить законы развития общества (приверженцы марксистской и позитивистской школ историографии, историки-квантификаторы и др.).

Категория *случайности* используется для отражения внешних и неустойчивых связей действительности. Изучение процессов самоорганизации систем, проводившееся бельгийской школой И.Пригожина, привело к разработке бифуркационных моделей развития. Здесь случайность рассматривается как нелинейная характеристика взаимодействий, порождающая в точках ветвления процесса (бифуркации) новую линию эволюции. Создание подобных моделей чрезвычайно полезно для наук об обществе и, в первую очередь, для истории, так как это позволяет учитывать значение случайностей в историческом процессе ¹⁸⁸.

Для исторической науки важны также категории *действительности и возможности*. *Историческая действительность* понимается как объективная реальность. Демокрит противопоставлял действительность ("мир по истине") иллюзорному и изменчивому его представлению ("миру по мнению"). Платон понимал действительность как "мир идей" и отличал ее от чувственного мира. У Аристотеля действительность выступала как реализация определенных возможностей. В теоретической мысли XVI-XVIII вв. действительность трактовали как совокупность материальных тел, объективно существующих и данных человеку в восприятии. В отличие от подобного понимания немецкие философы И.Г.Фихте, Ф.В.Шеллинг и Г.В.Ф.Гегель считали действительность воплощением деятельности разума (по Гегелю, "все действительное - разумно, все разумное — действительно").

В XX в. антропологическое, феноменологическое толкование категории действительность привело к включению в нее, кроме материальных объектов, иде-

¹⁸⁸ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса / Пер. с англ.- М.: Прогресс, 1980.

альных абстракций научно-технического знания, ценностей культуры, духовно-душевных актов.

Возможность — это объективная тенденция при возникновении или развитии исторического объекта или процесса, выражающаяся в наличии условий для его возникновения. Возможности делятся на абстрактные и реальные.

Абстрактная возможность означает отсутствие препятствий для становления объекта или субъекта ("турецкий султан" может стать "римским папой"). Реальная возможность предполагает наличие необходимых условий реализации и при определенной доли вероятности реализуется, т.е. становится новой действительностью. Пример от противного: Иван Иванович, сын Ивана IV Грозного, так и не стал государем, так как пал жертвой вспышки гнева своего отца, что впоследствии привело к династическому кризису 1598 г.

С категорией реальная возможность органически связано понятие *историческая альтернатива*. Это такая возможность, которая при определенных условиях может стать, наряду с другими возможностями, реальной действительностью.

Важное значение для современной исторической науки получила *проблема смысла истории*. Традиционная европейская культура приравнивала идею смысла истории к идее Царства Божия. В XIX в. она отождествлялась с понятием прогресса.

XX в. ознаменовал собою страстный интерес к вопросу о смысле истории, ибо, в отличие от прошлых веков, менялись не только представления об отдельных сторонах человеческой жизни (моральной, социально-экономической, религиозной и др.), но и ставилась под сомнение сама ценность истории — из-за мировых войн, вандализма, безжалостных диктатур, геноцида и пр.

Проблема смысла истории стала сквозной темой трудов Б.Кроче, П.Тейяр де Шардена, Х.Ортеги-и-Гассета, Д.Коллингвуда, Н.Бердяева и других известных

мыслителей XX в.¹⁸⁹ Все они подчеркивали повторяемость исторических ситуаций и настаивали на правомерности исторической типологии, утверждали, что история немыслима в отрыве от внутреннего опыта человеческой души, что она в своей целостности имеет некоторое общее содержание. Это общее заключается в том, что исторический опыт не дан человеку как нечто внешнее, в отрыве от его внутренней жизни, от его личности. Объективные процессы истории в значительной мере опосредованы человеческой личностью. В этом смысле история персонифицирована. Именно в человеке, как в фокусе, сходятся все многообразные проявления общественной жизнедеятельности.

Средством фиксации особенностей состояния того или иного общества, выявления внутренней связи и мотивированности человеческого поведения служит категория менталитета.

Менталитет (ментальность) — особый набор "привычек мышления" человека данной культуры на определенном историческом отрезке времени. Ментальность отчетливо проявляется в человеческом поведении, определенным образом организуя его.

Реконструкция модели мира, основанная на анализе основополагающих понятий культуры и ментальности, позволяет воссоздать *тип человеческой личности*, свойственный тому или иному обществу и сводящий воедино все конкретные проявления человеческой активности.

Такой подход уже не соответствовал общепринятой в XVIII — XIX вв. периодизации истории, которая предполагала выделение эпохи древности, средних веков и нового времени. Отнесенность того или иного

¹⁸⁹ Аббатте М. Философия Б.Кроче и кризис итальянского общества / Пер. с итал. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959; Тейяр де Шарден П. Феномен человека. - М.: Наука, 1987; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3-4; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. - М.: Наука, 1980; Бердяев Н.А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. - Париж: УМСА-Press, 1969.

рассматриваемого общества к определенной эпохе позволяла фиксировать его своеобразие как проявление особенности этой эпохи, но не более того.

В историческом материализме XIX-XX вв., который лишь конкретизировал принятую периодизацию, подчеркивалось единство мировой истории, в основе которого лежит единство принципов организации той или иной *общественно-экономической формации*: в каждой можно выделить экономический базис, политическую и идеологическую надстройки, общественные классы и т.п.

Марксистская философия истории подводила экономический базис под традиционную периодизацию истории. Предполагалось, что любое общество сводится в своем существенном содержании к характеристике одной из формаций или же может быть понято как переходное. История считалась подчиненной действию объективных законов, сходных с законами природы, а историческое развитие представлялось процессом поступательного движения, восхождения от одной общественно-экономической формации к другой, более прогрессивной.

Такое понимание истории в классической и марксистской историографии стало фактически *концепцией всемирной истории*. Однако эта концепция с ее категориями уже потеряла свою былую незыблемость.

Все это составляет сеть категорий, адаптированных к специфике исторического познания. В эту сеть органически вписываются и собственно исторические понятия, почерпнутые из исторических источников и по-новому осмысленные, зачастую наполненные новым смыслом, и понятия, сконструированные самими историками. В этих категориях и понятиях теоретически воспроизводятся наиболее существенные черты объектов реальной действительности, но, как правило, не весь их комплекс.

Из собственно исторических категорий большое методологическое значение имеют категории *всемирно-исторический* и *локально-исторический* (региональный,

национальный). Их формирование связано с переходом от "локальных" историй к "всемирной".

Древнегреческие историки Геродот и Фукидид описывали преимущественно локальные (региональные) длительные войны между греческими полисами и Персией, между союзами греческих полисов. Первую попытку создать "всемирную (всеобщую) историю" предпринял во II-м в. до н.э. Полибий. Это была история стран и народов Средиземноморья, которая начала приобретать всеобщий (для этого региона), "проримский" характер.

Однако позднейшие исторические описания снова имеют преимущественно локальный характер. Тит Ливий осветил историю Рима от его основания, Тацит — историю борьбы Рима с германцами, И.Флавий — события Иудейской войны I в.

Идея написания "всемирной истории" возникла у раннехристианских историков Евсевия (IV в.) и Орозия (V в.). Их манере подражали средневековые хроники, которые повествовали о событиях начиная от "сотворения мира". Интересен в этой связи пример "Повести временных лет", составленной монахом Нестором в 1113 г. В ней наблюдается переход от всемирной (священной) истории к локальному варианту (славянству — Руси). В новое время "Всемирную историю" впервые опубликовал У.Рэли (1617 г.).

В эпоху Просвещения философско-историческая мысль породила две концепции "всемирности", которые уходили своими корнями в античность.

Представителем первой — концепции "циклизма" был итальянский ученый Д.Б.Вико. Он сформулировал закон круговорота, согласно которому народы пробуждаются к исторической жизни асинхронно, т.е. в разные исторические эпохи и проходят "свой круг" или свои три стадии — "века" (пробуждение — расцвет — упадок), за которыми следует гибель. В каждую из эпох для одного из них развитие начинается сначала. В итоге Вико сделал вывод, что всемирная история — это совокупность последовательно расположенных замкнутых

кругов (циклов), между которыми нет связей и переходов¹⁹⁰.

Вторая концепция "всемирности" была связана с идеей прогресса и активно развивалась во второй половине XVIII в. в Германии и Франции. Так, немецкий просветитель И.Г.Гердер отмечал, что история каждого народа — это одновременно и замкнутый круг и звено в цепи преемственности исторического развития¹⁹¹. Тогда же И.Кант пытался доказать, что невозможно обнаружить смысл истории, включающей всю летопись человеческого безумия, тщеславия и жестокости, до тех пор, пока в ней не обнаружится постоянное движение, т.е. прогресс. Внутренний антагонизм и борьба являются, по Канту, условиями прогресса, и, чтобы это увидеть, необходимо выйти за узкие рамки национальной истории и взглянуть на историю во всемирном масштабе. Французский просветитель Ж.А.Кондорсе представил всемирную историю в виде постоянного линейного прогресса, т.е. безграничной возможности развития человеческого разума как демиурга истории¹⁹².

Наиболее полно идея всемирной истории была изложена Гегелем. "Всемирная история, — писал он, — есть прогресс, который мы должны познать в необходимости". Каждой исторической эпохе свойственно "столь... неповторимое состояние, что только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и единственно возможно судить о ней". Однако все эпохи связаны общим интегрирующим признаком, в соответствии с которым историческое развитие — это саморазвитие абсолютного духа, носителем которого выступает человечество¹⁹³.

¹⁹⁰ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций.- Л., 1940.

¹⁹¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества.- М.: Наука, 1977.

¹⁹² Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума.- Спб., 1904.

¹⁹³ Гегель Г.Фр. Лекции по философии истории. - С.-Пб.: Наука, 1993. С.104-112.

После Французской революции конца XVIII в. в трудах представителей романтической историографии появилась концепция *культурного плюрализма*. В ней была выдвинута идея об исторической индивидуальности каждого народа как высшей ценности, о несравнимости индивидуальных культур, об уникальности исторической судьбы "народной души". На смену всеобщей истории пришли национальные и множество локальных историй, в т.ч. собрания биографий, истории героев, энциклопедии обычаев и правовых институтов и др.

Идея всемирной истории вновь появилась в 40-х гг. XIX в. и была уже связана с О.Контом — родоначальником позитивизма. Он считал, что человеческое общество в своем развитии проходит три стадии: теологическое мышление, метафизическое и позитивное научное мышление; т.е. развивается эволюционным путем как прогресс разума¹⁹⁴. Эти идеи подхватила позитивистская историография второй половины XIX в., и они господствовали в историографии до первой мировой войны. Затем вновь возродились идеи цикличности в развитии истории (О.Шпенглер, А.Тойнби, А.Л.Гумилев).

В современной историографии понятия всемирно-исторический и локально-исторический рассматриваются в их тесной взаимосвязи. Категория всемирно-исторического с гносеологической точки зрения представляется как мера приближения локально-исторического явления или процесса к их логической модели. Всемирно-историческое — это системное понятие, в котором выражается единство и целостность человеческой истории, скрытые за внешним многообразием локально-исторического.

Примечательной чертой историографии XX в. является разработка понятийного аппарата самой историографией. Это в первую очередь касается таких понятий, как *пространство и время*. Следует различать их в физическом, философском и историческом смыслах.

¹⁹⁴ *Конт О. Дух позитивной философии.* - СПб., 1910.

Пространство в историческом смысле ассоциируется с понятиями локально-исторический и всемирно-исторический. Что же касается *времени*, то оно существует в двух видах: 1) физическое, "счетное" время, используемое в хронологии, и 2) *историческое время*.

В естествознании время имеет значение как средство измерения физического или иного процесса. Однако совершается он сейчас, вчера или тысячу лет назад — в принципе безразлично. Достаточно "равнодушна" к конкретному времени и социология. Однако историческая наука значительно отличается от них своим отношением к времени. "Историк ни на минуту не может выйти за пределы исторического времени. Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника", — отмечал Ф.Бродель¹⁹⁵.

Конкретность исторического времени непосредственно обнаруживается в четкой хронологической локализации изучаемых процессов. Однако более основательное продумывание его сущности показывает нечто большее. *Историческое время* не является абстрактным в смысле независимости от свойств протекающих в нем процессов. Оно содержательно, наполнено событиями и зависит от характеристик этих событий. Определенный временной отрезок и процесс, связанный с ним, представляют неразрывное целое.

Признание содержательной наполненности исторического времени имеет важное значение для периодизации истории. Деление по империям, королям или политическим режимам соблазняет точностью датировки. "Но не будем поклоняться идолу мнимой точности, — писал М.Блок. — Самый точный отрезок времени — не обязательно тот, к которому мы прилагаем наименьшую единицу измерения..., а тот, который более соответствует природе предмета. Ведь каждому типу явлений

¹⁹⁵ См.: Бродель Ф. История и общественные науки // Философия и методология истории. - М.: Прогресс, 1977. С.134.

присуща своя, особая мера плотности измерения, своя... система счисления"¹⁹⁶.

Понятие исторического времени ввел В.Дильтей. Под ним он понимал "внутренний опыт" человека, т.е. реальность, недоступную рациональному познанию, но улавливаемую "внутренним чувством". В эту реальность — "человеческое время" — исследователь должен "вчувствоваться", "влииться"¹⁹⁷.

Аналогичные взгляды высказывал О.Шпенглер. Он считал, что в "каждой мировой культуре раскрывается изначально заложенный в ней "принцип" - ее судьба. Поэтому время в этих культурах не течет, а длится, не накапливается, а "сбрасывается". Оно рождается и умирает в каждой культуре. Специфика каждого времени определена изначально его "мироощущением", которое не может быть выражено в понятиях науки, а может быть только прочувствовано изнутри"¹⁹⁸.

Понятие исторического времени развил Ф.Бродель. Он утверждал, что кроме времени, измеряемого мелкими хронологическими единицами (день, год), в экономической и социальной жизни существуют циклы десятилетий, двадцатилетний, пятидесятилетий и даже столетий. Это значит, что категория историческое время имеет ряд уровней и является своего рода набором времен, измеряющих течение жизни в различных сферах"¹⁹⁹. По-видимому, такое понимание времени является наиболее адекватным самому времени и позволяет исследователю избирать свою временную шкалу.

Историческое время оказалось глубоко эшелонированным: под краткосрочным временем событий обнаружился пласт медленно текущего времени. В историографии появилась концепция *длительной временной*

¹⁹⁶ Блок М. Аналогия истории, или Ремесло историка.- М.: Наука, 1986. С.89.

¹⁹⁷ См.: Дильтей В. Описательная психология.- М., 1924.

¹⁹⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1.- М.-Пг., 1923. С.20.

¹⁹⁹ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т.1.- М.: Прогресс, 1986.

протяженности, которая стала основополагающей для "новой исторической науки".

Новая концепция существенно расширила горизонты исторического исследования. В круг исследовательских проблем вошла повседневная жизнь людей, в которой коренятся все проявления человеческой активности и которая предстает наиболее глубинным измерением исторических процессов. Понятие *повседневность* прочно вошло не только в историческую науку, но и в другие области знания о человеке и обществе.

Концепция длительной временной протяженности включила и такое новое понятие, как *структура*, которое фиксирует организованность повседневной жизни людей. Согласно Ф. Броделю, структура "для историка — это ансамбль, архитектура социальных явлений, но прежде всего она — историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени"²⁰⁰. При этом структуры повседневности находятся во взаимосвязи и постоянном взаимодействии. Поэтому идеалом историков в противовес "всемирной истории" выступит "*тотальная история*", которая и на частном материале может дать целостную картину общественной жизни людей.

У многих современных исследователей понятие "структура" используется для описания организации целостной системы, состоящей из иерархически связанных подсистем, а также для обозначения способа взаимосвязи и взаимодействия этих подсистем.

Общественные структуры подразделяются на первичные (базисные) и вторичные (производные), которые в свою очередь делятся на социальные, политические и ментальные. Первичные структуры возникают в сфере, не зависящей от воли и сознания людей, а вторичные — создаются людьми, осознанно и целенаправленно.

Обобщенные представления о структуре и разви-

²⁰⁰ Бродель Ф. История и общественные науки // Философия и методология истории. - М.: Прогресс, 1977. С.124.

тии общества могут быть охарактеризованы как "идеальные типы". Это понятие было введено в научный оборот немецким историком, социологом и философом М. Вебером. "...Ничто не может быть опаснее, — писал он, — чем коренящееся в натуралистических предубеждениях смешение теории и истории, в форме ли веры в то, что в теоретических построениях фиксировано "подлинное" содержание, "сущность" исторической реальности, или в использовании этих понятий в качестве прокрустова ложа, в которое втискивают историю, или, наконец, в гипостазировании "идей", стоящей за переходящими явлениями "подлинной действительности"²⁰¹.

Идеальный тип не есть простой результат обобщения явлений. Это целостный, внутренне согласованный мысленный образ, представляющий собой исследовательскую конструкцию. Например, античный прототип наделается такими чертами, как совпадение в принципе гражданского полноправия и собственности на землю, политической и военной структуры, суверенитет гражданской общины и т.п. Это — идеальный тип, в своей чистоте нигде не встречающийся, но продуктивный в понимании истории Афин, Спарты, Рима и т.п. При этом правомерность того или иного идеального типа определяется не только его внутренней логической согласованностью, но прежде всего исследовательской продуктивностью. Он должен "работать" в конкретном историческом анализе, обеспечивать приращение знания.

Идеальные типы — это не исторические истины, а лишь рабочие модели. В ходе исследовательского эксперимента они обогащаются, видоизменяются или вовсе отбрасываются. Так, уже в конце XIX в. в ходе развития концепции всемирной истории ее смысловое ядро — однолинейность развития — стало утрачивать свою убедительность. Это обуславливалось тем, что, во-первых, в

²⁰¹ См.: Вебер М. "Объективность" социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. С.394.

связи с накоплением эмпирического материала (особенно в отношении "экзотических" обществ) стало ясно, что универсальная модель нивелирует реальное историческое многообразие и не позволяет проникнуть в собственное своеобразие изучаемого общества; во-вторых, в ходе критики этой концепции появился целый ряд новых концепций о существовании в прошлом уникальных, неповторимых культур и цивилизаций. Обнаружилось, что в основе прежней концепции развития всемирной истории и ее периодизации лежит европоцентризм.

Схема "древний мир — средние века — новое время" возникла как продукт исторического самоопределения Западной Европы в эпоху Ренессанса и была усвоена европейским Просвещением. Однако представления о человеке и обществе, основанные на европейском историческом опыте, мешали увидеть своеобразие "далеких" обществ.

Не случайно О.Шпенглер, а позднее Д.Тойнби ввели в историческую науку категорию *цивилизации*. Она ориентирует историка на показ всех проявлений социального поведения человека в их взаимосвязи и единстве (урбанизация, социальная стратификация, государственное строительство, хозяйственная и политическая активность, типизация человеческой личности, внешняя жизнедеятельность). Кроме того, понятие "цивилизация" выступает средством членения исторического времени и является единицей, структурирующей его.

Итак, категории и понятия исторической науки либо заимствуются из других наук и наполняются историческим смыслом, либо вырабатываются самой исторической наукой. В любом случае при их использовании требуется взвешенный подход во избежание терминологической путаницы.

6. Описание в исторической науке

Проблема описания (рассказа) в исторической науке не является второстепенной, хотя и игнорирова-

лась в большинстве советских работ по методологии истории. Она выходит на более общий вопрос о соотношении исторического и художественного познания.

Соотношение истории и искусства является предметом непрекращающихся дискуссий. Так, Б.Кроче заявлял, что история — разновидность искусства. Позже он от этой точки зрения отказался. Другие высказывались более осторожно. В частности, Г.С.Комменджер указывал, что история обладает всеми элементами художественной формы, служит некоторым целям и управляется некоторыми принципами литературы²⁰². Он противопоставлял "литературную" историю, сторонником которой был, "научной" или "технической" истории. "Научный" историк, в его понимании, интересуется не драмами прошлого, а научными объяснениями, он чужд философии, и характерной формой его трудов является монография²⁰³. Не трудно заметить, что в данном случае объектом критики является позитивистская историография.

Большинство позитивистов и марксистов настоятельно относятся ко всяким параллелям между исторической наукой и искусством, усматривая в них угрозу научности истории. Представляется неправомерным как отождествление истории и искусства, так и их противопоставление. Можно согласиться с Г.Рениром, что методолог должен решить, "может ли искусство написания быть приведенным в помощь историку при исполнении им его высшего долга - повествования истории"²⁰⁴. Историческая наука только выиграет, если не будет отказываться от эстетики. В идеале историческая работа должна быть в виде рассказа, который основывается на фактах и содержит в себе научное объяснение.

Необходимость для историка быть рассказчиком предъявляет к нему вполне определенные эстетические требования. Поэтому вопрос о форме исторического

²⁰² *Commager H.S.* The nature and study of history.- Columbus; Ohio, 1966. P.6-8.

²⁰³ *Ibidem.* P.10-13.

²⁰⁴ *Renier Y.S.* History. Its purpose and method.- L., 1950. P.244-245.

труда приобретает определенное методологическое звучание.

В естественных науках обобщение проделанной исследовательской работы во многих случаях осуществляется как формальный акт. "В истории же, — подчеркивает Г.Ренир, — написание есть существенная операция. Это путь, на котором историк вырабатывает свое понимание, полученное из некоторого опыта прошлого. Но написание рассказа есть нечто большее, это - окончательная проверка значимости следов-событий, выводов, сделанных историком на более ранних ступенях"²⁰⁵.

Говоря о сближении истории с искусством на стадии написания рассказа, следует четко определить границы такого сближения. Близость истории к искусству во многом формальная. Она проявляется в стремлении к выразительности, в использовании определенных приемов изображения материала, но не по содержанию исторического или художественного творчества и не по используемым методам реальности. Основой для сближения является сам объект познания как истории, так и искусства, обладающий эстетической структурой, — человек в его историческом развитии. Ф.Энгельс справедливо писал: "Мировая история — величайшая поэтесса"²⁰⁶. Поэтому постижение истории предполагает сопереживание и эстетическое отношение к прошлому²⁰⁷.

Однако исторические явления по-разному анализируются и воссоздаются историком и художником. П.М.Бицилли указывал, что художественный объект, даже когда он является воспроизведением реально существовавшего объекта, всегда выражает свою собственную художественную идею. В конечном счете он всегда выступает как "воплощенный в материальных формах дух художника. В историографическом произведении объектом является дух эпохи"²⁰⁸. Для художника исто-

²⁰⁵ Renier Y.S. History. Its purpose and method.- L., 1950. P.245.

²⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.33. С.43.

²⁰⁷ См.: Гулыга А.В. Эстетика истории. - М.: Наука, 1974. С.43-63.

²⁰⁸ Бицилли П.М. Очерки теории истории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. С.223.

рические объекты — это только сырой материал, который он использует для создания собственных художественных объектов — символов. Для историка они — уже символы, в которых другие (объекты) воплотили себя, свой дух.

Сущность той или иной эпохи передают крупные исторические события, личности, определяющие их ход, достижения культуры, менталитет, быт общества. Именно к ним приковано внимание историка. Для их воссоздания ученый прибегает к творческому воображению и интуиции. Однако, создавая исторический образ, исследователь всегда связан конкретными фактами прошлого, вымысел здесь невозможен. Убедительность исторических образов — в их достоверности. Если писатель создает типические образы в своем воображении, то историк находит их в реальном прошлом, сравнивая и просеивая огромное количество фактического материала.

Художественные эстетические стандарты имеют особое значение при написании исторического труда. Следует согласиться с Г.С.Коммеджером, что "литературный стиль — это вопрос хорошего тона, определенной окраски, определенного движения повествования, это вопрос симметрии структуры, концентрации усилий, архитектурного единства и гармонии"²⁰⁹. Слабо аргументированную работу читатели не примут, но в равной мере они проигнорируют труд, написанный плохим языком. Рядовой читатель скорее простит недостаток научной доказательности, чем отсутствие литературного обаяния. Не случайно большинство крупных исторических работ обладает литературной ценностью.

Рассказ историка должен быть прежде всего ясным. Необходимо избегать двусмысленных и непонятных терминов. "Человек, небрежно пользующийся языком, — указывал Г.Ренир, — есть разновидность интел-

²⁰⁹ *Commager H.S.* The nature and study of history. - Columbus; Ohio, 1966. P.7.

лектуального "лихача". Он может избежать аварии сам, но подвергает опасности других"²¹⁰.

Ученый должен сопереживать ход событий. Голландский историк культуры Й.Хейзинга даже предлагал исследователю переживать события в их неопределенности, как еще не совершившиеся: "Рассказывая о Саламине, он может предполагать, что победителями будут персы, рассказывая о государственном перевороте 18 Брюмера, — что Бонапарт потерпит позорное поражение" и т.д.²¹¹ Посредством сопереживания ученый оживляет то, что однажды было и исчезло навсегда. Он как бы видит прошлое собственными глазами и тем самым увлекает читателя за собой.

Немаловажное значение имеет ясность изложения. Она не может быть достигнута без сознательного ограничения в деталях и аргументах. Г.Ренир обоснованно подчеркивает, что исключение и обобщение являются двумя средствами против многословия: "Каталоги незначительных событий доставляют удовольствие исследователю, ушедшему на время с головой в себя, но они скучны читателю"²¹². Как любое произведение литературы, историческая работа сильно выигрывает от найденного крылатого слова, меткой эпиграммы, искусства драматизма. Однако, заботясь о форме труда, исследователь не может забыть своей главной задачи — его знания и воображение должны стремиться к более полному и объективному освещению прошлого.

²¹⁰ Renier Y.S. History. Its purpose and method.- L., 1950. P.246.

²¹¹ См.: Гулыга А.В. Эстетика истории.- М.: Наука, 1974. С.63.

²¹² Renier Y. S. History. Its purpose and method.- L., 1950. P.246-247.

ГЛАВА 5. ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Всякая наука обладает своей системой исследовательских принципов, которыми обязан руководствоваться ученый для достижения положительных результатов. Они возникают в процессе творческого освоения человеком объективной реальности. Как указывал А.Эйнштейн, "для применения своего метода теоретик в качестве фундамента нуждается в некоторых общих предположениях, так называемых принципах, исходя из которых он может вывести следствия". Для их установления "не существует метода, который можно было бы выучить и систематически применять для достижения целей. Исследователь должен, скорее, выведать у природы четко формулируемые общие принципы, отражающие определенные общие черты совокупности, множества экспериментально установленных фактов"²¹³.

Следовательно, вопрос о принципах истории также не имеет запрограммированного ответа. Подавляющее большинство современных методологов истории исходят из того, что история как наука обладает своей спецификой. Поэтому в системе ее исследовательских принципов должно найти отражение как то, что объединяет историю со всеми формами научного познания, так и особенности ее познавательного процесса. Отсюда следует, что в исторической науке существуют общенаучные и специфические принципы познания.

Поскольку цель всякого познания — получение объективно-истинных знаний, то историческое познание обязательно должно соответствовать по своему содержанию принципу *объективности*. Однако следование этому принципу должно учитывать особенность предмета исторического изучения, а именно то, что он развивается во времени и пространстве. Это предполагает применение, наряду с принципом объективности, принципа *историзма*. Кроме того, в историческом познании

²¹³ Эйнштейн А. Физика и реальность. - М.: Наука, 1965. С.5-6.

существует специфика субъектно-объектных отношений, накладывающая неизгладимый отпечаток на весь познавательный процесс. Последнее обстоятельство обуславливает применение принципа *ценностного подхода* в истории.

1. Принцип историзма

Принцип историзма в наибольшей степени отражает особенности исторического познания. По своей сути он является общемегадологическим и применяется во всех науках (биологии, ботанике, языкознании и т.д.), изучающих объект в его развитии. В каждой из этих наук введение данного принципа составило целую эпоху в постижении сущности и закономерностей исследуемых объектов. Показательным примером в этом отношении является дарвиновская революция в биологии — учение об эволюционном происхождении видов путем естественного отбора.

Принцип историзма по своему происхождению связан с европейской наукой и философией XIX в. Выступая как крупнейшее завоевание научной мысли, историзм стал характерным признаком мышления новоевропейской цивилизации. Его мировоззренческое значение заключается прежде всего в обосновании глубинной связи времен, обусловленности настоящего и будущего историческим прошлым.

Современные социальные формы и политические институты историки XIX в. начали выводить из далекого прошлого. В исторических работах хотели найти разгадку современных социальных проблем и пути их решения. К истории обратились политики, литераторы, художники. Интерес к ней и, в частности, к историческому роману стал своеобразным показателем духовной атмосферы общества.

Историзм как способ мышления тесно связан с историзмом как принципом исторического познания. Последний требует изучения всякого явления истории в его генезисе и развитии, конкретно-исторической обу-

словленности и индивидуальности. Основной вклад в его разработку в конце XVIII — начале XX вв. внесли представители немецкого историзма. Среди них Ю.Мезер, И.Ф.Шиллер, И.Г.Гердер, И.Ф.Гете, Г.В.Ф.Гегель, В.Гумбольдт, "школа права", школа Л.Ранке и др. Окончательную формулировку в рамках немецкого историзма принцип получил в философии истории В.Дильтея и неокантианстве.

Значение немецкого историзма в первую очередь определяется тем, что он выявил особенности развития и познания общественных явлений в сравнении с природой. Эти особенности сводились к пониманию истории как процесса развития самопознания духа. Историчность выступала здесь как обязательный атрибут, особая форма или стадия развития духа, а именно, — духа народа, воплощающегося в соответствующей культуре. Историзм провозглашался как общий философский принцип, методологическая установка.

В качестве исследовательской программы он включил в себя:

- нацеленность историографии на эмпиризм;
- базирование на источниках, достоверность информации которых гарантируется критическим подходом к ним;
- максимально полное описание объекта исследования;
- восстановление "жизненных сил" исторического явления в конкретных условиях его существования посредством включения этого явления в контекст "внутреннего опыта" исследователя²¹⁴.

Теоретическим фундаментом немецкого историзма обычно называют две его основополагающие идеи: *индивидуальность и развитие*.

Историческая индивидуальность трактовалась исследователями весьма широко. Это и конкретная личность, и целый народ, и определенная эпоха, и эконо-

²¹⁴ См: Ракитов А.И. Историческое познание - М.: Изд-во полит. лит., 1982. С.230-242.

мическое, политическое, религиозное или художественное движение, и человечество в его целостности²¹⁵. Индивидуальность была провозглашена главным субъектом истории. Задача ученого виделась в раскрытии идеи, носителем которой является индивидуальность. Исторический мир предстал наполненным общественными явлениями, уникальными по своему характеру, жившими своей исторической жизнью. Как утверждал Л. Ранке, "каждая эпоха стоит непосредственно перед лицом Бога и ее достоинство покоится вовсе не на том, что из нее выходит, а в ее собственном бытии, в ее собственном "Я"... каждая эпоха является в высшей степени достойной и должна рассматриваться как нечто значительное само по себе"²¹⁶.

Идея развития требовала рассмотрения всякой индивидуальности в ее генезисе, становлении и раскрытии своего предназначения, показа взаимосвязи одной индивидуальности с другими. Исходя из этого, история трактовалась как непрерывный поток развивающихся и взаимодействующих индивидуальностей, который нельзя повернуть вспять или искусственно направить в какое-то желаемое русло.

Всякое развитие общественных феноменов признавалось как органическое, внутренне-обусловленное, отягощенное традицией. Когда нечто совершенное в истории создано, подчеркивал И. Гердер, "после него возможны лишь подражания или напрасные потуги превзойти достигнутое. Гомер пел, и после него уже невозможен был второй Гомер..."²¹⁷. Каждый, по словам мыслителя, "должен стремиться быть на своем месте, тем, чем он может быть в цепочке вещей, а иное невозможно"²¹⁸. Поскольку развитие любого народа вытекает из

²¹⁵ См.: Риккерт Г. Философия истории /Пер. с нем.- СПб., 1908. С.27-28.

²¹⁶ Цит. по: Щепкин Е. Автобиография Л. Ранке //Русская мысль. Кн. VIII, 1893. С.159.

²¹⁷ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества.- М.: Наука, 1977. С.388.

²¹⁸ Там же. С.389.

его внутренних исторических корней, то ему нельзя навязать чужой образец, свод правления или кодекс законов, выработанных на иной исторической почве.

Следует учитывать, что немецкий историзм формировался в русле негативной реакции на французскую революцию, что придало ему консервативную политическую окраску. Он отстаивал эволюционный путь развития общества, которому якобы противоестественны всякие революционные преобразования. Отсюда постоянные апелляции немецких авторов к исторической традиции в деле реформирования Германии, провозглашение особого для нее пути развития в рамках европейской цивилизации. Откровенно реакционную интерпретацию получили широко распространенные гегелевские идеи об "избранном народе", посредством которого мировой дух осуществляет свои планы, о государстве как "нравственной субстанции" и "живом духе", реализующем в истории свою идею. В политике эти идеи стали примеряться к немецкому народу и Пруссии как Богом избранным и т.д. В историографии государство явилось главным объектом изучения.

Сами по себе идеи развития индивидуальности были плодотворны и несомненно обогатили мировую науку, отразили характерные черты исторического подхода к изучению явлений общественной жизни. Однако в немецком историзме наблюдались гипертрофирование уникального и неповторимого в истории, склонность к простому эволюционизму. В конечном итоге это выразилось в противопоставлении истории естествознанию.

В обоснование принципа историзма, кроме немецких ученых, внесли свой вклад просветители (теория общественного прогресса), французские историки эпохи Реставрации (теория классовой борьбы), позитивисты (теория исторического источника и методов его изучения), марксисты.

Марксистский историзм выражает диалектико-материалистический подход к истории. Характерной его чертой была политизированность на классовой основе, острая, полемическая направленность против других

направлений историзма, претензии на научную исключительность. Уверенность марксистов в том, что их учение "есть высшее развитие всей исторической, экономической и философской науки Европы"²¹⁹, основывалась не столько на логических, сколько на политических аргументах. Поэтому факт крушения коммунистической идеи, не предусмотренный марксистским историзмом, вызвал кризис доктрины.

Сказанное не умаляет значение марксизма как научного метода и его вклада в разработку принципа историзма²²⁰. Его заслуги связаны с последовательным стремлением соединить мир природы и социальных явлений в единую картину, учитывая развитие общества как продукта целенаправленной деятельности людей. Марксистский историзм доказал зависимость всех форм и видов сознания от общественного бытия людей, дал последовательную материалистическую интерпретацию исторического процесса. В качестве учения о революционном преобразовании общества он обосновал наличие необходимости в истории качественных скачков, хотя и не уделил должного внимания силе исторической традиции.

В.И. Ленину принадлежит одно из наиболее полных определений принципа историзма в науке. Он писал о необходимости "не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"²²¹.

Марксизм показал свою способность приспосабливаться к изменяющейся политической обстановке и духовной атмосфере. Это обеспечило его жизнеспособность на протяжении полутора веков. Как политическое учение он по-прежнему сохраняет свою актуальность.

²¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.25. С.49.

²²⁰ См.: Могильницкий Б.Г. Марксистский и буржуазный историзм // Вопросы истории, 1982. № 7. С.71-88.

²²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С.67.

На рубеже XIX и XX вв. принцип историзма был применен к самому познающему субъекту. В. Дильтей обосновал идею о единстве социальной практики и познания истории. "Историчность" была объявлена им основным признаком человека и социальной реальности, в которой он творит. В результате под сомнение был поставлен сам научный характер исторического познания, его способность давать достоверные знания о прошлом. Г. Риккерт был вынужден выступить против историзма как мировоззрения, поскольку он "представляет из себя в сущности одну из форм релятивизма и скептицизма; при последовательности в мышлении он необходимо должен привести к полнейшему нигилизму"²²².

Крайности исторического релятивизма постепенно преодолеваются в современной науке. Так, по наблюдению Б. Г. Могильницкого, в современной американской историографии "речь идет о подходе, бесповоротно отвергающем самодовольные претензии на непогрешимость наших знаний, но вместе с тем ориентированном на получение достоверного изображения прошлого как главной цели познавательных усилий историка. Весьма существенным при этом является признание поступательного характера исторического познания, предполагающего наличие некоторых жестких стандартов его научности"²²³.

Неизменным условием получения достоверного знания о прошлом является применение принципа историзма при соблюдении требования объективности научного исследования.

2. Принцип объективности

Главную цель исторического исследования составляет получение объективных знаний о прошлом че-

²²² Риккерт Г. Философия истории / Пер. с нем. - СПб., 1908. С. 122-123.

²²³ Могильницкий Б. Г. Между объективизмом и релятивизмом: дискуссии в современной американской историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 10.

ловечества. Какой же смысл вкладывается учеными в понятие "объективность"? Конечно, содержание принципа объективности в значительной мере будет определяться общефилософскими воззрениями историка.

Марксистская теория отражения предполагает под объективностью воспроизведение объекта таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания²²⁴. Однако если это условие трудно реализуемо даже в естественных науках, опирающихся на экспериментальное знание, то что говорить об истории, выступающей как самопознание общества. "Объективность познания в области социальных наук, — подчеркивал М. Вебер, — характеризуется тем, что эмпирически данное всегда соотносится с ценностными идеями, только и создающими познавательную ценность указанных наук, позволяющими понять значимость этого познания, но неспособными служить доказательством их значимости, которое не может быть дано эмпирически... Жизнь в ее иррациональной действительности и содержащиеся в ней возможные значения неисчерпаемы, поэтому конкретные формы отнесения к ценности не могут быть постоянными, они подвержены вечному изменению, которое уходит в темное будущее человеческой культуры"²²⁵.

Сказанное не означает, что категория объективности чужда исторической науке. Как всякое научное знание, историческое в полной мере соответствует требованиям этой категории. Однако ее функционирование в истории имеет свои особенности. Несмотря на то, что процесс исторического познания есть своего рода "упорядочение" действительности с помощью субъективных по своей природе категорий, он может давать объектив-

²²⁴ Философский энциклопедический словарь.- М.: Сов. энцикл., 1983. С.226.

²²⁵ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.- М.: Прогресс, 1990. С.413.

ные результаты. Возможность для этого создается рядом факторов²²⁶:

1. Наличием исторических источников, существующих независимо от исследователя и в той или иной форме отражающих прошлую реальность. "Разнообразие исторических свидетельств, — отмечает М.Блок, — почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения"²²⁷. Поэтому при всех пробелах источников историки располагают обширной базой для освещения прошлого.

2. Заинтересованностью исследователя и общества в целом в получении достоверного знания об истории человечества, поскольку это знание необходимо для практического решения современных социальных проблем. Сознательное искажение картины прошлого чревато катастрофами в настоящем.

3. Известным контролем объективности исследования благодаря общему уровню, достигнутому исторической наукой, накопленному в ее арсенале, проверенному и обоснованному знанию, существованию признаваемой научным сообществом системы ценностей.

Все это не означает, что новые теории или факты, не согласующиеся с господствующей системой представлений, всегда ошибочны. Хотя смена научных парадигм, как справедливо указывает Т.Кун, дело исключительное, поскольку "переход к новой парадигме является научной революцией"²²⁸, а последние, как известно, совершаются редко.

Объективность научного подхода к историческим фактам достигается специально организованным исследовательским процессом. Он предполагает:

²²⁶ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.- М.: Наука, 1987. С.241-243.

²²⁷ Блок М. Апология истории или, Ремесло историка / Пер. с франц.- М.: Наука, 1973. С.38.

²²⁸ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ.- М.: Прогресс, 1975. С.22, 105, 122.

- всесторонний охват изучаемого явления с целью выявления его сущности и многообразия взаимосвязей с историческим миром;

- опору на достигнутый уровень научного знания с учетом выдвинутых по данной проблеме точек зрения;

- творческий подход к историческому исследованию, что достигается, с одной стороны, применением всей совокупности различных методов для получения из источников максимально разнообразной и обширной информации о прошлом, с другой, стремлением идти вперед в соответствии с новыми общественными запросами и успехами, достигнутыми в других областях науки.

Учет этих факторов обеспечивает потенциальную возможность получения объективного знания. Но, как справедливо подчеркивал И.Д.Ковальченко, "все это — только *возможность* приобретения истинных знаний. превращение которой в реальность определяется субъективными факторами процесса познания, а именно — позицией исследователя"²²⁹.

Гарантией достижения объективности в изображении прошлого в значительной степени являются уровень профессиональной подготовки ученого, фундаментальность его научной концепции, личностные качества, как-то: честность, темперамент, педантичность, "воля к правдивости", совесть и др.

Соблюдение принципа объективности является обязательным условием научной состоятельности исторической работы, залогом признания ее ученым сообществом. Обязанность быть объективным должна сопутствовать всей деятельности историка — от сбора источников до теоретических обобщений. Образцом объективности в историографии можно назвать древнегреческого историка Фукидида, а в современной науке — Леопольда фон Ранке. По оценке В.П.Бузескула, "насколько вообще можно историку отрешиться от своих сим-

²²⁹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.242.

патий и антипатий при изложении явлений прошлого, настолько сделал это Ранке"²³⁰. Однако "школу Ранке" нередко и не без оснований упрекают в объективизме, понимая под последним стремление исключить всякие оценки в современном духе, демонстрацию общественной индифферентности и преклонения перед фактом. Вероятно, исторической науке в равной мере противопоказана как политическая ангажированность, так и крайности объективистского подхода.

В историческом творчестве принцип объективности сочетается с ценностным подходом к прошлому, что усложняет проблему получения объективно истинного знания.

3. Ценностный подход в истории

Вопрос о ценностном подходе является весьма важным, но и дискуссионным в методологии истории. Поскольку объектом исторического исследования выступает прошлое человеческого общества, то научное его изучение будет обязательно включать в себя определенное отношение ученого к предмету исследования. Как указывают российские философы А.М.Коршунов и В.Ф.Шаповалов, "данное отношение отражает ценностный подход к объекту и выражается в оценочных суждениях"²³¹. В историографической практике историк постоянно пользуется понятиями (прогрессивный, либеральный, демократический и пр.), с помощью которых он высказывает свои оценки изучаемых явлений. Но оценками дело не исчерпывается: ценностный подход представляет из себя своеобразный способ познания.

В процессе научного познания ученый прибегает к двум основным способам освоения объекта исследования: *научно-познавательному (логическому)* и *ценностно-ориентационному*. Первый господствует в естествознании, второй характерен для социальных наук.

²³⁰ Бузескул В.П. Исторические этюды. - СПб., 1911. С.183.

²³¹ Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. - М.: МГУ, 1984. С.66.

Научно-познавательный подход имеет целью открытие законов функционирования объекта, подведение различных явлений под общие понятия, и в той мере, в какой эта задача стоит перед историей, он ей необходим. Однако логический метод познания не исчерпывает задач и целей исторической работы.

В объекте, кроме всего прочего, историка интересуют индивидуальное, выделение и оценка которого связаны с разделяемой ученым системой ценностей. Поэтому *ценностный* подход существует объективно и основывается на необходимости получения двух типов информации об объекте: научной и ценностной²³². От оценочной деятельности историка прямо зависят результаты исследования.

Проблема ценностного подхода в исторической науке встала со всей остротой на рубеже XIX и XX вв. Инициатором ее разработки была баденская школа неокантианцев в Германии. Согласно выдвинутой ими теории, история использует особый аксиологический метод познания, который противостоит генерализирующему методу естествознания. Оперировав с категорией ценности, Г.Риккерт пытался осмыслить весь комплекс методологических проблем истории. Только "точка зрения ценности", по его мнению, позволяет отграничить историю от наук о природе и одновременно придать ей научный характер, наделить историка критерием отбора и построения материала²³³.

Неокантианцы заявляли, что существуют определенные общепризнанные достижения культуры, которые составляют безусловные ценности для человеческого бытия. Среди них назывались ценности религии, государства, права, нравственности, искусства, науки.

²³² См.: Рамазанов С.П. Проблема ценности в историческом исследовании и специфика исторической науки // Социальные проблемы науки, образования, воспитания.- Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977. С.152.

²³³ См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер с нем. Спб., 1911. С.53; 139-140; Его же. Философия истории / Пер. с нем. Спб., 1908. С.52, 119.

Г.Риккерт объявил эти ценности не просто всеобщими, а трансцендентными. Ценность, писал он, это "смысл, лежащий над всем бытием"²³⁴. Сущность аксиологического метода, по мнению немецкого философа, заключается в отнесении изучаемых объектов к тем или иным ценностям, благодаря чему и производится отбор объектов и их оценка²³⁵.

Стремясь избежать обвинения в субъективизме отстаиваемого им метода, Г.Риккерт противопоставил практическую оценку в истории, которой следовало бы избегать, чисто теоретическому отнесению к ценности²³⁶. Однако изгнать эту оценку из историографии ученому, конечно, не удалось.

Работа с ценностным подходом была продолжена. Как отмечал В.М.Хвостов, "самые представления о ценностях далеко еще окончательно не установились, находятся в процессе развития, а потому при применении этого метода всегда будут субъективные различия между отдельными историками"²³⁷.

В позитивистской историографии аксиологический метод подвергся жесткой критике. Позитивисты не увидели в ценности объективного содержания и отрицали это понятие как препятствующее историку постигнуть объективную истину. Так, румынский теоретик А.Д.Ксенополь призывал историков "воздерживаться от всякой оценки и строго ограничиваться установлением фактов сообразно действительности, с указанием их причин"²³⁸.

Неоднозначные суждения о месте ценностного подхода в истории высказываются и в современной науке. Необъективисты полагают, что именно ценностные

²³⁴ Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии. Сб. VII. - Спб., 1913. С.46.

²³⁵ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. Спб., 1911. С.142-143.

²³⁶ Риккерт Г. Философия истории. / Пер. с нем. - Спб., 1908. С.55.

²³⁷ Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. - М., 1914. С.303-304.

²³⁸ Ксенополь А.Д. Понятие "ценности" в истории. - Киев, 1912. С.20.

суждения определяют специфику исторического познания²³⁹. Понятие ценности того или иного исторического факта рассматривается ими в качестве критерия его отбора. В частности, А.Стерн подчеркивает, что "избирательные принципы, в соответствии с которыми историк выделяет определенные факты и воссоединяет их с другими, зависят от категорий, которые он использует, стандартов ценностей, принятых им, и в конечном анализе — от его историографического проекта". Последний же "отражает господствующие тенденции своей эпохи"²⁴⁰.

Стремясь к достижению объективности, ученые-неообъективисты выступают за максимально возможное исключение из исторического исследования современной ценностной системы²⁴¹, поскольку не видят возможности создания объективного критерия оценки²⁴². Отсюда их призыв не судить, а понимать историю. Но это не означает, что историку навязывается модель объективности в ранкеанском духе.

По словам американского историка Т.Хаскела, "объективность не есть нейтральность", она совместима с политическими обязательствами историка при условии, что политические приоритеты подчинены интеллектуальным²⁴³.

Диаметрально противоположны подходы к рассматриваемой проблеме в марксистской философско-исторической литературе. Одни авторы (Б.Ф.Поршнева, М.С.Козлов, болгарские философы Н.Стефанов, С.Качаунов и др.), защищая принцип партийности, утверждали, что с введением категории ценности в историографическую практику вносится элемент субъективизма

²³⁹ См.: *Marvich A. The Nature of History.* - N.-Y., 1971. P.129-130

²⁴⁰ *Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values.*- The Hague; Mouton and Co., 1962. P.74.

²⁴¹ См.: *Commager H.S. The Nature and Study of History.*- Columbus, Ohio, 1966. P.68-71.

²⁴² См.: *Carr E.H. What is History?* - L., 1962. P.33.

²⁴³ См.: *Haskell T.L. Objectivity is not Neutrality /History and Theory.* Vol. 29. 1990. № 2.

и неправомерно вообще ставить вопрос о специфике исторического познания. Другие (А.В.Гулыга, И.Д.Ковальченко, Б.Г.Могильницкий) настаивали на существовании в истории аксиологических суждений, но не видели самостоятельного значения ценностного подхода, подчиняя его "принципу партийности" в науке.

Между тем категория ценности реально функционирует в историографической практике. На это обращают внимание такие исследователи, как А.М.Коршунов, С.П.Рамазанов, В.Ф.Шаповалов. По своей природе ценности объективны. Они представляют из себя определенные явления действительности, имеющие положительное значение для личности, социальной группы либо общества в целом. Они многообразны и могут выступать как в материальной, так и духовной форме. В социальном познании ведущая роль отводится ценностям политическим, правовым, нравственным, эстетическим и др., т.е. отражающим специфическую культурную деятельность человечества. Очевидно, что они выступают как продукт практической деятельности человека в различных ее формах.

Связь с практикой определяет исторический характер ценностей. Они неодинаковы у разных культурных групп, государственных образований, классов, партий и т.д., возникают и преобразовываются либо исчезают вместе с ними. Однако в силу того, что при всех изменениях в психике человека, в его мировоззренческих установках сохраняется определенная устойчивость качеств, свойственных ему от природы. Поэтому в содержании ценностей имеется элемент общечеловеческого, отражающий коренные интересы человеческого бытия. В противном случае история непознаваема.

Нельзя не учитывать того обстоятельства, что значимое в истории не всегда составляет ценность или, напротив, может выступать как препятствие на пути реализации культурных ценностей. Например, поступок Герострата, поджегшего храм Артемиды в Эфесе, значим, но его нельзя принять, как и проигнорировать. В любом случае, признаем ли мы за явлением положи-

тельное или отрицательное значение, мы анализируем его путем отнесения к ценностям, т.е. через оценку.

Оценка представляет из себя волевое отношение нашего "я" к рассматриваемому объекту, это — средство осознания его значимости для человека. По содержанию она характеризуется актом логического выбора, предпочтения субъектом определенных объектов, их свойств, отношений. Она предполагает сравнение с идеалом, нормой²⁴⁴. Оценка по своей природе субъективна, поскольку связана с той или иной системой ценностей и определенным исследователем.

Важнейшая *гносеологическая функция* оценочных суждений в исторической науке заключается в том, что посредством их объект познания — прошлое — рассматривается как явление значимое для современной деятельности. "Каждая эпоха, — указывал В.М.Хвостов, — вообще интересуется теми сторонами истории, которые играют наибольшую роль в ее собственной жизни, теми событиями, которые имеют отношение к наиболее дорогим для нас культурным ценностям"²⁴⁵. Поэтому неизбежны предпочтения в выборе предмета изучения, увлечения определенными историческими личностями, фактами и т.д.

Огромное значение ценностный подход имеет при отборе исторических фактов. С точки зрения научного подхода значение того или иного факта прошлого определяется его местом в причинно-следственном ряду, его ролью в выведении закона исторического развития либо в образовании общего понятия. Однако сразу же встает вопрос, какой философии истории придерживается исследователь. Будет он искать прогресс, регресс, исторические циклы или вообще не усматривает смысла в мировой истории. Уже в научном подходе, в "подведении под закон" можно усмотреть связь с ценностным суждением.

²⁴⁴ Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. - М.: МГУ, 1984. С.72.

²⁴⁵ Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. - М., 1914. С.303.

Однако интерес историка никогда не ограничивается общим. Отбор же индивидуального непосредственно связан с *аксиологическим методом*. Такой отбор предполагает предпочтение исследователем тех фактов прошлого, которые связаны с разделяемыми им культурными ценностями, причем значение объекта возрастает по мере роста его индивидуальности.

В реальной историографической практике можно наблюдать несовпадение ценности индивидуальности и ее исторического влияния в смысле серьезного воздействия на последующий ход событий. Например, подруга Перикла Аспазия по своему положению не играла существенной роли в судьбах афинской демократии, но, благодаря личностным качествам и собранным в ее кружке ярким и талантливым людям, она постоянно привлекает внимание историков.

Так или иначе, научный и ценностный подходы тесно взаимосвязаны и дополняют один другого, давая исследователю возможность избегать субъективизма в отборе фактов. "Лишь комбинируя понятия о ценности и о действительности индивидуального, — указывал А.С.Лаппо-Данилевский, — историк получает основание признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов"²⁴⁶.

Комбинирование исследователем научного и ценностного подходов облегчается тем, что в истории всеобщие ценности — *наука, нравственность, искусство, семья, церковь* и пр. — оказываются и общими понятиями. Таким образом, ценностный подход позволяет дополнить установленную связь фактов в эволюционном процессе их значимостью для человечества.

Однако оценочное суждение базируется не только на всеобщих ценностях, но и ценностных ориентациях конкретной нации, классов, политических партий, конфессий и т.д. Воздействие последних на исследова-

²⁴⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1. Ч.1-2.-СПб., 1910. С.238-239.

тельскую практику с трудом поддается контролю. Оно может быть и бессознательным выражением жизненной позиции ученого, и его принципиальным мнением.

Так, историки-марксисты напрямую связывали ценность исследования с классовой позицией. А некоторые современные исследователи призывают пересмотреть историю с национальной точки зрения, с позиции интересов своей нации. Нельзя не видеть опасности такого рода принципиальных установок для научной историографии. Поэтому ценностный подход не должен доминировать в исследованиях, а субъективно-индивидуальная точка зрения имеет право на существование только при соблюдении принципов историзма и объективности.

С ценностным подходом связана реализация некоторых социальных функций истории, в частности, социальной памяти, воспитательной и политико-идеологической. Оценка социально значимой деятельности историка определяется тем, как он способствует формированию важнейших ценностных ориентаций субъекта в окружающем мире, выработке самосознания личности, поколения, класса, нации, воспитанию достойных нравственных качеств у молодежи, уважительного отношения к наследию прошлых поколений и т.д.

ГЛАВА 6. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

1. Общенаучные методы и их место в историческом исследовании

Для решения конкретных задач в различных науках, в том числе истории, используются специальные методы исследования, которые базируются на *философских и общенаучных*.

Общенаучные методы в отличие от философских охватывают лишь определенные аспекты научно-познавательской деятельности, являясь одним из средств решения исследовательских задач.

К общенаучным методам относятся:

- общие приемы (обобщение, анализ, синтез, абстракция, сравнение, моделирование, индукция, дедукция и др.);

- методы эмпирического исследования (наблюдение, измерение, эксперимент);

- методы теоретического исследования (идеализация, формализация, мысленный эксперимент, системный подход, математические методы, аксиоматический, методы восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, исторический, логический и др.).

Развитие научного познания привело к появлению *новых общенаучных методов*. К их числу относятся системно-структурный анализ, функциональный анализ, информационно-энтропийный метод, алгоритмизация и др.

В познавательной деятельности все эти методы находятся в диалектическом единстве, взаимосвязи, дополняют один другого, что позволяет обеспечивать объективность и истинность познавательного процесса.

Роль, которую общенаучные методы играют в процессе познания, различна. Это во многом определяется характером их функционирования. Некоторые ме-

тоды применимы как на эмпирическом, так и теоретическом уровнях исследования, и их можно рассматривать как конкретные средства реализации задач в познавательном процессе. Действие же других (исторический и логический методы, восхождение от абстрактного к конкретному и наоборот) возможно только в процессе теоретического познания общественных явлений, что обуславливает их ведущую роль в этом процессе.

Общенаучные методы позволяют рассматривать движение исторических объектов в пространстве. Здесь преобладает анализ синхронных, одновременно идущих процессов. Структура и функции объектов рассматриваются в статике, без отношения к их историческому развитию. Чаще всего общенаучные методы употребляются при системно-структурном анализе этих объектов. Исторические методы, наоборот, применяются при исследовании изменений, происходящих в объектах во времени. Нередко общенаучные и исторические методы комбинируются, и тогда общественные системы изучаются комплексно, т.е. структура и функции системы объясняются через их историческое развитие, а история исторических объектов или их групп — через их структуры и функции.

Одними из важнейших общенаучных методов в познавательной деятельности выступают *исторический и логический методы*, существующие в диалектическом единстве и противоположности²⁴⁷.

Историческое — это процесс становления и развития объекта. Однако исторический метод не сводится к простому воспроизведению временной последовательности в развитии объекта, а означает рассмотрение объективной диалектики генезиса объекта и результата его развития.

Логическо-теоретическое — воспроизведение развитого и развивающегося объекта во всех его существенных закономерных связях и отношениях. Соответст-

²⁴⁷ См.: Логические методы и формы научного познания. - Киев: Вишня шк., 1994; Французова Н.П. Исторический метод в научном познании. - М.: Мысль, 1972.

венно *логический метод* представляет собой способ воспроизведения исторически развивающегося объекта как результата определенного процесса, в ходе которого сформировались необходимые условия его дальнейшего существования в качестве устойчивого системного образования.

Временная последовательность в истории может быть раскрыта при помощи логического метода. Однако она не является ориентиром для теоретического анализа. Это несовпадение обусловлено тем, что далеко не все явления, выступающие в качестве факторов генезиса системы, входят в необходимые условия для ее воспроизводства на этапе развития. Многие из них устраняются в ходе исторического процесса. Временная последовательность исторических явлений не всегда предопределяется процессом формирования того или иного исторического образования.

Развитие общественных процессов познается посредством применения в единстве как исторического, так и логического методов. Другое дело — объекты естественных наук. Не все они могут быть изучены в развитии. Поэтому наиболее действенным в их познании является лишь логический метод²⁴⁸.

Признание всей важности исторического метода в изучении социальных явлений прошлого наводит некоторых исследователей на мысль о малозначимости логического метода в историографии. Однако необходимо помнить, что наиболее глубокое познание природы тех или иных объектов исторической действительности может быть достигнуто лишь на основе предварительного анализа их структуры и функций в определенных временных срезах. Поэтому изучение истории, особенно когда оно касается сложных явлений и процессов, лишь на основе исторического подхода оказывается недостаточным. Необходимым условием научного исследования и в данном случае является привлечение логического метода.

²⁴⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.142.

Большое значение в научно-исследовательской деятельности отводится методам *восхождения от конкретного к абстрактному и восхождения от абстрактного к конкретному*. Категория «конкретное» выражает познаваемую историком объективную реальность во всем многообразии присущих ей черт, свойств, взаимосвязей и закономерностей. Конкретно-теоретическое знание характеризует объект в единстве сущности и явления, т.е. в сочетании его многообразных форм выражения и внутреннего содержания.

Переход к абстрактному, или *абстрагирование*, — это мысленное отвлечение от некоторых свойств конкретного, выделение в изучаемом объекте отдельных, особенно интересующих исследователя черт. «Абстрактное» в научном познании — это неполное (в смысле конкретности) знание о познаваемой реальности. Однако при всех отвлечениях от объективно-конкретного абстракция непременно должна отражать те или иные существенные свойства рассматриваемых явлений и процессов.

Для выявления сущности используется теоретико-логический прием восхождения от конкретного к абстрактному²⁴⁹. Процесс абстрагирования достигается посредством таких методологических приемов, как *отвлечение, отождествление и идеализация*.

При осуществлении *процедуры отвлечения* выделяется набор показателей, которые раскрывают свойства, реально присущие объекту. Затем на основе этого формируются общие понятия в группе сходных объектов. В ходе такой индукции отбираются существенные признаки объектов из всей их совокупности и проверяется их репрезентативность, если источники содержат ограниченный набор признаков по определенной группе объектов.

Отождествление нетождественного состоит в упрощении исторических объектов в процессе их исследо-

²⁴⁹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.145-154.

вания. Им приписываются те черты, которыми они обладают в небольшой степени или вообще не обладают. Этот прием неизбежен, поскольку признаки многих исторических объектов имеют «размытый», количественно не выраженный характер. В научных исследованиях такой подход широко используется при измерении количественных признаков изучаемых объектов в их историческом развитии, при их классификациях и типологизациях.

Классификация и типологизация представляют собой приемы, которые позволяют выделять классы и группы сходных исторических объектов, а также их различные типы. Это выделение, как правило, происходит на основе одного или нескольких признаков и поэтому не охватывает всего их многообразия. Исключение составляют классификации, проведенные методом многомерного статистического анализа, при котором исторические объекты включаются в определенную группу на основании использования целого набора их признаков.

В процессе научного исследования возникает необходимость применения *идеализации*. Научная теория, будучи системой абстрактных понятий, представляет собой идеализированное отображение объективной действительности. Ее понятия и утверждения описывают не сами явления и процессы материального мира, а те свойства, которые получены искусственным путем, т.е. в процессе идеализации.

Идеализация — это особая форма мыслительной деятельности, когда в процессе изучения проблемы мысленно формируются объекты с определенными идеальными свойствами. Наделение исторических объектов признаками доводится до предела и становится абсолютным или идеальным. Эта абсолютность свойств идеального объекта переносится на действительность. Таким образом, посредством идеализации удастся раскрыть сущность изучаемой реальности в ее абстрактном, очищенном от конкретики виде. На этой основе определяются закономерности функционирования и разви-

тия исторических объектов, строятся их качественные и формально-количественные модели.

Восхождение от абстрактного к конкретному — это метод познания, позволяющий перейти от ограниченного знания, полученного посредством восхождения от конкретного к абстрактному, к более полному, конкретному теоретическому знанию. Знание, полученное в результате такого восхождения, выступает в форме научных понятий, законов и теорий, характеризующих сущность исследуемой реальности в единстве с выражающими ее явлениями.

Восхождение от абстрактного к конкретному — наиболее высокий уровень теоретического познания. Не все области современной науки дошли до такого уровня. Его достижение является важнейшей целью научного познания²⁵⁰.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному — это своего рода дедуктивный метод, тогда как восхождение от конкретного к абстрактному — индуктивный.

Индукция представляет собой логический прием выведения общих суждений на основе ряда частных наблюдений. Он служит средством получения предположительных суждений-гипотез, которые затем проверяются и обосновываются. В ходе индукции, когда в ряде частных случаев проявляется повторяемость свойств или отношений исторических объектов, строится цепь единичных суждений, которая подтверждается этой повторяемостью. Если при этом отсутствуют противоречащие схеме факты, то подобная цепь становится основанием для более общего заключения (индуктивной гипотезы).

Индукция тесно связана с дедуктивным методом, и обычно они применяются в комплексе.

В основе *дедукции* лежит переход от общих положений к частным и выведение частного и единичного из общего. К ней постоянно прибегают в процессе познавательной деятельности. Посредством дедукции осу-

²⁵⁰ Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории. - М: Политиздат, 1985. Гл.4.

ществляется применение любого общего положения (закона) к частному факту. Она активно используется при обосновании выдвигаемых гипотез. Единичные исторические факты можно считать объясненными, если они включены в определенную систему понятий, из которой их можно получить дедуктивным путем.

Дедуктивный метод лежит в основе формирования научных теорий. С его помощью осуществляется схематизация и идеализация структуры практической деятельности.

Если индуктивный метод необходим при накоплении материала, то дедуктивный — в познавательном процессе теоретического характера. Применяя метод дедукции к накопленному материалу, можно получить новое знание, далеко выходящее за границы установленных эмпирических фактов.

Важное значение для исторической науки имеет *метод моделирования*. Это — исследование объектов познания на основе их моделей, воспроизводящих или отражающих эти объекты. Фундаментом метода является теория подобия. По характеру моделей различается предметное и знаковое (информационное) моделирование²⁵¹.

Предметным моделированием называется исследование по моделям, воспроизводящим геометрические, физические, динамические или функциональные характеристики объекта-оригинала. Основанием для такой операции служит аналогия.

При знаковом моделировании в качестве моделей выступают схемы, формулы, таблицы и т.д. Важнейшим его видом считается математическое моделирование, воспроизводимое выразительными и дедуктивными средствами математики и логики.

Модель — это созданная или выбранная исследователем система, которая воспроизводит с определенной

²⁵¹ См.: Уемов А.Н. Логические основы метода моделирования. - М.: Мысль, 1971; Глинский Б.А. Моделирование как метод исследования социальных систем: Автореф. дис. на соиск. ученой степени д-ра философ. наук. - М., 1978.

целью существенные стороны изучаемого объекта и находится с ним в такой степени замещения или сходства, что ее исследование служит опосредованным способом получения знания об этом объекте. Модель представляет собой абстрагированное выражение его основной сущности, т.е. его аналогом.

Обращение к модели особенно важно при изучении сложных систем. Оно расширяет знание о свойствах, функциях и развитии объекта моделирования. Анализ теоретически допустимых параметров модели дает представление о диапазоне возможных состояний рассматриваемых объектов (явлений или процессов). Математическая обработка модельной системы количественных показателей, характеризующих их конкретное состояние, позволяет получить новую, явно не выраженную в исходных данных (структурно-скрытую) информацию о них.

Моделирование обычно применяется вместе с другими общенаучными и специальными методами. Чаще всего его связывают с экспериментом. В исторических исследованиях могут использоваться следующие виды модельного эксперимента:

- моделирование социальных явлений на физических моделях (только изоморфных, т.е. взаимнооднозначных с объектом);
- моделирование социальных явлений на биологических моделях (аналоговых и изоморфных);
- моделирование социальных явлений на социальных моделях (подобных и аналоговых)²⁵².

Модель может быть построена на основе эмпирического анализа исторических событий и явлений. Она несомненно содействует переходу от эмпирического знания к теоретическому. Однако наиболее ценной является модель, построенная для изучения явлений или процессов как определенных систем. Такое моделирование основывается на дедуктивном подходе к исторической реальности. Вначале используется метод

²⁵² Каракозова Э.В. Моделирование в общественных науках. Философско-методологические проблемы. - М.: Высш. шк., 1986.

восхождения от абстрактного к конкретному, а затем осуществляется переход от конкретного к абстрактному. При этом конкретизация может быть сколь угодно детальной. В итоге глубоко раскрывается то общее и особенное, что присуще изучаемым объектам, явлениям и процессам.

Такой подход возможен, когда теоретический уровень познания исторических объектов позволяет сконструировать их абстрактную сущностно-содержательную модель. Такая возможность имеется далеко не всегда. Но изучение многих исторических явлений вполне достигло такого уровня. И тогда наиболее эффективным может оказаться математическое моделирование²⁵³.

Математические методы на уровне моделирования могут применяться и при формировании системы количественных показателей. Это важно как для проверки достоверности и точности количественных и описательных сведений исторических источников и оценки их репрезентативности, так и для решения других информационно-источниковедческих задач.

Широкое применение в историческом исследовании получил общенаучный метод *системного подхода*²⁵⁴. В его основе лежит изучение объектов как систем, что позволяет раскрыть их сущностную природу и принципы функционирования и развития.

Данный метод предполагает создание некоторого количества упрощенных моделей, имитирующих или заменяющих (в определенном отношении) исходную систему. Такие модели должны допускать адекватный обратный переход к исходному моделируемому объекту

²⁵³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.362.

²⁵⁴ См.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. - М.: Наука, 1973; Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. - М.: Мысль, 1978; Ракитов А.И. Историческое познание. - М.: Изд-во полит. лит., 1982. С.64-69; Авсряннов А.И. Системное познание мира. Методологические проблемы. - М.: Политиздат, 1985; Коган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

без потери информации, существенной для его понимания.

Системный подход не существует в виде строгой методологической концепции: он выполняет свои эвристические функции, оставаясь совокупностью познавательных принципов, основной смысл которых состоит в соответствующей ориентации конкретных исследований. Поэтому такой подход требует применения различных общенаучных методов, в т.ч. таких, как восхождение от абстрактного к конкретному, логический, дедуктивный, а также количественных методов.

Специфическими методами системных исследований являются структурный и функциональный анализы, направленные на изучение структуры систем и выявление их функций. Всестороннее познание любой системы требует рассмотрения ее структуры и функций в органическом единстве, т.е. структурно-функционального анализа.

Общенаучные методы как таковые необходимы на теоретическом уровне исторической науки. Применительно же к конкретным историческим ситуациям их используют с целью разработки специально-исторических методов, для которых они служат логической основой.

2. Традиционные специально-исторические методы

Специально-исторические методы исследования представляют собой различное сочетание общенаучных методов, адаптированных к особенностям исследуемых исторических объектов. Их можно подразделить на две большие группы: традиционные и нетрадиционные.

К числу традиционных специально-исторических методов историки относят метод классового анализа, широко используемый в СССР, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, диахронического анализа. Неко-

торые исследователи включают сюда и ретроспективный метод.

В целях наиболее эффективного применения этих методов вырабатываются соответствующие правила и процедуры, называемые исследовательской методикой, и необходимые инструментальные средства — техника исследования.

Традиционные методы получили свое развитие в процессе становления истории как науки - в эпоху Просвещения (XVIII в.). В XIX в. — «веке истории» — они уже довольно активно использовались в исторических исследованиях. Однако в 20-е — 30-е гг. XX в. обнаружилась недостаточность традиционных методов для изучения исторических объектов. Это проявилось в кризисе исторической науки. Его пытались преодолеть французская школа «Анналов», американская школа психоанализа, квантитативная история и другие направления.

В исторической науке начинают использоваться междисциплинарные связи. В результате был потеснен метод классового анализа, хотя он оставался основным в советской историографии, и расширилась методология исторического исследования. Произошло обогащение и уточнение границ традиционных специально-исторических методов. Появились и стали активно внедряться количественные (математические) методы и компьютерные технологии изучения исторической реальности. Известное распространение получили также социально-психологические методы.

Длительный период времени историческая наука в СССР и некоторое время в ряде других стран стояла на позициях *классового подхода*. К нему впервые обратились представители английской политической экономики А.Смит и Д.Рикардо. Они считали, что в зависимости от формы и источника дохода люди делятся на три основных класса: землевладельцев, получающих ренту, рабочих, получающих заработную плату, и капиталистов, получающих прибыль с капитала. Смит и Рикардо признавали противоречия между классами в сфере распределения доходов, но выступали за «гармонию инте-

ресов» между всеми классами.

Однако иную трактовку появления классов дали К.Маркс и Ф.Энгельс. Существование классов К.Маркс связывал с возникновением частной собственности и определенными фазами в историческом развитии общества. Ф.Энгельс подчеркивал, что вместе с постепенным ростом производительных сил «сгустившееся население создает в одном месте одинаковые, в другом — различные интересы между отдельными общинами, что... вызывает, в свою очередь, новое разделение труда и органов для охраны общих и защиты спорных интересов. Эти органы... вскоре получают еще большую самостоятельность... Эта самостоятельность общественных должностей усилилась со временем до господства, ... отдельные личности, достигшие господства, слились в целые господствующие классы»²⁵⁵. Таким образом, Ф.Энгельс, наряду с экономическими, выделял и политические предпосылки образования классов. К.Маркс и Ф.Энгельс утверждали, что «история всего предшествующего общества есть история борьбы классов». Классовая борьба была объявлена ими движущей силой развития общества ²⁵⁶.

Ортодоксальное определение классов, принятое в советской историографии, дал В.И.Ленин: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» ²⁵⁷.

Эти положения К.Маркса, Ф.Энгельса, В.Ленина были положены в основу метода классового анализа исторической действительности, утвердившегося в исторических исследованиях в СССР. Одним из первых

²⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.23-78.

²⁵⁶ Там же. Т.28. С.427.

²⁵⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С.15.

классовый анализ применил известный русский и советский историк М.Н.Покровский в работе «Русская история с древнейших времен». Любое общественное явление в экономической жизни рассматривалось в ней сквозь призму классовой борьбы и ему давалась аналогичная «классовая» характеристика ²⁵⁸.

Классовый подход предполагал трактовку исторического процесса как последовательную смену общественно-экономических формаций со «своими» способами производства (первобытно-общинным, рабовладельческим, феодальным, капиталистическим, социалистическим). Эта схема использовалась вплоть до начала 90-х гг., хотя и обнаружилось зачастую, что многообразие человеческой истории не вписывается в ее жесткие рамки.

Классовый подход в марксистском понимании стал разделяться историографией стран, где у власти стояли коммунистические партии. В то же время в мировой исторической науке появились иные толкования классов и классовой борьбы, влиявшие на историографические концепции.

Английский социолог Г.Спенсер рассматривал классы по аналогии с органическим миром. Высшие слои осуществляют контроль и регулирование, низшие — обрабатывают продукты и создают товары, а средние (торговцы) — выступают посредниками между ними.

Немецкий марксист К.Каутский полагал, что основными признаками деления людей на классы являются величина дохода и различные источники распределения доходов. Он был основоположником так называемой распределительной теории.

Некоторые ученые исповедовали «крайние» теории возникновения классов, считали основной причиной их появления либо расовое единство, либо отношения господства и подчинения, либо биологическую ценность людей. Представители семантики полагают, что классовые различия проявляются в различном упот-

²⁵⁸ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т.1-2. - М., 1910-1912.

реблении слов и языковых понятий, а классов как таковых в действительности не существует.

В зависимости от различного понимания сущности классов, роли и места классовой борьбы в развитии общества исследователи по-разному применяют метод классового анализа. Однако в любом случае его использование ограничено. Если он, в определенной мере, применим к анализу таких макросоциальных единиц, как классы, то фактически не может использоваться по отношению к более мелким социальным структурам (семья, род, внутриклассовые группы и т.д.). Кроме того, в марксистской традиции взаимоотношения между классами обычно представляются антагонистическими, что уже само по себе суживает применение метода.

Историко-генетический метод — метод, посредством которого изучаются исторические явления в процессе их развития, от зарождения до гибели или современного состояния. По своей логической природе этот метод является аналитически-индуктивным (восхождение от конкретных явлений и фактов к общим выводам), а по форме выражения информации — описательным. Он дает «биографию» исторического объекта (государства, нации и т.д.).

Историко-генетический метод направлен на анализ динамики исторических процессов. Он позволяет выявлять их причинно-следственные связи и закономерности исторического развития. Поэтому этот метод непригоден для характеристики статики или инвариантных элементов исторической реальности. Историки, использующие его, могут учитывать только изменения, происходящие в исторических объектах, и не улавливают уровня их независимости и устойчивости. В результате может быть проигнорировано то обстоятельство, что в истории (например, в традиционных обществах Востока) происходили и такие количественные изменения, которые неизбежно приводили к возникновению нового качественного состояния.

При использовании историко-генетического метода большое внимание уделяется описанию конкрет-

ных исторических фактов и событий. Особенно этим увлекались историки-романтики Т.Карлейль, И.Лелевель, Т.Нарбут. Страницы их произведений иногда напоминают исторические романы. То же самое можно сказать об ученых-неокантианцах. В частности, Г.Риккерт, В.Виндельбанд, А.С.Лаппо-Данилевский придавали особое значение раскрытию единичных и неповторимых явлений в истории.

Г.Риккерт в качестве главного метода истории выделил *идеографический (описательный) метод*. В противоположность ему в естествознании он называл номотетический метод, который позволяет устанавливать законы и делать обобщения. Сущность идеографического метода Г.Риккерт сводил к описанию индивидуальных особенностей, уникальных и исключительных черт исторических фактов, которые формируются ученым-историком на основе их «отнесения к ценности»²⁵⁹. По его мнению, история индивидуализирует события, выделяя из их бесконечного множества т.н. «исторический индивидуум», под которым понималась и нация, и государство, отдельная историческая личность:

Историко-генетический метод близок к идеографическому методу неокантианцев, особенно при его использовании на первом этапе исторического исследования, когда происходит извлечение информации из источников, ее систематизация и обработка. Тогда внимание исследователя сосредоточивается на отдельных исторических фактах и явлениях, на их описании в противовес выявлению черт развития.

Использование историко-генетического метода характерно уже для «Истории Рима от его основания» Тита Ливия. С его применением написаны обобщающие труды С.М.Соловьева и В.О.Ключевского по российской истории, М.С.Грушевского по украинской, М.В.Довнар-Запольского по белорусской. Историко-генетический метод широко внедряли историки-позитивисты Э.Литтре, Ж.Э.Ренан, Л.фон Ранке и др.

²⁵⁹ Риккерт Г. Философия истории. - Спб., 1908. С.28-29.

Примером использования историко-генетического метода могут быть работы российских историков А.И.Неусыхина и В.К.Шохина. На основе этого метода А.И.Неусыхин исследовал структуру и стадии развития общин у различных племен и народов Западной Европы VI-VIII вв.²⁶⁰. Автор проследил превращение одних, более ранних форм общин в другие, более поздние ее формы, а в связи с этим и процессы появления различных форм общинной и семейно-индивидуальной собственности на орудия и средства производства. Изучение этих процессов позволило констатировать, что возникновение неравенства внутри общины и выделение в ней различных социальных групп способствовало превращению большинства ее членов в феодально-зависимых крестьян.

Индолог В.К.Шохин подверг анализу связи русской культуры XI — середины XV вв. с древнеиндийской²⁶¹. В результате трансплантации в культуру Руси восточно-средиземноморских текстов, связанных с культурой Индии, подчеркивает историк, отечественная письменность обогатилась древнеиндийскими литературными сюжетами. А постижение древнеиндийских исторических реалий значительно расширило саму перспективу историко-культурного мышления русского книжника.

Слабыми сторонами историко-генетического метода являются, во-первых, снижение роли теоретического анализа собранных и систематизированных исторических фактов, во-вторых, отсутствие четкой логической основы и разработанного категориального аппарата. Это означает, что исследования, выполненные с его помощью, невозможно свести воедино и создать на их основе целостную картину исторической реальности. Следовательно, данный метод фактически не подходит

²⁶⁰ Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв. - М.: АН СССР, 1956.

²⁶¹ Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси (XI-XV вв.). - М.: Наука, 1988.

к изучению ряда исторических явлений и процессов, например, массовых. Его необходимо применять в сочетании с другими специально-историческими методами.

Историко-сравнительный метод состоит в сопоставлении исторических объектов в пространстве и во времени и в выявлении сходства и различия между ними. По мнению И.Д.Ковальченко, логической основой историко-сравнительного метода является аналогия, которая представляет собой познавательную процедуру, состоящую в том, что на основе сходства одних признаков сравниваемых объектов делается вывод о сходстве других²⁶².

Историко-сравнительный метод предполагает использование различных приемов для сравнения сущности разнородных исторических явлений. Относительно широко применяются *сравнительное сопоставление* и *историко-типологическое сравнение*. Первое объясняет сходство или различие в происхождении исторических объектов. Так, при сравнительном сопоставлении отработочной системы помещичьего хозяйства пореформенной России и барщины в эпоху крепостничества видно, что при внешнем сходстве этих двух форм хозяйства первая имела все же черты буржуазной системы. Таким образом, сравнение позволяет при сходных формах увидеть различное содержание²⁶³. Второе сравнение объясняет сходства или различия объектов с одинаковыми условиями генезиса и развития. Применение же сравнения в сочетании с историко-генетическим методом позволяет объяснять сходство объектов их родством по происхождению и фиксировать взаимовлияние различных исторических явлений.

Посредством историко-сравнительного метода исследователь получает дополнительную информацию о малоизученных исторических объектах. Вместе с тем он может выходить на широкие исторические обобщения.

²⁶² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.173.

²⁶³ Там же С.173

Историко-сравнительный метод был известен еще древнегреческим историкам и философам. Его с успехом применял «отец истории» Геродот, сравнивая обычаи и образ жизни греков с традициями персов, египтян, скифов и других народов. Аристотель совместно с Теофрастом описал и сравнил между собой 158 типов государственного устройства греческих полисов. Известно и другое историко-сравнительное сочинение Аристотеля — «Описание негреческих обычаев и установлений», которое, однако, было утрачено.

«Новое дыхание» историко-сравнительный метод получил в историографии нового времени. Его наиболее ревностными сторонниками были французские просветители, которые рассматривали историю как объективный процесс и пытались выделить его наиболее типичные черты и закономерности.

Посредством этого метода Ф. Вольтер раскрыл не только отличительные, но и общие социальные факторы развития стран Запада и Востока, отверг европоцентризм с его пренебрежительным отношением к материальным и духовным достижениям стран Востока, представил историю Китая, Индии, Ирана, арабских народов в сравнении с историей стран Западной Европы²⁶⁴.

Сравнительный анализ дал возможность английскому историку А. Дж. Тойнби выделить в истории человечества двадцать одну цивилизацию²⁶⁵. Классификацию он проводил на основе определенного набора признаков (наличие универсального государства, вселенской церкви и др.).

Путем сравнительного изучения пространственно-хронологических таблиц Л. Н. Гумилев построил оригинальную концепцию, представляющую каждый этнос как организм с присущими ему процессами зарождения, развития и исчезновения. Посредством изучения истории и генезиса этнических образований исследователь

²⁶⁴ Вольтер Ф. Очерк о нраве и духе народов и главных событиях в истории // Избранные произведения. - М.: Гослитиздат, 1956.

²⁶⁵ См.: Тойнби А. Д. Постыжение истории. - М.: Прогресс, 1990.

объяснил причины многих исторических событий²⁶⁶.

Однако данный метод ориентирован на рассмотрение исторических объектов в определенных временных срезах. Поэтому при его применении основное внимание концентрируется на статическом положении объектов в пространстве и во времени, что затрудняет изучение динамики общественных процессов. При этом сравнивать можно лишь однотипные исторические объекты и явления, находящиеся на одной стадии развития, или разнотипные — на разных стадиях. В первом случае выясняется сходство между историческими объектами и явлениями, во втором — различия между ними.

Историко-типологический метод является средством выявления общих черт в пространственных группах исторических событий и явлений и выделения однородных стадий в непрерывно-временном их развитии. Типологизация имеет своей целью систематизацию и упорядочение объектов по присущим им общим признакам, разделение их совокупностей на качественно определенные типы (стадии). Типологизация по форме — это разновидность классификации, а по сути — один из приемов качественного анализа.

При проведении типологизации встречается ряд трудностей. Первая из них состоит в том, что качественная природа типов характеризуется совокупностью признаков. Вследствие этого, кроме сложностей, связанных с выявлением состава этих признаков, возникают проблемы с осуществлением многомерной классификации. Традиционные способы комбинирования и группировок в данном случае оказываются малоэффективными, так как образуется большое число групп, которые нужно затем сводить в определенные типы. Эту трудность можно преодолеть путем применения многомерной интегральной группировки, основанной на многомерном и одновременном учете всех выделенных признаков. А такое применение в свою очередь вызывает необходимость обращения к специальным методам, относящимся к

²⁶⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: ЛГУ, 1989; Его же. География этноса в исторический период. — Л.: Наука, 1990.

многомерному статистическому анализу (см. п.4 этой же главы).

Другая трудность типологизации порождается тем, что объекты, которые отнесены к одному типу, обладают необходимыми чертами, однако в разной мере: одни более характерны для данного типа, другие — менее характерны. Поэтому первые должны квалифицироваться как составляющие ядро типа, а вторые — как его окружение. Следует также учитывать и то, что объекты, входящие в один из типов, могут иметь черты сходства с объектами других типов.

Типологизация, таким образом, представляет собой сложный познавательный процесс, требующий соблюдения ряда методологических принципов. Во-первых, определение основ, исходя из которых выделяются типы качественно определенных объектов или явлений. Во-вторых, выделение типов исходя из учета существенных свойств изучаемой реальности. Вместе с тем эффективность историко-типологического метода проявляется с помощью привлечения таких подходов, как индуктивный, дедуктивный и дедуктивно-индуктивный.

Дедуктивный подход создает возможность отделения каждого отдельного объекта к тому или иному типу. Использование *индуктивного* метода происходит, когда выделение типов и их характерных признаков делается путем анализа эмпирических данных. Сущность *дедуктивно-индуктивного* подхода состоит в том, что определенные типы выделяются на основе сущностно-содержательного анализа рассматриваемого явления, а существенные признаки определяются исходя из анализа эмпирических данных об этих явлениях²⁶⁷.

Использование в науке метода типологизации имеет свою историю. Классические позитивисты О.Конт, Д.С.Милль, Г.Спенсер и их последователи считали, что типы общественных явлений — это обособленные совокупности объектов, сходные по определенным признакам. Поскольку позитивистами отрицалась

²⁶⁷ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.179-182.

возможность познания сущности явлений, типологизация ими сводилась по существу к формальной процедуре классификации объектов. Это вызывало критику позитивизма со стороны неокантианцев. Объективному, хотя и достаточно формализованному, выделению типов последователи И.Канта противопоставляли конструирование исторических типов в мышлении исследователя-историка (концепция «идеальных типов»)²⁶⁸.

Примером использования этого метода может служить приведенная В.И.Лениным схема развития капитализма в России в конце XIX в. Изучение различных стадий капитализма, определение для каждой из них типических свойств дало ему возможность заключить, что генезис капитализма проходил через следующие типические стадии: простая капиталистическая кооперация - мануфактура - фабрика²⁶⁹.

Из современных исследователей, успешно соединивших историко-типологический метод с количественными методами, следует выделить И.Д.Ковальченко и Л.И.Бородкина (см.: п.4 этой же главы).

В настоящее время все более широкое распространение в практике научно-исторического исследования получает *историко-системный метод*. Это связано с попытками углубленного анализа целых общественно-исторических систем, раскрытия внутренних механизмов их функционирования и развития.

Этот метод синтезирует системные элементы, которые содержатся в индивидуальных и неповторимых исторических событиях, исторических ситуациях и процессах. Дело в том, что все исторические события имеют свою причину и функционально взаимосвязаны между собой, т.е. носят системный характер. Даже в простых исторических системах есть многообразные функции, определяемые как структурой системы, так и ее местом в иерархии систем.

Историко-системный метод требует соответствующего подхода к каждой конкретной исторической ре-

²⁶⁸ Вебер М. Избранные произведения.-М.: Прогресс, 1990. С.10-11.

²⁶⁹ Ленин В.И. Полн. соб. соч. Т.3, С.354, 384-386, 455-457.

альности: проведения структурного и функционального анализов этой реальности, изучения ее не как состоящей из отдельных свойств, а как качественно целостной системы, имеющей комплекс собственных черт, занимающей определенное место и играющей известную роль в иерархии систем.

Для проведения системного анализа необходимо вычленение из иерархии исторических реальностей системы, интересующей нас. Этот сложный процесс называется *декомпозицией (выделением) системы*. При ее осуществлении выявляются системообразующие (системные) признаки, обычно несколько из них. Эти признаки взаимосвязаны между собой и определяют структуру данной системы, т.е. выражают ее целостность и устойчивость.

Осуществив процедуру декомпозиции системы, историк-исследователь производит ее структурный анализ. Этот анализ заключается в определении связей элементов системы, а также их основных признаков. Его результатом является непосредственное знание о самой исторической системе.

На следующем этапе — функциональном — раскрывается место системы в иерархии реальностей, изучаются все ее функциональные связи. Функциональный анализ позволяет выявить связи системы с окружающим миром, свойства окружающей среды (других систем и организаций иных уровней), которые определяют природу изучаемой системы.

Одним из первых создателей системно-структурного подхода в исследованиях социальных явлений был К.Маркс, определивший, что структура есть реализация определенных устойчивых отношений²⁷⁰.

Историко-системный метод в исторической науке был применен Л.Н.Гумилевым, который для обоснования своей концепции этноса использовал теорию популяционных систем австрийского биолога Л.Берталанфи, рассматривавшего биологические объекты как орга-

²⁷⁰ См.: *Ракитов А.И.* Историческое познание. - М.: Изд-во полит. лит., 1982. С.73-74.

низованные динамические системы²⁷¹.

Системный анализ в настоящее время активно применяется школами «новой социальной истории» и «новой политической истории» для исследования социальных объектов и политической системы США и других стран. Так, Р.Фогель и С.Энгерман (представители «новой экономической истории») в работе «Время на кресте», посвященной изучению системы рабства на Юге США, показали, что негры внесли определенный вклад в американскую цивилизацию²⁷². А.Д.Силби («новая политическая история») при исследовании ситуации в американском конгрессе пришел к выводу, что на поведение законодателей влияло положение в партии, взаимоотношение между ее членами, а также общая политическая обстановка в стране²⁷³.

• *Диахронический метод* характерен для структурно-диахронического исследования, которое представляет собой особый вид исследовательской деятельности, когда решается задача выявления особенностей построения во времени разнообразных по природе процессов. Его специфика выявляется через сопоставление с синхронистическим подходом. Термины «диахрония» (разновременность) и «синхрония» (одновременность), введенные в языкознание швейцарским лингвистом Ф.де Соссюром, характеризуют последовательность развития исторических явлений в некоторой области действительности (диахрония) и состояние этих явлений в определенный момент времени (синхрония).

Диахронический (разновременный) анализ направлен на изучение сущностно-временных изменений исторической реальности. С его помощью можно ответить на вопросы о том, когда может наступить то или иное состояние в ходе изучаемого процесса, как долго оно

²⁷¹ См: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л.: ЛГУ, 1989.

²⁷² Математические методы в социально-экономическом и археологическом исследованиях. - М.: Наука, 1981. С.391.

²⁷³ Силби Дж.Г. «Делегаты из народа»: Количественные исследования истории поведения американских законодателей // Количественные методы в советской и американской историографии.- М.: Наука, 1983. С.257-296.

будет сохраняться, сколько времени займет то или иное историческое событие, явление, процесс.

С развитием структурализма (К.Леви-Стросс, М.Фуко, Р.Барт) и распространением его методов на области исторического познания расширилась сфера применения диахронического подхода. Изучение исторического развития как смены общественных систем разных уровней, наиболее сложного типа исторических процессов становится возможным при осуществлении структурно-диахронического исследования.

Существует несколько форм данного исследования:

— элементарный структурно-диахронический анализ, который нацелен на изучение продолжительности процессов, частоты разных явлений, длительности пауз между ними и т.д.; он дает представление о важнейших характеристиках процесса;

— углубленный структурно-диахронический анализ, направленный на раскрытие внутреннего временного строения процесса, выделение его стадий, фаз и событий; в истории он используется при реконструкции наиболее значительных процессов или явлений; так, В.И.Ленин применял его при изучении генезиса капитализма в России;

— расширенный структурно-диахронический анализ, который включает в себя предыдущие формы анализа в качестве промежуточных этапов и состоит в выявлении динамики отдельных подсистем на фоне развития систем²⁷⁴.

В области познания социальных явлений примером расширенного структурно-диахронического анализа является «Капитал» К.Маркса, в котором на основе исследования капиталистического способа производства определяются экономические законы развития общества. Другими примерами построения картины глобальных исторических процессов могут быть работы

²⁷⁴ Серов Н.К. Процессы и мера времени (Проблемы методологии структурно-диахронического исследования в современной науке). - М.: Наука, 1974. С.20-22.

Дж.Вико, О.Конта, О.Шпенглера, А.Тойнби, однако их основной недостаток состоит в умозрительности построения систем.

Наибольшее обоснование с фактологической точки зрения получили исследования в социологическом структурализме (К.Леви-Стросс и др.). Российский исследователь Л.Н.Гумилев в своих палеоэтнологических исследованиях миграции показал, что на ход общественной жизни во все исторические периоды значительное влияние оказывают климатические факторы внешней среды²⁷⁵.

Результаты структурно-диахронического подхода могут лишь дополнить исследования с применением генетического, сравнительного, типологического и др. методов. Наиболее близкими для структурно-диахронического изучения являются методы общей теории систем, поскольку при их использовании большое внимание уделяли процессуальной трактовке систем, анализу связей между «системой» и «процессом»²⁷⁶. Однако, являясь частью комплекса разнообразных методов научного анализа, структурно-диахроническое исследование сохраняет право на известную самостоятельность. Это связано прежде всего с тем, что типичные для него проблемы возникают исторически на сравнительно поздних стадиях развития каждой конкретной отрасли науки.

Прием *ретроспективного познания* состоит в последовательном проникновении в прошлое с целью выявления причины данного события. Речь в данном случае идет о первопричине, прямо относящейся к этому событию, а не о его отдаленных исторических корнях. Ретро-анализ показывает, например, что причина отечественного бюрократизма состоит в советском партийно-государственном устройстве, хотя ее пытались находить и в николаевской России, и в петровских преобразова-

²⁷⁵ Гумилев Л.Н. Изменения климата и миграция кочевников // Природа, 1972. № 4.

²⁷⁶ Серов Н.К. Процессы и мера времени (Проблемы методологии структурно-диахронического исследования в современной науке). - Л.: Наука, 1974. С.20-22.

ниях, и в приказной волоките Московского царства. Если при ретроспекции путь познания — это движение от настоящего к прошлому, то при построении исторического объяснения — от прошлого к настоящему в соответствии с принципом диахронии²⁷⁷.

3. Социально-психологический подход

Значительную роль в историческом исследовании играют психологические мотивы, проявляющиеся в двух ипостасях: с одной стороны, субъект исследования (историк), который неизбежно вступает в эмоциональные отношения со своим объектом, с другой — действующие лица истории со своими чувствами, эмоциями, страстями, которые участвуют в экономических, социальных, политических, религиозных и других отношениях, подчиняясь определенным психологическим законам. Поэтому совершенно естественным оказалось возникновение целого направления в историографии, рассматривающего психологические аспекты исторического процесса и использующего психологические методы для исторического объяснения.

Это направление, называемое *психоисторией*, традиционно связывают с выходом в свет в первой половине XX в. работ австрийского врача, невропатолога и психиатра З.Фрейда. С этого времени жанр психобиографий стал популярным в исторических исследованиях. Хотя поиски психологических закономерностей исторического процесса, стремления к «психологизации» истории были известны еще со времен античности. Например, некоторые исследователи считают «Жизнеописания» Плутарха и даже библейские истории первыми попытками психологического изучения лидеров²⁷⁸.

²⁷⁷ Соколов А.К. Лекции по советской истории. 1917-1940. - М.: Мосгорархив, 1995. С.14-15.

²⁷⁸ См.: Мэнюэл Ф.Е. О пользе и вреде психологии для истории // Философия и методология истории.- М.: Прогресс, 1977. С.262-264.

Известный историк Ф.Мэнюэл начинает дофрейдовский этап психологически ориентированной истории с примера использования психологии в «Новой науке» Дж.Вико, а затем в трудах Ж.Мишле, И.Гердсера, Г.Гегеля, В.Дильтея²⁷⁹. Однако большинство ученых придерживается мнения, что эти работы нельзя считать собственно психоисторическими, хотя они, безусловно, стали первоначальной базой для психоисториков. Систематическое применение психологии в исторических исследованиях началось гораздо позже, в середине XX в., когда бурное развитие психологической науки подготовило почву для возникновения психоистории — новой дисциплины, как называют это направление многие его представители²⁸⁰.

Современный период развития психоистории зачастую считают с 1958 г., когда известный психолог Эрик Эриксон опубликовал свою работу «Молодой Лютер: психоанализ и история». Книга Э.Эриксона была названа многими учеными первым убедительным психоисторическим исследованием и все еще остается, пожалуй, самой известной работой в этой области.

Появление потока психоисторической литературы в 50-60-х гг. вызвало большое воодушевление у многих историков и даже вдохновило тогдашнего президента Американской исторической ассоциации В.Лангера на послание под названием «Следующая задача» (1957), в котором он призывал историков к углублению исторических исследований путем использования концепций современной психологии. Начинается организационное оформление психоисторического направления. В 1972 г. возникала группа, выступавшая за использование психологии в истории, а в 1975 г. — Международ-

²⁷⁹ См.: *deMause L. The Independence of Psychohistory // The New Psychohistory.* - New York: The Psychohistory Press, 1975. P.8.

²⁸⁰ См.: *Coles R. Shrinking of History // New York Review of Books*, 1972; *Ranyan W.M. Psychology and Historical Interpretation.* - New York. Oxford: Oxford University Press, 1988; *Stannard D.E. Shrinking of History: On Freud and the Failure of Psychohistory.* - New York. Oxford: Oxford University Press, 1980.

ная Ассоциация и Институт психоистории во главе с известным американским историком Л. де Мозе.

Психоистория не является строго унифицированным направлением. Она скорее представляет собой ряд течений, объединенных использованием психологических методов. В зависимости от философских установок ученые в своих исследованиях применяют достижения различных психологических школ: бихевиористской, трансперсональной, гуманистической психологии, гештальтпсихологии и др.

Однако наибольший интерес представляет *метод психоанализа*, т.к. именно его в различных модификациях избрали в качестве главного большинство психоисториков.

Основатель учения о психоанализе З.Фрейд создал схему трехкомпонентной структуры личности. Она раскрывает путь применения методов изучения бессознательной психики к историческим процессам и явлениям.

Фрейд условно разделил психическую жизнь личности на три ступени: Id («Оно»); Ego («Я»); Super-Ego («Сверх-Я»).

Первая — Id — представляет собой наиболее примитивную инстанцию, которая охватывает все врожденное, генетически первичное, подчиненное принципу удовольствия и не признающее ни реальность, ни общество.

Вторая — Ego — инстанция, направленная на удовлетворение требований Id, их приспособление к принципу реальности. Ее важной функцией является самосохранение организма, запечатление опыта внешних воздействий в памяти и контроль над требованиями инстинктов, исходящих от Id.

Третья — Super-Ego — инстанция, связывающая внутренний мир личности с общественной сферой, источник моральных и религиозных чувств²⁸¹.

²⁸¹ Лейбин В.М. Психоанализ и философия неофрейдизма.- М.: Политиздат, 1977. С.62.

Если Id является первоначальным двигателем душевного развития, то функция Ego заключается в координации инстинктивных движений и требований Super-Ego, т.е. в приспособлении страстей и инстинктов личности к условиям внешней среды, борьбе против бессознательных импульсов²⁸².

Фрейд определяет природу любого вида творческой деятельности как *сублимацию* («перенесение», «переключение») сексуальных влечений, проходящую два этапа: вначале вытеснение запретного желания в область подсознания и затем перенесение этого желания в разрешенный вид деятельности (собственно сублимация). Таким образом, любое творчество (наука, искусство, политика, религия и т.д.) предстают перед нами как сублимированное бессознательное. Super-Ego же (то, что в обыденности мы часто называем совестью) обеспечивает процесс социализации человека, его отношения с другими людьми и коллективом.

Объяснение механизма возникновения Super-Ego связано с другим понятием фрейдизма, т.н. *эдиповым комплексом*. Он обусловлен, с одной стороны, сексуальным влечением ребенка, подсознательно направленным на единственный доступный объект — мать (у мальчиков) или отца (у девочек), и, с другой стороны, невозможностью его осуществить. В результате у детей появляется амбивалентное (двойственное) чувство по отношению к другому родителю (ненависть, ревность и одновременно любовь), выраженное в приобретаемом комплексе вины (эдипов комплекс у мальчиков и комплекс электро у девочек). Именно на этом этапе происходит формирование чувства стыда, совести, самоконтроля, фиксируемых в психологической инстанции Super-Ego на всю жизнь.

Придавая большое значение раннему детскому опыту, т.е. возникновению эдипова комплекса, Фрейд считал его основным мотивом становления человеческого общества. Однако одним из главных факторов

²⁸² Фрейд З. «Я» и «Оно». Кн.1. - Тбилиси, 1992. С.207.

культурной эволюции он полагал постепенное отречение от природных бессознательных страстей и влечений. Последующее развитие культуры, по Фрейду, уже шло в русле сознательного отказа человека от сиюминутного удовлетворения желаний в пользу получения отсроченного, но более надежного удовольствия. Постепенно сознательный отказ от непосредственного удовлетворения природных страстей превращался во внутреннюю установку личности, соблюдающей нравственные нормы и моральные предписания соответствующей культуры.

Таким образом, в представлении Фрейда, вся культура построена на внешнем или внутреннем подавлении бессознательных влечений человека: «Религия, мораль и социальное чувство — эти главные содержания высшего в человеке — первоначально составляли одно целое. По гипотезе, изложенной в «Тотем и табу», они филогенетически приобретались в отцовском комплексе; религия и моральное ограничение — путем преодоления прямого эдипова комплекса; социальные же чувства вышли из необходимости побороть соперничество, оставшееся между членами молодого поколения. Во всех этических приобретениях мужской пол шел, по видимому, впереди, но скрещенная наследственность сделала их и достоянием женщин»²⁸³.

Подавленные и вытесненные гедонистические бессознательные порывы могут принимать как безобидные формы (например, сублимированные), так и болезненные (психоневротические). В связи с этим и используется предложенный Фрейдом психоанализ, терапевтическое значение которого признано во всем мире. Его методами являются гипноз, анализ свободных ассоциаций, фантазий и трансфера (трансфер — перенос подавленных чувств пациента на врача), толкование сновидений. Они направлены на очищение («катарсис») бессознательных влечений, душевную разрядку.

С течением времени фрейдизм претерпел большие изменения. В настоящее время известны его раз-

²⁸³ Фрейд З. «Я» и «Оно». Кн.1. - Тбилиси, 1992. С.372.

личные модификации: «индивидуальная психология» А.Адлера, «аналитическая психология» К.-Г.Юнга, учение об «оргонной энергии» и «сексуальной революции» В.Райха, «культурно-философская психопатология» К.Хорни, «межличностная психиатрия» Г.Салливена, «гуманистический психоанализ» Э.Фромма и др. Однако методы Фрейда остаются базовыми для многих исследователей и, прежде всего, психоисториков.

Прямой дорогой к бессознательному является сон. Он часто определяется как «форма, принятая воображением». Анализ сновидений позволяет понять его скрытый смысл. На Западе проводится большая работа по сбору примеров снов людей, живших в различные исторические эпохи. Источником для этого служат произведения художественной литературы, воспоминания реальных лиц и т.д.²⁸⁴ Понятие «сон» часто определяется как «форма, принятая воображением».

Сон тесно связан с другим базовым понятием психоанализа — фантазией, также имеющим бессознательные корни. Психоисторики рассматривают фантазии на двух уровнях: индивидуальном (если речь идет о психобиографиях) и коллективном (при изучении групп). Особенно интересны исследования фантазий, возникающих в социальных группах. Материалом для них выступают мифы, сказки, анекдоты, карикатуры и т.д. Большую роль в их изучении играет контент-анализ, использующийся для выделения из обширного массива информации, циркулирующей в данной группе определенных образов, которые встречаются чаще всего²⁸⁵. На этом основании делаются выводы о настроениях, преобладающих в обществе.

Психоисторики придают немаловажное значение малым групповым процессам. Их теорию можно свести к следующему: 1) группа верит, что существует преиму-

²⁸⁴ См.: *Beradt Ch. The Third Reich of Dreams.* - Chicago: Quad-rangle, 1968; *Brook S. The Oxford Book of Dreams.* - New York, Oxford: Oxford University Press, 1983.

²⁸⁵ Метод контент-анализе подробно рассматривается в следующем параграфе.

щественно с целью самосохранения; 2) важной функцией лидера является «поглощение» скрытых отрицательных порывов членов группы; 3) подгруппы появляются, как правило, не из-за дифференциации стремлений их членов, а в результате различий в способах защиты; 4) обожествление лидера выступит как своего рода защита от чувства заброшенности (в противном случае возникают утопические фантазии); 5) при увеличении числа членов группы возрастает опасность появления в ней агрессивных чувств²⁸⁶.

Народные волнения, восстания, революции психоисторики считают проявлениями «коллективного бессознательного». Это понятие ввел в психологию К.-Г. Юнг, подразумевая под ним опыт человечества, накапливаемый в ходе истории. Не случайным является сходство фантазий, творческого мышления, повторение мифологических образов у народов, принадлежащих к совершенно разным цивилизациям.

В «коллективное бессознательное» входят архетипы — первообразы, заложенные в каждом из нас, образцы поведения, своего рода матрицы. Этот пласт бессознательного, по мнению Юнга, является тем глубинным и сокровенным, что определяет наши чувства и поступки. При этом различные стрессовые ситуации (голод, стихийные бедствия, политический кризис и т.д.) вызывают высвобождение ранее подавляемых инстинктов, которые в свободном состоянии ведут к социальным волнениям.

Существенную роль в психоисторической методологии играет сделанное Фрейдом открытие принципиального сходства процессов становления индивидуума и социума. Это так называемый биогенетический закон, отождествляющий онто- и филогенез. индивидуальное развитие организма (онтогенез) в сжатой форме повторяет основные стадии развития всего вида (филогенез). Опираясь на эту теорию, Л. де Мозе исследовал групповые фантазии и на их основе — отношение общества к

²⁸⁶ Lawton H. The Psychohistorian's Handbook. - New York: The Psychohistory Press, 1988. P.178.

своему лидеру. Материалом для такого изучения послужила политическая история США. В результате исследователь пришел к заключению, что настроения в американском обществе определяются требованиями избирателей к своему президенту. Эти настроения проходят в своем движении четыре циклические стадии. Каждая из них длится 3-4 года и соответствует основным физиологическим этапам рождения ребенка. Концепция Л. де Мозе была встречена в научных кругах весьма скептически, однако многие ее выводы оправдываются.

Большую известность получила выработанная Л. де Мозе психогенетическая теория истории, которая является методологической основой для ряда психоисторических исследований.

Ее основные положения:

1) Эволюция взаимоотношений родителей и детей является независимым источником исторических изменений. Причина этой эволюции заключается в способности родителей успешно воспроизводить собственный детский опыт, но уже лучшим образом, максимально избегая недостатков своего детства.

2) Этот «пресс поколений» имеет значение не только для психических изменений, но также влечет за собой социальные и технологические перемены.

3) История детства — это смена моделей взаимоотношений родителей и детей с тенденцией сокращения психической дистанции между ними.

4) Ход истории подтверждает гипотезу о том, что с течением времени способы воспитания детей изменяются в лучшую сторону.

5) Психическая структура должна всегда передаваться поколениями и быть главной составляющей при передаче и развитии культурных элементов общества²⁸⁷.

Отсюда видно, что Л. де Мозе, как и большинство других психоисториков, придаст большое значение раннему детскому опыту, определяющему формирование взрослого человека. Поэтому история детства и се-

²⁸⁷ de Mause L. The Psychogenetic Theory of History // Foundations of Psychohistory. - New York: Creative Roots, 1982. P.133.

мы является сферой, где психоисторики проявляют особенно большую активность.

Рассматривая материалы по истории детства, Л. де Мозе выделил шесть моделей воспитания, сменяющихся на протяжении веков:

— «детоубийственный» способ (от античности до IV в.н.э.), характеризующийся частыми насилиями над детьми и выживанием сильнейших;

— «отстраненный» способ (IV — XIII вв.), когда стали признавать наличие души у детей и отдавать их для лучшего воспитания кормилицам, в монастыри и чужие семьи, в качестве подмастерьев или слуг (для этого времени характерен образ Марии, хладнокровно поддерживающей младенца Иисуса);

— «двойственный» способ (XIV — XVII вв.), означавший, с одной стороны, распространение культа Марии и смягчением образа матери в искусстве, а с другой, сохранение популярного «воспитания палкой»;

— «навязывающий» способ (XVIII в.), отразивший большой сдвиг в отношениях родителей и детей — попытки сблизиться духовно, однако посредством жесткого контроля детей со стороны родителей;

— «общественный» способ (XIX — сер. XX вв.), в основе которого утверждалось понимание воспитания как внушения, т.е. когда навязывание родительской воли детям постепенно сменялось их обучением, подготовкой для интеграции в общество;

— «помогающий» способ (начиная с сер. XX в.), предполагающий осознание того, что сами дети лучше знают, в чем они нуждаются на каждой жизненной стадии, а долг родителей состоит в постоянном внимании к детям, в заботе и помощи им в самоидентификации²⁸⁸.

Основные положения этой психогенетической теории оспариваются многими историками, однако ее важное методологическое значение для психоистории признается ими. Она позволяет по-новому взглянуть на

²⁸⁸ de Mause L. The Evolution of Childhood // Foundations of Psychohistory. - New York: Creative Roots, 1982. P.61-63.

исторический процесс, дает возможность «свежего» прочтения уже известных источников и открывает для исследователей ранее не изучавшиеся материалы.

4. Количественные методы

Характерной чертой современного этапа развития науки является интенсификация и взаимопроникновение научных дисциплин. В результате этого на стыке наук появляются новые научные направления. Важнейшая составляющая этого процесса — *применение математических методов* в различных областях науки, в т.ч. в общественных науках.

В 60-е годы процессу математизации подверглась историческая наука. Столь позднее проникновение математических методов в историю объясняется спецификой и сложностью тех явлений, которые она изучает.

Математизация социального знания дала мощный толчок развитию и самой математики, следствием чего явилось появление таких ее разделов, как качественная теория дифференциальных уравнений, топология, математическая логика, теория игр, нечетких множеств, графов — о соотношении между понятиями и образами. А это в свою очередь усилило проникновение математики в общественные науки.

Начался постоянный обмен методами между науками о природе и обществе. Социально-гуманитарные дисциплины стали широко использовать математические методы, а естественные — индивидуализирующие методы, системный подход и др. Наибольшее распространение в общественных науках, в том числе истории, получили методы математической статистики, основанной на теории вероятностей.

Процесс познания, по мнению Л.И. Бородкина, последовательно проходит *три этапа математизации* (их еще называют формами математизации):

1-ый — количественный анализ, когда изучаемая реальность представляется в количественном выраже-

нии, т.е. осуществляется математико-статистическая обработка эмпирических данных;

2-ой — имитационное моделирование, когда разрабатываются математические модели явлений и процессов и реализуется выход на уровень частных теоретических схем, отражающих основную форму математизации;

3-ий — теоретическое конструирование, когда математический аппарат используется для построения и анализа конкретных научных теорий, происходит объединение частных теоретических схем в фундаментальную теоретическую систему, т.е. переход от модели к теории²⁸⁹.

Если в «точных» и естественных науках наблюдаются все три формы математизации, то история и другие гуманитарные науки переживают главным образом первый этап математизации.

В американской квантитативной истории сформировалось мнение, что историческое знание должно пройти через «математический фильтр», стать «точным» и верифицируемым. Это противоречило концепциям субъективистской методологии истории о том, что историческое знание должно быть чисто гуманитарным, раскрывающим «человеческую», духовную сторону социально-культурной реальности, и не должно претендовать на точность, свойственную естественнонаучному знанию²⁹⁰.

В советской квантитативной истории-клиометрии удалось выработать сбалансированный подход по этим вопросам, что позволило избежать многих крайностей.

²⁸⁹ Бородкин Л.И. Методы прикладной математики и информатики в исторических исследованиях: Автореф. дис. на соиск. уч.ст. д-ра ист. наук. - М.: МГУ, 1993. С.2

²⁹⁰ Ковальченко И.Д., Тишков В.А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии. - М.: Наука, 1983. С.16-17; Соколов Л.К. О применении новых методов в исследованиях историков США // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. - М.: Наука, 1981. С.368-372.

В соответствии с этим подходом математические методы исторического анализа имеют свои границы применения и должны сочетаться с традиционными методами. Успех их использования зависит от теоретических и методологических идей и принципов, на основе которых ставится исследовательская задача, производится отбор, обработка и анализ данных исторического источника²⁹¹.

Наши клиометристы вначале освоили традиционные математико-статистические методы (дескриптивная статистика, выборочный метод, анализ временных рядов), затем стали активно применять методы многомерного статистического анализа. Последние, ориентированные на комплексное оперирование большим числом показателей множества исторических объектов, учитывали многомерность исторических процессов. Это позволило выделить типы социально-экономических явлений с развернутыми характеристиками, построить процедуры обработки многомерной эмпирической информации, изучить внутреннюю структуру типов и т.д.

С применением математических методов в истории открылась возможность преодоления описательности в исследованиях, раскрытия количественной меры изучаемых процессов и явлений и более точного и строгого отражения соответствующих качественных характеристик. Не случайно количественные методы получили широкое распространение в историко-экономических, историко-социальных, историко-культурных, историко-демографических исследованиях, археологии и обработке статистических данных.

Овладение методами многомерной статистики, которые считались «вершиной» статистики, означало, что исторические исследования в их математизации вышли на второй этап. Если первые опыты моделирования исторических явлений и процессов советские историки ставили в 70-х гг., то ныне выявилась четкая

²⁹¹ Ковальченко И.Д., Тишков В.А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии. - М.: Наука, 1983. С.8.

тенденция расширения поля приложения и увеличения количества работ, авторы которых используют не только методы количественного анализа, но и метод моделирования.

Методы многомерного статистического анализа (МСА) — это набор математико-статистических методов, ориентированных на исследование статистических совокупностей, в которых объекты характеризуются набором определенных признаков. Такие объекты называются многомерными.

Основной класс содержательных задач, решаемых с помощью МСА, состоит в выявлении типологии изучаемых многомерных объектов и характерных типов. В исторических исследованиях это было связано в первую очередь с введением в научный оборот массовых исторических источников разных уровней — от первичных сведений (например, крестьянских бюджетов) до свободных данных высокой степени агрегирования (например, погубернских показателей переписи населения) и задачами их обработки.

Посредством методов многомерной классификации можно выявить группы (классы) однородных признаков, заданных в их многомерном пространстве, а также получить статистические характеристики этих групп (классов) как в терминах исходных данных, так и в терминах обобщенных факторов. Задача классификации на основе МСА сводится к поиску компактных групп объектов, представленных точками в многомерном пространстве²⁹². Ее решение возможно только с помощью ЭВМ.

Наиболее употребительным из методов МСА является *множественная регрессия*. Это процедура, посредством которой устанавливается зависимость одного признака (результатирующего) от набора независимых факторных признаков. Вначале — на содержательном уровне — исследователь делит все признаки, представлен-

²⁹² Бородкин Л.И. Методы прикладной математики и информатики в исторических исследованиях: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. - М.: МГУ, 1993. С.10.

ные в количественной выражении, на результирующие и факторные. Далее строится регрессионная модель, т.е. уравнение регрессии:

$$y = a + bx,$$

где: y - результирующий признак,

a - постоянное число,

b - коэффициент регрессии,

x - факторный признак.

В ходе решения уравнения определяются: 1) количественное воздействие каждого признака-фактора на результат (вычисляются коэффициенты регрессии $b_1, b_2, b_3... b_n$), 2) совокупная связь учтенных факторов и результирующего признака, что дает возможность произвести отбор наиболее существенных факторов, воздействующих на результирующий признак, оценить неучтенные факторы воздействия и тем самым получить скрытую информацию об исследуемых объектах.

Метод множественной регрессии применяли в своих работах И.Д.Ковальченко и Л.И.Бородкин — для выявления аграрной типологии губерний Европейской части России на рубеже XIX—XX вв.²⁹³ Использование этого метода позволило им установить, что аграрное развитие Европейской России на рубеже XIX—XX вв. характеризовалось наличием пяти основных социально-экономических типов (нечерноземный, среднечерноземный, южночерноземный, прибалтийский, столичный). Опираясь на средние значения показателей, авторы раскрыли внутреннюю суть и специфику каждого из выделенных типов аграрного развития.

Российский историк Т.Ф.Изместьева использовала метод регрессионного анализа для изучения массовых источников промышленной переписи России 1900 г.²⁹⁴ Он позволил ей сделать объективный вывод об

²⁹³ Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX-XX вв. (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР, 1979. № 1. С.59-95.

²⁹⁴ Изместьева Т.Ф. Базы данных и моделирование как средство работы с массовыми источниками // Методологічні проблеми історичної науки.- Мн.: БГУ-БИЖ, 1993. С.96-102.

эффективности применения рабочей силы в мукомольной промышленности Европейской России на рубеже XIX—XX вв.: ценностный показатель производительности труда, включающий стоимость сырья, примерно в 10 раз превосходил все другие показатели без этой составляющей. Это показывает, что владельцам мукомольных компаний было выгоднее вкладывать капитал в рабочую силу, а не в оборудование.

Регрессионный анализ был успешно применен и в работах представителей североамериканской школы «новой политической истории» М.Хаммарберга, проанализировавшего поведение избирателей штата Индиана во время выборов в 70-х гг. XIX в., и Дж.Моргана Каусера, изучавшего деятельность конгресса за довольно длительный промежуток времени²⁹⁵.

М.Хаммарберг отталкивался от «модели нормального голосования», разработанной его коллегой Ф.Конверсом. В ней заранее задавался оценочный критерий распределения голосов, служащий точкой отсчета для измерения реальных результатов данных выборов. Применение этой модели позволило сделать вывод о стабильности распределения голосов, отданных в штате за Республиканскую партию. Путем регрессионного анализа вычислены восемь количественных характеристик социального состава избирателей округов по каждому выбору. На основе оценок была построена модель факторов, влиявших на результаты выборов в штате. Четко выделились два ее компонента: 1) долговременный, что было связано с приверженностью избирателей к определенным политическим партиям (сказывалось влияние социального состава избирателей); 2) кратковременный, зависимый от таких факторов, как статус кандидатов, политическая активность избирателей, влияние других партий, колебания социального состава избирателей и др.

²⁹⁵ Хаммарберг М. Анализ исторических данных о выборах в США // Количественные методы в советской и американской историографии. - М.: Наука, 1983. С 296-318.

Другим из употребляемых методов МСА является *метод факторного анализа*. Он основан на представлении о комплексном характере изучаемого явления, что находит отражение во взаимосвязях и взаимообусловленности его отдельных признаков. Внимание при использовании этого метода концентрируется на исследовании внутренних причин, формирующих специфику изучаемого явления, на выявлении обобщенных факторов, которые стоят за конкретными показателями. Цель такого анализа — получение исходной информации, что достигается путем выявления наибольшего числа существенных признаков через наименьшее количество емких и исчерпывающих характеристик.

При проведении факторного анализа формируется специальная таблица-матрица, на основе которой выделяются наборы факторных нагрузок и факторных весов, что собственно и является результатом применения метода. Данные о факторных нагрузках позволяют сформулировать выводы о наборе исходных признаков, составляющих тот или иной фактор, и об относительном весе отдельного признака в структуре каждого фактора. В свою очередь данные о факторных весах определяют ранжировку объектов по каждому фактору.

Факторный анализ открывает возможности: на начальной стадии исследования сложного явления — вести поиск гипотез о его структуре; на продвинутой стадии — определять размерность изучаемого явления, т.е. находить минимальное число существенных факторов, описывающих это явление.

Метод факторного анализа писцовых книг применен в коллективном труде Л.В.Милова, М.В.Булгакова и И.М.Гарсковой для выявления обобщенных факторов развития поместий и вотчин России в первой половине XVII в.²⁹⁶ В итоге ученые пришли к выводу, что поместье и вотчина являются разными по своим социально-экономическим характеристикам типами фео-

²⁹⁶ Милов Л.В., Булгаков М.В., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России в первой половине XVII столетия - М.: Наука, 1986. С.204-294.

дального хозяйства. До них это различие не было известно в историографии. Существовало мнение, что поместье и вотчина отличались по своему юридическому статусу, но уже со второй половины XVI в. имело место сближение поместья и вотчины в этом статусе.

К факторному методу примыкает метод *кластерного анализа*. Он предназначен для классификации объектов при отсутствии заранее заданной информации о характере их распределения внутри группы. Сам термин «кластерный анализ» произошел от английского слова «cluster» - «гроздь», что означает группу объектов, характеризующихся общими свойствами. ЭВМ «узнает», идентифицирует объект и затем относит его к одному из созданных ею классов (кластеров).

Ярким примером применения кластер-анализа может служить совместная работа Л.И.Бородкина и И.Д.Ковальченко по вопросам промышленной типологизации губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.²⁹⁷ На основе данных погубернской промышленной переписи 1900 г. была произведена классификация 50-ти губерний и выделено 8 групп (кластеров), сходных по облику промышленного развития. Путем анализа отдельных кластеров авторы определили три основных типа губерний. Для первого типа, в который вошли 35 губерний первых 6-ти кластеров, в т.ч. Минская, Витебская и Могилевская губернии, выяснен низкий уровень развития промышленности. Наиболее высокий уровень развития был характерен для третьего типа — 9-ти губерний, составлявших 8-ой кластер (Московская, Петербургская, Лифляндская губернии).

Метод кластер-анализа был применен российским историком К.В.Хвостовой²⁹⁸, что позволило ей на основе изучения специфических особенностей поздне-

²⁹⁷ Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Промышленная типология губерний Европейской России на рубеже XIX-XX вв. (Опыт многомерного анализа по данным промышленной переписи 1900 г.) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. - М.: Наука, 1981. С.102-116.

²⁹⁸ Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии. - М.: Наука, 1968. С.116-134

византийского аграрно-правового строя (формы эксплуатации зависимого крестьянства, собственность, владения и податный иммунитет) раскрыть механизм податной системы в византийской деревне XIV—XV вв. К нему обращались и сторонники североамериканской школы «новой политической истории» при исследовании процесса голосования в конгрессе США за различные законопроекты.

К методам МСА относится и *многомерное шкалирование*. Целью этого метода является описание матрицы близости расстояний между точками объектов и представление данных об их сходстве в виде системы точек в пространстве. Таким образом, на входе многомерного шкалирования подается матрица близости, а на выходе получается координатное размещение точек. С помощью метода многомерного шкалирования можно построить двухмерное пространство, в котором обнаружится структура данных о близости пар объектов. Объекты размещаются по осям этого пространства, что собственно и означает процесс шкалирования.

С помощью неметрического многомерного шкалирования и кластер-анализа российские исследователи Г.А.Сатаров и С.Б.Станкевич изучили данные о поименном голосовании сенаторов по вопросам внешней политики США в 1971-1974 гг.²⁹⁹ Использование этих методов позволило ученым не только изучить расстановку и соотношение сил в высшем законодательном органе США — конгрессе, но и прогнозировать ситуацию на будущее: выявлять зависимость в расстановке сил в зависимости от проблем, выносимых на голосование. В соответствии с целями исследования анализ может осуществляться на любом необходимом уровне детализации, охватывать различные временные периоды.

Контент-анализ — наиболее перспективный метод, применяемый в исторических исследованиях. Его название происходит от английского слова «contents» -

²⁹⁹ Сатаров Г.А., Станкевич С.Б. Голосования в конгрессе США: опыт многомерного анализа // Социологические исследования, 1983. № 1. С.156-166.

содержание. Этот метод позволяет выявить легко подсчитываемые признаки, черты, свойства изучаемого документа (источника), что необходимо для раскрытия существенных сторон его содержания. Задача решается путем определения частоты употребления определенных терминов. Таким образом качественная характеристика документа становится измеримой, доступной для вычисления. Процедура контекст-анализа и заключается в том, чтобы свести текст источника к ограниченному набору определенных элементов, которые легко подвергнуть количественной обработке.

Вначале при использовании контент-анализа составляется перечень интересующих исследователя *индикаторов (первичных понятий)*. Затем вводятся *категории* — более крупные понятия, представляющие классы индикаторов. Смысловой единицей анализа должна быть *социальная идея*, которая может быть выражена словом или сочетанием слов, описательно или в терминах.

Достоинством контент-анализа является воспроизводимость его результатов, т.е. возможность проверки выводов исследователя другими специалистами. Такая возможность исключена при иллюстративном подходе, когда историк подтверждает свои мысли отдельными примерами, взятыми из источника (текста).

Контент-анализ был с успехом применен российским историком Д.В.Деоником при исследовании истории Юго-Восточной Азии на материале древнекитайской хроники «Чуньцю» (VII—V вв. до н.э.) и данных бирманской эпиграфики³⁰⁰. По извлеченным из этих источников многочисленным, хотя и эпизодическим фактам ему удалось проследить определенные тенденции в развитии китайского общества и выявить особенности политической жизни древнекитайских государств и их соседей в VIII—V вв. до н.э.

³⁰⁰ Деоник Д.В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю» // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. - М.: Наука, 1977. С.144-191.

С помощью контент-анализа Л.М.Брагина раскрыла смысл основных этических терминов в философских трактатах итальянских гуманистов К.Ландино «Об истинном благородстве» и Д.Нези «О нравах»³⁰¹. Она выделила главные категории двух трактатов («благородство» и «добродетель» у Ландино и «добродетель» и «счастье» у Нези), установила их связи с другими категориями, т.е. создала семантическое поле терминов.

Посредством контент-анализа белорусский историк О.Г.Буховец произвел анализ требований, содержащихся в приговорах и наказах крестьян, присланных ими в Государственную думу в 1905 — 1907 гг., и сформулировал ряд основных типов этих требований³⁰². Затем подсчитал частоту их встречаемости в документах, что позволило определить, насколько существенными были те или иные требования. Обращает внимание сформулированный им вывод о том, что наряду с сохранением у крестьян традиционных требований, отвечавших стратегическим и тактическим целям и задачам первой буржуазно-демократической революции в России, что было отмечено в большевистских партийных документах (национализация земли, созыв Учредительного собрания, введение демократических свобод и др.), появились и новые, вызванные изменившейся политической обстановкой, влиянием пропаганды революционных партий (введение запрета на найм рабочей силы и аренду земли, установление справедливых выборов, учреждение равной для всех воинской повинности и др.).

Метод моделирования получил широкое распространение в 70—80-е гг. в США и СССР. Он представляет собой познание объективной реальности, основан-

³⁰¹ Брагина Л.М. Методика количественного анализа философских трактатов эпохи Возрождения // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях.-М.: Наука, 1977. С.280-297.

³⁰² Буховец О.Г. Массовые источники по общественному сознанию российского крестьянства (Опыт применения контент-анализа при изучении приговоров и наказов 1905-1907 гг.) // История СССР. 1986, № 4 С.104-119.

ное на изучении моделей, отражающих эту реальность. Соответственно, модель — это искусственно созданная система, анализ которой позволяет получить информацию о реальной системе. Моделирование включает:

— конструирование альтернативных ситуаций с целью более глубокого проникновения в ход изучаемых событий;

— построение контрфактических моделей исторических ситуаций и использование их в качестве эталона оценки реальной исторической действительности;

— имитацию исторических явлений и процессов, когда для обычной характеристики исторической реальности недостаточно данных.

Существует два основных вида моделирования:

1) отражательно-измерительное, когда создаются математические модели, характеризующие процессы, происходившие в реальной исторической действительности;

2) имитационно-прогностическое, когда конструируются подражательные модели с целью определения оптимального характера функционирования общественных систем и проведения прогнозирования. В последнем случае построенные модели должны не только отражать основные свойства объектов познания, но и воспроизводить их возможные состояния, отличные от реальных.

Убедительным примером применения моделирования при изучении массовых явлений может служить работа О.Г.Буховца, посвященная выяснению общественного сознания крестьян России в начале XX в. Обработав посредством контент-анализа приговоры и наказания крестьян, автор построил модель взаимосвязей между их типами или категориями, т.е. структуру, характеризующую противоречивость крестьянского сознания, и представил эту модель в виде графической схемы³⁰³. Анализ модели позволил историку сделать заключение о

³⁰³ Буховец О.Г. Математика в исследовании общественного сознания крестьян: Крестьянские приговоры и наказания 1905-1907 гг. // Число и мысль. Вып. 9.- М., 1986. С.32-51.

взаимопереплетении в сознании крестьян классовых целей и интересов с традиционными патриархальными иллюзиями.

Моделированию индивидуального сознания посвящен совместный труд российских историков В.Б.Лукова и В.М.Сергеева. Ими была предпринята интересная попытка смоделировать динамику мышления канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка за период с 1866 по 1876 гг.³⁰⁴

Метод моделирования был удачно использован для установления авторства анонимных памятников письменности и построения генеалогии памятников с большим количеством списков. Так, Л.И.Бородкин и Л.В.Милов создали генеалогическую модель старославянского юридического памятника «Закона судного людем»³⁰⁵.

Метод имитационно-контрфактического моделирования позволяет конструировать модели нереальных ситуаций для последующего сравнения с историческими реалиями. Вместе с тем данный метод достаточно субъективен и может привести к необоснованным выводам. Это объясняется тем, что созданные модели отражают реальный ход исторического развития в таком виде, в каком он представляется исследователю.

Примером субъективного подхода в использовании контрфактического моделирования является работа американского ученого Р.Фогеля, изучавшего влияние строительства железных дорог на экономическое развитие США во второй половине XIX в.³⁰⁶ Создав контр-

³⁰⁴ Луков В.Б., Сергеев В.М. Опыт моделирования мышления исторических деятелей. Отто фон Бисмарк. 1866-1876 гг. // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. - М., 1983. С.148-161.

³⁰⁵ Бородкин Л.И., Милов Л.В. О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон судный людем) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. - М: Наука, 1977. С. 235-280.

³⁰⁶ См.: Ковальченко И.Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Количественные методы в советской и американской историографии. - М.: Наука, 1983. С.30.

фактическую модель, автор сравнил экономический эффект от использования гужевого и водного транспорта с расходами при перевозках по железным дорогам. Экономия денежных средств при использовании железнодорожного транспорта оказалась незначительной. Р.Фогель заключил, что строительство железных дорог не оказало в то время существенного влияния на экономическое развитие США. Р.Фогель пришел к такому выводу, не учитывая, что железные дороги сделали перевозки независимыми от погодных условий, уменьшили временные затраты, а также стимулировали развитие ряда отраслей промышленности. Несостоятельным с точки зрения экономического развития является и вывод автора о несущественной роли в нем технических открытий³⁰⁷.

Имитационное моделирование применялось при исследовании социально-экономического развития древнегреческих полисов в период Пелопоннесской войны во второй половине V в. до н.э. Оно было выполнено под руководством российского историка В.А.Устинова³⁰⁸. Исследователи опирались на начальные данные, относящиеся к определенному году. Это — сведения о численности различных слоев населения и размерах их потребления, о ценах на производимую продукцию, о возможном спросе населения на те или другие виды товаров и возможном предложении их с учетом положения потребителей. С помощью ЭВМ были подсчитаны возможные запасы товаров и денег, количество производителей и потребителей на следующий год. Результаты подсчета поступали операторам, которые имитировали действия органов власти, принимавших экономические и политические решения. На основе этих решений производились машинные расчеты о предполагаемых данных на последующий год. Полу-

³⁰⁷ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.406-407.

³⁰⁸ Устинов В.А., Кузищин В.И., Павловский Ю.Н., Гусейнова А.С. Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса / Вопросы истории. 1976. № 11.

ченые данные вновь поступали операторам, которые имитировали новые решения, и так за весь период.

Вместе с тем в данном исследовании был допущен и явный методологический просчет, состоящий в том, что проводимая имитация оказалась одновариантной, чем игнорировалась важнейшая особенность имитационного моделирования — многовариантность³⁰⁹.

Приведенные выше примеры имитационного моделирования показывают, что этот метод требует объективного, внимательного и корректного отношения к изучаемым историческим явлениям и процессам. Он эффективен при изучении альтернативных исторических ситуаций.

Возможности вероятностного (стохастического) моделирования были использованы белорусским исследователем В.Л.Носевичем при изучении проблемы образования феодальной собственности на Руси³¹⁰. На основе анализа статьи 90 пространной редакции «Русской правды», в которой говорилось о наследовании выморочного имущества смердов, не оставивших сыновей, им была построена имитационная компьютерная модель. Ученый смоделировал условия свободного расселения условных семей по воображаемым 900 ячейкам-наделам на протяжении целого ряда поколений. На ее основе автор пришел к выводу, что за шесть поколений действия статьи (1120/1150 — 1300 гг.) в собственность князя должно было перейти 90% крестьянских наделов, а за 12 поколений (к концу XV в.) — до 99%. Этот вывод подтверждает известное положение о том, что к концу XV в. все крестьянство Московского государства и Великого княжества Литовского пользовалось землей на условиях феодальной зависимости.

Применение количественных методов дает возможность получить дополнительную информацию и,

³⁰⁹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. С.410-415.

³¹⁰ Носевич В.Л. Зарница или заря? Компьютерная модель в изучении исторических процессов // Круг идей: Развитие исторической информатики. - М.: Изд-во МГОА, 1995. С.73-87.

обработав ее, расширить и углубить наши представления об исторических событиях, явлениях и процессах.

5. Историческая информатика

Математизация исторических исследований происходила, особенно в последние годы, на фоне бурно развивающегося *процесса информатизации общества*. Под ней понимается не только количественное и качественное увеличение используемой вычислительной техники и совершенствование программного обеспечения, а и социальная перестройка, «коренная информационная перестройка сознания человека», осознание им того, что от информации и степени ее овладения зависит дальнейшее развитие человечества³¹¹. Во взаимосвязи и взаимодействии с социальным элементом информация как высшая форма знания является решающим фактором в развитии технологии³¹².

К середине XX в. накопилось столько информации и темпы ее роста настолько возросли (сумма знаний удваивается, а то и утраивается каждый год), что она заняла первостепенное место как в мыслительной, так и в практической деятельности людей. Возникла *теория информации*, относящая к информации не все отражения объективного мира, а только те их совокупности, которые представляют определенную ценность для развития общества³¹³. Само понятие информации заинтересовало представителей естественно-технических наук, стимулировав тем самым создание и использование технических средств для ее передачи и переработки.

Существующий объем информации вполне достаточен для разрешения современных общих и частных проблем. Задача заключается только в эффективном ис-

³¹¹ Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. Философские очерки.- М.: Наука, 1975. С.124.

³¹² Круг идей: Модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции Ассоциации «История и компьютер».- М.: Изд-во МГОА, 1996. С.19.

³¹³ См.: Винер Н. Кибернетика и общество.- М.: Иностран. лит., 1958.

пользовании имеющейся информации, в подключении всего общечеловеческого запаса знаний к решению реальных проблем, в создании возможности для вовлечения в этот процесс любого заинтересованного человека, т.е. в проведении целенаправленной информатизации общества, его компьютеризации и интеллектуализации³¹⁴.

В этих условиях развитие квантитативной истории и растущие потребности исторического источниковедения обусловили заметное проникновение компьютерных технологий в историческую науку³¹⁵.

В процессе компьютеризации истории выделяются два этапа:

Первый — 70—80-е гг. В это время компьютеризация базировалась на использовании больших ЭВМ типа БЭСМ-6. Разработка программ велась в следующих направлениях:

а) создание архива машиночитаемых данных и соответствующего сопровождения;

б) реализация историко-демографических методик «восстановления истории семей»;

в) осуществление статистического анализа данных исторических источников;

г) обеспечение работы со средневековыми текстами;

д) моделирование исторических процессов и явлений.

Второй период начинается с конца 80-х гг. В Западной Европе, а также в СССР, в т.ч. Беларуси, началась «микрокомпьютерная революция». Она привела к распространению персональных компьютеров, количество которых в России, по данным на 90-е гг., утраивалось каждые три года. Компьютер становился все более доступным для историков. Он показал себя не только

³¹⁴ См.: Громов Г.Р. Гуманитарные основы информационной технологии. - М., 1988. С.26.

³¹⁵ Бородкин Л.И. Методы прикладной математики и информатики в исторических исследованиях : Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. - М.: МГУ, 1993. С.13-14.

удобным средством для набора, редактирования, хранения, дополнения и печатания всевозможных письменных работ, но и важным инструментом для осуществления исторических исследований и обучения истории.

Информатизация общества дала не только технические и связанные с ними программные средства, но также алгоритмические способы представления и обработки информации. Закономерным явилось появление в последние годы «отраслевой» информатики в целом ряде научных областей. Стала активно использоваться выработанная в информатике структурная схема: *модель-алгоритм-программа*. В ней на первом месте предусмотрена предметная модель, а затем следуют собственно математические структурные элементы, т.е. алгоритм и программа.

В нашем случае математическим элементам должна предшествовать модель исторического события или явления. И кто, как не историки, знающие источники и понимающие суть исторических процессов, могут создать такую модель, на основе которой затем строятся алгоритмы и разрабатываются программы. Результаты этих работ поступают в распоряжение тех же историков — для интерпретации, что обеспечивает приращение исторических знаний. Это служит основой для создания новых моделей и т.д. И этот процесс бесконечен благодаря развитию в истории источниковедения, во-первых, и созданию информатикой универсального языка науки, во-вторых.

С другой стороны, в *развитии квантитативной истории* обозначались следующие основные тенденции:

— в силу того, что большинство статистических методов уже освоено историками-клиометристами, дальнейшее развитие в этом направлении выдвинуло задачу их более глубокой модернизации применительно к особенностям исторической науки;

— поскольку имеющийся арсенал математической статистики реализован в стандартных статистических пакетах, историк-исследователь уже может обраба-

тывать свои данные самостоятельно, без посредника-программиста;

— стремительный рост числа баз данных поставил вопрос об их стандартизации и систематизации, об устранении их возможного дублирования;

— вследствие того, что стандартные (коммерческие) пакеты программ не в полной мере пригодны для работы с историческими источниками, имеющими нередко значительную специфику, возникает проблема создания программных средств, специально ориентированных на исторические источники;

— дальнейшее развитие информатизации открывает возможности для использования историками новых информационных технологий: оптического ввода текста в память ПК с помощью сканера, анализа изображений различного характера, компьютерного картографирования, гипертекста и мультимедиа, систем искусственного интеллекта и др.;

— начавшаяся компьютеризация преподавания истории, наряду с уже определившимся направлением — использованием ПК и компьютерных технологий в проведении занятий по историческим дисциплинам — создает необходимость введения в учебные планы вузов, готовящих кадры историков, специальных (информационных) дисциплин, обеспечивающих подготовку специалистов, владеющих компьютерными технологиями научно-исследовательской и преподавательской работы.

Следовательно, достижения в информатизации истории и определившиеся тенденции ее дальнейшего развития уже выходят за рамки собственно количественной истории. Они касаются не только количественных методов анализа количественных и простых качественных признаков исторических событий и явлений, реализуемого на основе объектно-ориентированного программного обеспечения, но и «высоких» технологий, предназначенных для осуществления компьютерной обработки всей исторической информации, заложенной в источниках, нарративных и образных. Речь уже заходит

о так называемом «компьютерном источниковедении» и подготовке специалистов-историков, способных работать в этой области без посредников.

Не случайно наиболее перспективными в области компьютеризации исторических исследований и обучении истории выявились следующие направления:

— разработка специализированного программного обеспечения, учитывающего особенности исторических источников, на основе широкого освоения и дальнейшего совершенствования имеющихся систем КЛЕИО М.Таллера, Socrates Л.Брепе, CensSys Я.Олдерволла, MicroCosm Ф.Колсона и др.;

— внедрение в историческую науку методов искусственного интеллекта, основанных на когнитологической программе построения интеллектуальных систем;

— использование локальных и глобальных информационных сетей и в первую очередь Internet;

— введение в вузах и аспирантуре курсов информатики, адаптированных к исторической науке и преподаванию истории, и приобщение студентов и аспирантов к решению задач по разработке новых информационных технологий и их внедрению в научно-исследовательскую и преподавательскую работу историков.

Специфика нового направления в изучении и преподавании истории, как отмечалось на II конференции Ассоциации «История и компьютер» (АИиК) (Москва — Красновидово, март — 1994), заключается в характере источников, к которым прилагаются компьютерные технологии³¹⁶. Подобно тому, как археология базируется на вещественных источниках, новая область имеет дело с источниками в машиночитаемой форме, включая сюда и определение основных закономерностей и способов перевода исторических источников в заданную форму, их сохранение и обработку заложенной в них информации. И поскольку все это зависит в

³¹⁶ Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1994. № 10. С. 87-89.

конечном счете от характера исторических источников, рассматриваемая дисциплина несомненно является исторической. Не случайно основной интерес ее приверженцев был направлен главным образом на создание баз данных.

Однако с таким толкованием новой исторической дисциплины не в полной мере увязывается целый ряд вопросов, которые также являются предметом рассмотрения историками-квантификаторами. Это, прежде всего, применение статистических методов и математическое моделирование в истории, затем использование компьютера в образовании и др. Поэтому высказывались различные точки зрения по вопросу о «границах» этой дисциплины. На одном полюсе ее ограничивали компьютерными технологиями, на другом — к ней относили все, что связано с информацией, содержащейся в исторических источниках, — происхождение, систематизацию, обработку и анализ информации. В первом случае она рассматривалась как специальная ветвь компьютерных технологий, во втором — как область, включающая источниковедение, историографию и методы исторического исследования.

Выход историографии на теоретический уровень математизации, новые проблемы, вставшие в деле компьютеризации исторических исследований и преподавания истории, определение перспективных направлений в их решении, — все это означало, что формируется новая отрасль исторической науки, имеющая самостоятельную цель и задачи, источниковую базу и методологию, понятийный аппарат и кадры.

На стыке «компьютерного источниковедения», информатики и квантитативной истории возникла новая междисциплинарная область, именуемая в АИК как *историческая информатика*. Возможно, более точно определяют эту предметную область англоязычные термины: «History and Computing» и «Computing in History». Однако на II конференции АИК было предложено все же называть эту область деятельности исторической ин-

форматикой. С дальнейшим ее развитием это название все более утверждало себя.

Какова же суть исторической информатики? Существуют ее различные определения. В учебном пособии по исторической информатике, изданном в МГУ в 1996 г., ей дается следующее определение:

«Историческая информатика — это научная дисциплина, изучающая закономерности процесса информатизации исторической науки; в основе исторической информатики лежит совокупность теоретических и прикладных знаний, необходимых для создания и использования в исследовательской практике машиночитаемых версий исторических источников всех видов»³¹⁷.

В учебной программе по исторической информатике для вузов Республики Беларусь (версия Беларускай Асацыяцыі “Гісторыя і камп’ютэр” (БАГіК) — ветви АИК и БГУ) она определяется следующим образом:

«...Гістарычная інфарматыка — накірунак, які фарміруецца ў гістарычнай навуцы, узнік на стыку крыніцазнаўства, інфарматыкі і квантытатываўнай гісторыі і ўключае ў сябе:

— фармалізацыю і камп’ютэрную апрацоўку гістарычнай крыніцы;

— выкарыстанне і распрацоўку новых інфармацыйных тэхналогій даследавання;

— стварэнне камп’ютэрных тэхналогій навучання»³¹⁸.

Сравнивая эти определения, не трудно заметить, что московские авторы в отличие от белорусских склонны видеть в новой области исторического знания не только ее прикладной, но и теоретический компонент. Развивая эту теоретическую сторону исторической

³¹⁷ Историческая информатика. Учебное пособие. - М.: Мосгорархив 1996. С.39.

³¹⁸ Гістарычная інфарматыка. Праграма для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў Рэспублікі Беларусь па спецыяльнасцях: Г.05.01.00 - Гісторыя, Г.05.02.00 - Гісторыя-архівазнаўства, Г.10.01.00 - Міжнародныя адносіны, Г.12.03.00 - Музейная справа і ахова помнікаў гісторыі і культуры. - Мн.: БДУ, 1995.

информатики, московские квантификаторы выделяют три уровня ее теоретического знания: *метатеорию, теорию «среднего уровня» и микротеорию.*

Первый уровень интегрируется из понимания природы исторического источника, количества и свойства его информации в свете теорий отражения, информации и знаков, а также тех закономерностей, которые возникают в ходе формирования информационного общества на стыке взаимодействия социума и информатики.

Под вторым и третьим уровнями понимается, прежде всего, разработка моделей данных исторических источников с учетом контекста их информационной части, «размытости» (нечеткости) данных и многомерности текстовых структур источников; затем построение информационных моделей, т.е. алгоритмов (систем операций) репрезентации и анализа данных источников определенного типа. Например, система Socrates — реализация перевода свободного текста источника в записи реляционной базы данных или просопографическая система «Просис» — реализация т.н. когнитивно-ориентированного подхода к построению исторических информационных систем и т.д.

Говоря о первом уровне, нельзя не признать заслугу московских исследователей, которые действительно определили выход новой отрасли исторического знания в разряд метатеории и сегодня можно говорить о теоретической исторической информатике с формирующимся в ней собственным понятийным аппаратом как направлении, еще подлежащем всестороннему и глубокому изучению. Что же касается второго и третьего уровней, это, на наш взгляд, не что иное, как рефлексивная деятельность при постановке и решении практических задач, теоретическое осмысление, неизбежное в прикладной исторической информатике как ступеньке к теоретической исторической информатике.

Ясно одно: в условиях информатизации общества в исторической науке, которая изучает это общество, неизбежно определилась новая научная и учебная дисциплина, целью которой является создание органиче-

ской составляющей «новой» исторической науки в противовес тем центробежным тенденциям, которые сегодня разобщают ее. Нельзя не согласиться с одним из основателей Международной Ассоциации «История и компьютер» (АНС) известным английским историком-квантификатором П.Денли, который пророчит исторической информатике стать в XXI в. «новым языком исторических исследований», ибо ее возможности «не сводятся к тому, что мы можем теперь делать те или иные исследования быстрее или эффективнее; мы можем делать новое, и мы можем делать старое по-другому»³¹⁹.

О повышении роли исторической информатики говорят и другие известные исследователи. В 1985 г. академик РАН А.А.Дородницын обратил особое внимание на проблемы применения информатики, в частности таких ее наиболее перспективных методов, как математическое моделирование и распознавание образов в «описательных» науках и главным образом в социально-гуманитарных исследованиях. А десять лет спустя, в 1995 г., академик И.Д.Ковальченко и французский профессор М.Эмар в составленном ими списке актуальных проблем методологии, находящихся «в фокусе напряженного исследовательского поиска мировой исторической науки», в числе других назвали теорию информации и историческую информатику»³²⁰.

Соответственно означенным контурам практическими задачами исторической информатики является разработка общих подходов к применению информационных технологий, а также создание специализированного программного обеспечения в исторических исследованиях и историческом образовании, в т.ч. исторических баз и банков данных (знаний), компьютерных технологий представления и анализа информации исторических источников различного характера, информаци-

³¹⁹ Круг идей: Модели и технологии исторической информатики Труды III конференции Ассоциации «История и компьютер».- М.: Изд-во МГОА, 1996. С.22-23.

³²⁰ Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып.1.- М., 1995. С.5-6.

онных сетей, мультимедиа программ и других инструментальных средств изучения и обучения истории.

Означенное содержание исторической информатики не является бесспорным. В центре дискуссий продолжает оставаться вопрос о том, как далеко за пределы «компьютерного источниковедения» простирается область исторической информатики³²¹. Эта проблема определяется в значительной мере различиями в оценках возможностей источник-ориентированного, с одной стороны, и методо-ориентированного, а также проблемно-ориентированного подходов, с другой. Приоритет первому отдает один из наиболее авторитетных специалистов в области исторической информатики немецкий историк М.Таллер, приоритет второму - не менее известный голландский архивист-историк П.Доорн.

Вышеизложенный материал по данной проблеме, на наш взгляд, позволяет сделать предположение, что историческая информатика должна органически сочетать в себе оба компонента — «компьютерно-источниковедческий» и «аналитический», имея в виду обработку данных исторических источников и моделирование исторических процессов. Только сбалансированное сочетание обоих компонентов может обеспечить увеличение аналитического потенциала исторической информатики и посредством ее получить в исторических исследованиях содержательно значимые результаты.

Источниковая база новой дисциплины довольно широкая. Возникнув на основе т.н. массовых исторических источников, она охватывает все новые и новые виды источников (от нарративных до образных), в т.ч. и те, которые считались предельно освоенными, но тем не менее оказались способными выдавать дополнительную информацию. Применение информационных методов и технологий, арсенал которых непрерывно пополняется, заставляет источники раскрываться своей новой стороной, обеспечивая приращение исторических знаний.

³²¹ Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции Ассоциации «История и компьютер».- М.: Изд-во МГОА, 1996. С.15.

Тем самым стимулируется дальнейшее поступательное движение исторической науки во всех ее проявлениях.

Активно формируется понятийный аппарат новой дисциплины³²². В него прочно вошли такие категории, как «*квантитативная история*», «*компьютерное источниковедение*», составившие в своем сочетании основу самого термина «*историческая информатика*». Производными первых двух категорий следует считать понятия «*базы и банки данных в исторических исследованиях*» или «*математическое моделирование исторического процесса*». И если по форме эти категории и понятия еще напоминают источник их происхождения, то по содержанию они уже являются отражением исторических событий и процессов в сознании историков-квантификаторов (кнеометристов). С дальнейшим утверждением новой научной отрасли будет происходить и последующее оформление ее категориально-понятийного аппарата.

Сформировалась модель структуры того профессионального сообщества, которое видит историческую информатику сферой своей творческой деятельности³²³. Это, прежде всего, исследователи новых подходов, алгоритмов, программ и технологий представления, обработки и анализа данных исторических источников. Затем квалифицированные пользователи новых информационных технологий и программного обеспечения, внедряющие их в практику исследовательской работы, непосредственно обеспечивающие историко-научную эффективность их применения и ставящие в этой связи новые проблемы перед исторической информатикой. И, наконец, широкий круг историков, работающих с применением информационных технологий (баз данных, «аналитического» инструментария, автоматизированных обучающих систем и др.).

³²² См.: Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер», 1995. № 14. С.9-11.

³²³ Историческая информатика. Учебное пособие.- М.: Мосгорархив, 1996. С.35-37.

Массовый спрос на специалистов в области исторической информатики еще не возник. Но он непременно появится. И тогда, как замечает известный норвежский историк-квантификатор Л.Олдерволл «звание чемпиона мира по ИИ должно быть присвоено лучшему пользователю, а не лучшему разработчику методов ИИ»³²⁴.

Появлению и успехи исторической информатики — закономерный процесс развития современной мировой и отечественной исторической науки, ее теоретических принципов и методологических основ.

³²⁴ Круг идей: Модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции Ассоциации «История и компьютер».- М.: Изд-во МГОА, 1996. С.25.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

- Абстрагирование** — мысленное отвлечение от каких-то черт и свойств конкретного, выделение в изучаемом объекте отдельных, особенно интересующих исследователя черт.
- Аксиоматический метод** — способ построения научной теории, при котором в основу кладутся некоторые исходные постулаты (аксиомы); последующие утверждения этой теории выводятся логическим путем.
- Амбивалентность** — двойственность чувственного переживания, когда один и тот же объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства (напр., симпатии и антипатии).
- Анализ** — логический прием мысленного расчленения явления или процесса (предмета) на части (признаки, свойства, отношения).
- Аксиология** — философское учение о природе ценностей, их месте в реальности и структуре ценностного мира.
- Антропология** — учение о природе (сущности) человека, который служит исходной точкой и центральным объектом рассмотрения.
- Архетип** — первообразы, заложенные в каждом из нас образцы поведения; в «аналитической психологии» Г. Юнга — изначальные, врожденные психические структуры, содержащиеся в т.н. коллективном бессознательном.

Архивоведение	— научная дисциплина, занимающаяся разработкой методов сбора, систематизации и хранения документов, изучением истории и организации архивного дела.
База данных	— совокупность сведений, хранящихся в запоминающих устройствах ЭВМ и выступающих в качестве исходных данных при решении различных задач.
Банк данных	— совокупность всех массивов информации длительного хранения в автоматизированных системах обработки данных (АСОД), а также программных и технических средств, обеспечивающих ее накопление, обновление, корректировку и использование.
Бифуркация	— точки ветвления процесса, порождающие новую линию эволюции; термин введен бельгийской школой И.Пригожина.
Биогенетический закон	— закон, в соответствии с которым индивидуальное развитие организма (онтогенез) в сжатой форме повторяет основные стадии развития всего вида (филогенез); сформулирован З.Фрейдом.
Возможность	— объективная тенденция выражающаяся в наличии условий для возникновения или развития исторического объекта или процесса.
Восхождение от абстрактного к конкретному	— общенаучный метод познания, позволяющий перейти от ограниченного знания, полученного посредством восхождения от конкретного к абстрактному, к более полному, конкретному теоретическому знанию.

- Время историческое** — время, наполненное историческими событиями и зависящее от их характеристик; введено В.Дильтеем.
- Всемирно-исторический** — понятие, в котором выражается единство и целостность человеческой истории, скрытые за внешним многообразием локально-исторического.
- Герменевтика** — искусство и теория истолкования текстов исходя из их содержания, а не из их объяснение через контекст.
- Гипертекст** — сверхтекст (дополнительный текст); используется в компьютерных системах представления знания.
- Диахронный метод** — способ научного исследования, построение во времени разнообразных по природе процессов.
- Идеализация** — общенаучный метод познания, при помощи которого свойства и признаки объекта исследования доводятся до крайнего предела; применяется с целью более полного и глубокого проникновения в сущность изучаемых процессов и явлений.
- Идеальный тип** — мысленный образ-схема, представляющий исследовательскую конструкцию для упорядочения и систематизации конкретно-исторического материала; введен М.Вебером.
- Идеология** — система идей, выражающая мировоззрение, интересы, идеалы того или иного класса, общества или социального движения.

Идеографический метод	— метод, состоящий в описании индивидуальных особенностей исторических фактов, на основе «отнесения к ценности» (действительно «существенным» событиям и явлениям); разработан баденской школой неокантианства.
Изоморфизм	— отношения типа одинаковости, равенства объекта и его модели.
Информация (в исторической науке)	— совокупность сведений источников, которая вовлечена в научный оборот и используется для изучения тех или иных конкретных явлений или процессов.
Информатизация	— совокупность процессов, происходящих во всех сферах общества и связанных с качественно новым уровнем производства, переработки и передачи информации.
Искусственный интеллект	— совокупность автоматических методов и средств целенаправленной переработки информации (знаний) в соответствии с приобретаемым в процессе обучения и адаптации опытом.
Историзм	— принцип подхода к действительности как изменяющейся и развивающейся во времени.
Историко-генетический метод	— способ изучения исторических явлений в процессе их развития от зарождения до гибели или современного состояния.
Историко-системный метод	— углубленный анализ общественно-исторических систем, раскрытие внутренних механизмов их функционирования.
Историко-сравнительный метод	— метод сопоставления исторических объектов в пространстве и времени и выявления сходства и различия между ними.

Историко-типологический метод	— средство выявления общих черт в пространственных группах исторических событий и явлений или выделения однородных стадий в непрерывно-временном их развитии.
Историософия	— философия истории, осмысление истории, теоретическое знание об истории; термин введен А.Цешковским.
Историческая информатика	— направление в исторической науке, возникшее на стыке источниковедения, информатики и квантитативной истории; в его основе лежит формализация и компьютерная обработка исторических источников, разработка и использование новых компьютерных технологий исследования, создание компьютерных программ обучения.
Исторический закон	— объективно существующая и повторяющаяся связь этапов исторического процесса, обобщающая эмпирические данные и носящая в реализации вероятностный характер.
Историческое	— философская категория, обозначающая процесс становления и развития объекта.
Источник	— продукт целенаправленной деятельности людей, включающий все объекты природы, с которыми взаимодействовал человек в процессе своей жизнедеятельности.
Категории	— наиболее общие понятия, концентрирующие знания о важнейших отношениях, свойствах и связях окружающего мира.

Квантитативная история (клиометрия)	— область исторической науки, основанная на применении количественных методов исследования.
Классификация	— прием, который позволяет выделить классы и группы сходных исторических объектов на основе определенных признаков.
Кластерный анализ	— метод классификации объектов при отсутствии заранее заданной информации о характере их распределения внутри группы.
Когнитивный	— познаваемый, соответствующий познанию.
Количественные методы	— совокупность приемов и методов описания, преобразования и получения нового исторического знания с использованием современных методов математики и информатики.
Колориметрия	— учение о способах математического решения проблем систематики, классификации, гармонии и эстетической оценки цвета.
Компьютерное источниковедение	— научное направление в источниковедении, основанное на применении компьютерных технологий.
Контент-анализ	— метод, основанный на сведении текста источника к ограниченному набору определенных элементов, которые легко подвергнуть количественной обработке.
Концепция всемирной истории	— рассмотрение исторического процесса исходя из взаимосвязи «всемирно-исторического» и «локально-исторического».

Концепция культурного плюрализма	— признание исторической индивидуальности каждого народа как высшей ценности и несравнимости индивидуальных культур; получил развитие в романтической историографии конца XVIII—XIX вв.
Культура историческая	— целостный исторический феномен (культурно-исторический тип, локальная культура), возникающий на базе территориальной, этнической, языковой, политической, экономической и психологической общности, проходящий этапы зарождения, развития и упадка.
Логическое	— философская категория, основанная на теоретическом воспроизведении развивающегося или развитого объекта во всех его существенных связях и отношениях.
Массовые источники	— объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами; к ним относится вся совокупность статистических источников.
Машиночитаемые документы	— документы, пригодные для автоматического (машинного) считывания содержащейся в них информации.
Менталитет (ментальность)	— особый набор «привычек мышления», обнаруживающихся как нечто самоочевидное для человека данного типа культуры на определенном историческом промежутке времени.
Метод	— способ построения и обоснования научного знания, совокупность приемов и операций, при помощи которых достигается цель научного исследования.

Методология (эпистемология)	— система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе.
Метод классового анализа	— рассмотрение любого общественного явления через призму наличия определенных классов и классовой борьбы.
Методы многомерного статистического анализа (МСА)	— набор математико-статистических методов, ориентированных на исследование статистических совокупностей, в которых объекты характеризуются набором определенных признаков.
Многомерное шкалирование	— метод МСА, целью которого является описание матрицы близости расстояний между точками объектов и представление данных об их сходстве в виде системы точек в пространстве.
Многомерность	— единство двух основных видов информации: внутреннего (теоретические, формально-логические, концептуальные модели) и внешнего (текстуальные и знаково-символьные формы).
Множественная регрессия	— метод МСА, посредством которого устанавливается зависимость одного признака (результатирующего) от набора независимых факторных признаков.
Моделирование	— метод исследования объектов познания на их моделях, воспроизводящих или отражающих эти объекты; в основе метода лежит теория подобия.
Моделирование отражательно-измерительное	— метод основанный на создании математических моделей, характеризующих процессы, происходившие в реальной исторической действительности.

Моделирование иммитационно-прогностическое	— конструирование подражательных моделей с целью определения оптимального характера функционирования общественных систем и проведения прогнозирования.
Модель	— искусственно созданная система, анализ которой позволяет получить информацию о реальной системе.
Мультимедиа-расширения	— пакеты программ, дающих возможность дополнить традиционные документы (таблицы, тексты, иллюстрации и т.д.) такими элементами, как звуковое сопровождение, видеовставки и т.д.
Необходимость	— философская категория, которая представляет отражение внутренних, устойчивых, повторяющихся, всеобщих отношений действительности; используется для определения поведения исторических субъектов, а также хода исторических процессов.
Номотетический метод	— метод естественных наук, состоящий в обобщении материала и установлении законов; разработан И.Кантом и представителями баденской школы неокантианства.
Объективность	— принцип, обеспечивающий получение истинного знания о прошлой реальности, адекватное ее понимание и описание.
Описание	— этап эмпирической стадии научного исследования, состоящий в фиксировании знания об исторической реальности с помощью системы обозначений, принятых в науке.

Парадигма	— теория или модель постановки проблемы, принятая в качестве основы для решения исследовательской задачи.
Познание историческое	— форма отражения объективной действительности, основанная на соблюдении принципов историзма, объективности и ценностного подхода.
Понятие научное	— мысль, отражающая в обобщенной форме связи между предметами и явлениями действительности посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов, явлений и отношения между ними.
Прагматика	— раздел семиотики, посвященный изучению отношения интерпретатора-пользователя какой-либо знаковой системы к самой знаковой системе.
Прогресс	— направление развития, характеризующееся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному.
Психогенетическая теория истории	— подход, основанный на передаче из поколения в поколение психической структуры как главной составляющей в распространении и развитии культурных элементов общества; разработан Л.де Мозе.
Психоистория	— совокупность научных направлений, использующих психологические методы исследования для исторического объяснения или рассматривающих психологические аспекты исторического процесса.

Психофизиологические методы	— методы, позволяющие выявить психическую мотивацию исторических процессов и создать психологическую концепцию личности в истории.
Реконструкция историческая	- восстановление изучаемой исторической реальности (событий прошлого) на основе извлечения из исторических источников скрытой информации путем использования логических приемов, чувственного опыта, интуиции, научного воображения.
Репрезентативность	— свойство выборочной совокупности объектов представлять характеристики генеральной совокупности.
Семантика	— раздел семиотики, посвященный анализу комплекса связанных между собой понятий, центральными из которых являются понятия смысла и значения.
Семантическая карта	— объединение вербальной и символической информации, позволяющее создать системное представление о предмете в его абстрактных и конкретных понятиях.
Семиотика	— теория, исследующая свойства знаковых систем или систем знаков, каждому из которых придается определенное значение.
Синтез	— логическая операция, состоящая в соединении различных элементов предмета или явления в единое целое.
Синхрония	— понятие, характеризующее историческую последовательность как сосуществование, состояние ее явлений в определенный момент времени.

- Система** — совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях одного с другим и образующая определенную целостность, единство.
- Системный подход** — общенаучный метод, в основе которого лежит исследование объектов как целостных систем, выявление их внутренних и внешних связей.
- Слот** — составная часть фрейма, «ячейка», которую нужно заполнить конкретными данными (в компьютерных системах представления знания).
- Случайность** — философская категория, служащая для отражения внешних, неустойчивых связей действительности.
- Социально-психологический подход** — изучение исторического процесса путем рассмотрения психологических аспектов событий или явлений с использованием психологических методов для объяснения.
- Структура** — совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях.
- Структурная лингвистика** — совокупность воззрений на язык и методы его исследования, в основе которых лежит понимание языка как знаковой системы с четко выделенными структурными элементами.
- Сущность** — внутреннее содержание исторического объекта, выражающееся в единстве всех его многообразных форм.

- Сублимация** — психический процесс преобразования и переключения энергии аффективных влечений на цели социальной деятельности и культурного творчества; понятие введено З.Фрейдом.
- Теория графов** — область дискретной математики, особенностью которой является геометрический подход к изучению объектов.
- Теория игр** — изучение математических моделей принятия оптимальных решений в условиях конфликта (под конфликтом понимается всякое явление, в котором участвуют различные стороны, называемые множествами игроков и наделенные несовпадающими интересами).
- Теория нечетких множеств** — теория, в которой осуществляется формализация нечеткости путем введения понятия степени принадлежности элемента нечеткому множеству (нечеткое или размытое множество — это совокупность элементов, относительно которых нет однозначного ответа на вопрос, принадлежит ли данный элемент этому множеству).
- Тип человеческой личности** — обобщенный образ, свойственный тому или иному обществу, соединяющий воедино все конкретные проявления человеческой активности.
- Типология** — метод познания, в основе которого лежит разъединение объектов и их группировка с помощью обобщенной идеализированной модели или типа.

- Тотальная история** — история жизнедеятельности людей в конкретном пространственно-временном промежутке, рассматриваемая историком со всех доступных ему аспектов; термин введен представителями французской школы «Анналов».
- Умеренный историзм** — подход, отвергающий претензии на непогрешимость знаний, но в то же время ориентированный на получение достоверного отражения прошлого как главной цели исторического познания; характерен современной американской историографии.
- Факт исторический** — объективное понятие по отношению к создателям исторических источников и историкам; инвариантно и неизменно в своей пространственно-временной и сущностной завершенности.
- Факторный анализ** — метод МСА, основанный на выявлении наибольшего числа существенных признаков через наименьшее количество емких и исчерпывающих характеристик.
- Формация** — исторический тип общества, основанный на определенном способе производства и выступающий как ступень в развитии человечества.
- Формализация** — совокупность познавательных операций, обеспечивающих отвлечение от значения понятий с целью исследования их логических особенностей, дедуктивных и выразительных возможностей.

- Фрейм** — структура компьютерной системы представления знаний, которая при заполнении ее элементов-слотов определенными значениями превращается в описание конкретного факта, события, процесса.
- Функция** — роль, выполняемая исторической наукой в обществе и определяющая в своей совокупности ее социальную ценность.
- Холизм** — термин, используемый для обозначения принципа целостности, который трактуется как высшее философское понятие, синтезирующее в себе объективное и субъективное; введен Я.Смэтсом.
- Ценностный подход** — аксиологический метод познания, основанный на соотношении изучаемых объектов с теми или иными общепризнанными ценностями.
- Цивилизация** — общество самобытного типа, характеризующееся наличием определенных признаков, основными из которых являются: урбанизация, социальная стратификация, хозяйственная и политическая активность, типизация человеческой личности, внешняя жизнедеятельность и др.
- Циклизм** — одна из концепций «всемирности», в соответствии с которой история — это совокупность последовательно расположенных замкнутых циклов, между которыми нет связей и переходов; разработана Д.Вико.

- Эмпирическое** — философская категория, характеризующая исследование, направленное непосредственно на объект и опирающееся на данные наблюдения и эксперимента.
- Этнология** — область науки, изучающая генезис, сущность, функции и закономерности в развитии различных народов.
- Явление** — внешняя форма существования исторического объекта.

ЛИТЕРАТУРА

Основная:

1. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. - М.: Наука, 1984. 342 с.
2. Глинский Б.А. Философские и социальные проблемы информатики. - М.: Наука, 1990. 105 с.
3. Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. - М.: Высш.шк., 1981. 296 с.
4. Жуков Е.М. Очерки методологии истории. - М.: Наука, 1980. 247 с.
5. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. 438 с.
6. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. - М.: Высш. шк., 1989. 174 с.

Дополнительная:

1. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. - Прага: Пламя, 1925. 338 с.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. 2-е изд. - М.: Наука, 1986. 254 с.
3. Бородкин Л.И. Методы прикладной математики и информатики в исторических исследованиях: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. - М.: МГУ, 1993. 48 с.
4. Брэтон Ф., Пру С. Выбух камунікацыі. - Мн.: Беларускі фонд Сороса, 1995. 334 с.
5. Будущее искусственного интеллекта. - М.: Наука, 1991. 301 с.
6. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1990. 804 с.
7. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. - М.: 1911. 284 с.
8. Гулыга А.В. Эстетика истории. - М.: Наука, 1974. 128 с.

9. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. - Л.: Наука, 1990. 279 с.
10. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». - М.: Индрик, 1993. 328 с.
11. Гуревич А.Я. Теория формации и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С.31-43.
12. Дильтей В. Описательная психология / Пер. с нем. - М.: Русский книжник, 1924. 118 с.
13. Доорн П. Историческая информатика: статистические программные средства для историков. - Нидерланды, 1992 (на англ. яз.). 120 с.
14. Древние цивилизации. - М.: Мысль, 1989. 479 с.
15. Ерофеев Н.А. Что такое история? - М.: Наука, 1976. 136 с.
16. История и компьютер: Новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. Сб. статей / Под ред. Бородкина Л.И. и Леверманна В. - Германия, Геттинген, 1993. 278 с.
17. Историческая наука: Вопросы методологии / Под ред. Ю.В.Бромлея. - М.: Мысль, 1986. 259 с.
18. Кареев Н.И. Теория исторического знания. - Сиб., 1913. 320 с.
19. Каракозова Э.В. Моделирование в общественных науках. Философско-методологические проблемы. - М.: Высш. шк., 1986. 101 с.
20. Карр Э. Что такое история? - Нью-Йорк, 1962 (на англ. яз.). 209 с.
21. Ключевский В.О. Методология русской истории // Соч. В 9 т. Т.6. - М.: Мысль, 1989. 476 с.
22. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. - М.: Наука, 1980. 485 с.
23. Коммеджер Г.С. Природа и изучение истории. - Колумбия, Огайо, 1966 (на англ. яз.). 160 с.
24. Коршунов А.М., Шаполов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. - М.: МГУ, 1984. 192 с.
25. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. - М.: МГУ, 1991. 191 с.
26. Лаптево-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1. - Ч. 1-2. - Сиб., 1910-1913. 292 с.

27. Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории / Пер. с нем. - М., 1904. 66 с.
28. Методологические проблемы исторической науки. Сб. статей / Под ред. В.Н.Сидорцова и В.Ф.Кушнера. - Мн.: БГУ-БИЖ, 1993. 122с.
29. Минский М. Фреймы для представления знаний. - М.: Энергия, 1979. 151 с.
30. Нечухрин А.Н. Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е гг. XIX в.-1917 г.). - Гродно, 1992 / Депонир. в ИНИОН РАН № 47748 от 22.02.93/.
31. Ракитов А.И. Историческое познание. - М.: Политиздат, 1982. 302 с.
32. Ренир В.С. История. Ее цель и метод. - Лондон, 1950 (на англ. яз.). 320 с.
33. Риккерт Г. Философия истории / Пер. с нем. - Спб., 1908. 196 с.
34. Стерн А. Философия истории и проблема ценностей. - Гаага, 1962 (на англ. яз.). 248 с.
35. Таллер М.Клею 4. Система управления банком данных / Пер. с нем. - М.: МГОА, 1995. 279 с. (на англ. и нем. яз.).
36. Тойнби А.Д. Постигание истории / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1990. 730 с.
37. Философия и методология истории. - М.: Прогресс, 1977. 334 с.
38. Философские проблемы исторической науки. - М.: Наука, 1969. 319 с.
39. Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. - Изд. 2-е, испр. и доп. - М., 1914. 315 с.
40. Хьюз Г.С. История как искусство и как наука. - Нью-Йорк, Эванстон, Лондон, 1964 (на англ. яз.). 107 с.
41. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. - М.-Пг., 1923. 468 с.
42. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. - М.: Политиздат, 1991. 527 с.

**Александр Николаевич Нечухрин,
Владимир Никифорович Сидорцов,
Ольга Михайловна Шутова и др.**

Методология истории

Учебное пособие для студентов вузов

**Редактор В.Н.Сидорцов.
Компьютерная верстка Е.Г.Циманович.
Ответственный за выпуск С.В.Процко.**

Подписано в печать 06.09.96.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ.л. 7,5. Усл.печ.л. 12,6. Заказ 1275.
Тираж 2500 экз.

НТООО "ТетраСистемс". Лицензия ЛВ № 1274.
220116, г.Минск-116, а/я № 662.

**Качество печати соответствует качеству представленных
издателем диапозитивов.**

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства „Белорусский Дом печати“
· 220013. Минск, пр. Ф. Скорины, 79.